

1925 р ОРБ

МАЙ, МАУ, 31 ДЕНЬ

РУССКІИ СВЯТА			ЛАТИНСКІИ СВЯТА		
1	Ч	Прп. Іеремія	14	Май. Бонифатія	
2	Т	Св. Аванасія Велікаго	15	Софія	
3	С	Феодосія пещерскаго	16	Іоанна	
4	Н	5. О Самаряннѣ. Муч. Целогія	17	5. Паскалія	
5	П	Св. вел.-муч. Ирцы	18	Феликса	
6	В	Іова Многострадальна	19	Петра	
7	Р	Воспом. Знамени Креста	20	Бернарда	
8	Ч	Ап. и еванг. Іоанна Богослова	21	Вознесеніе Христова	
9	Т	Перенес. мощей св. Николая	22	Юлія	
10	С	Апост. Самона Зилота	23	Давидія	
11	Н	6. О Сявпорожд. Св. Кир. и Мее.	24	6. Іоанны	
12	П	Св. Германа	25	Урбана	
13	В	Муч. Гликерія, мч. Александара	26	Филиппа	
14	Р	Муч. Исидора, Прп. Никиты	27	Іоанна	
15	Ч	Вознесеніе Господне	28	Викольма	
16	Т	Прп. Феофора и Ефрема	29	Максимиціана	
17	С	Св. Стефана, Ап. Андроніа	30	Феликса	
18	Н	7. Св. От. 1 Соб. Ник. и Петра	31	Сожествіе св. Духа	
19	П	Святц.-муч. Патрікія	1	Іюнь. Зелія. Понед.	
20	В	Муч. Фалокса и Аскалона	2	Ерасма	
21	Р	Наря Константина и Ольги	3	Клеппіи	
22	Ч	Святц.-муч. Василіска	4	Клирція	
23	Т	Св. Леонтія, Прп. Михаила	5	Бонифатія	
24	С	Св. Симеона и Никиты	6	Норберта	
25	Н	Сож. св. Духа. 3-ебо м. Іоанна	7	1. Святей Тройцы	
26	П	Гресс. Тройцы. Муч. Агосты	8	Медарда	
27	В	Святц.-муч. Ферапонта	9	Фелиціана	
28	Р	Прп. Никиты, еписк. галл.	10	Маргареты	
29	Ч	Муч. Феодосія, Св. Іоанна	11	Пр. Евхаристія	
30	Т	Прп. Исмаїля далматскаго	12	Іоанна	
31	С	Ап. Ефрема, Муч. Ермія	13	Антонія	

4 мая. Нед. 5. О Самаряннѣ. Утр. Еванг. Іоанна зач. 63. На литургія: Ап. Дѣян. зач. 28. Еванг. Іоанна зач. 12.

11 мая. Нед. О Сявпорожденномъ. Утрен. Еванг. Іоанна зач. 64. На литургія: Ап. Дѣян. зач. 38. Еванг. Іоанна зач. 34.

13 мая. Нед. 7. Оз. Отець 1 Соб. Ник. Утрен. Еванг. Іоанна зач. 66. На литургія: Ап. Дѣян. зач. 44. Еванг. Іоанна зач. 56.

25 мая. Сож. св. Духа. Утрен. Еванг. Іоанна зач. 65. На литургія: Ап. Дѣян. зач. 3. Еванг. Іоанна зач. 27.

ІЮНЬ, ЧЕРВЕНЬ, JUNE, 30 ДНЕЙ

РУССКІИ СВЯТА

ЛАТИНСКІИ СВЯТА

1	И	1. Всѣхъ Святыхъ.	14	Іюнь. 2. Вислія
2	И	Св. Никифора, (Начало поста)	15	Вита и Модеста
3	В	Муч. Луккиліана и Клавдія	16	Франца
4	Р	Св. Митрофана патр. конст.	17	Адолфа
5	Ч	Свят.-муч. Дорошея, св. к. Игоря	18	Марка, Маркилла
6	Т	Прп. Виссаріона и Ізаріона	19	Юліана, Гервасія
7	С	Муч. Осодора, Муч. Кириакіи	20	Сильверія
8	И	2. Велич. муч. Осодора страт.	21	3. Алоісія
9	И	Св. Кирилла и Александра	22	Паулина
10	В	Свят.-муч. Тимошея	23	Зенона
11	Р	Варволомея и Варвасія	24	Іоанна Е.
12	Ч	Прп. Осуфрія, Петра, Арсенія	25	Вильгельма
13	Т	Муч. Акакія, Св. Трифітал	26	Іоанна, Пазла
14	С	Прп. Елсеви, Св. Меводія	27	Владислава
15	И	3. Прр. Аммоса, Св. Іоны	28	4. Лыя и Рим.
16	И	Св. Тихона амазонск.	29	Петра и Павла
17	В	Муч. Мануила, Самеди	30	Емилиа, Лукиа
18	Р	Муч. Леонія, Інатія	1	Іюль. Теобальда
19	Ч	Ап. Іуды брата Господня	2	Іосефа, Пр. Д. Марія
20	Т	Свят.-муч. Меводія патр.	3	Іліодора, Анаголія
21	С	Муч. Іуліана и Терентія	4	Іосефа Кал.
22	И	4. Свят.-муч. Евсевія самосат.	5	5. Филомена
23	И	Муч. Агриніицы	6	Исаія
24	В	Рождество св. Іоанна Крестит.	7	Пулхеріи
25	Р	Прп.-муч. Февронія	8	Елсаветы
26	Ч	Прп. Давида селунск.	9	Кирилла
27	Т	Прп. Самсона Огратиопр.	10	Іоанна Дукл.
28	С	Св. безсерб. Кира и Іоанна	11	Пелагія
29	И	5. Свв. Апп. Петра и Павла	12	6. Генриха
30	И	Соборъ 12 Апостоловъ	13	Маргареты

1 іюня. Нед. 1. Всѣхъ Святыхъ. Гласъ 3, Утрен. Еванг. 1. На литургіи: Ап. къ Евр. зач. 330. Еванг. Мат. зач. 38.

8 іюня. Нед. 2. Гласъ 1. Утрен. Еванг. 3. На литургіи: Апост. къ Римл. зач. 82. Еванг. Мат. зач. 9

15 іюня. Нед. 3. Гласъ 2, Утрен. Еванг. 3. На литургіи: Апост. къ Римл. зач. 88. Еванг. Мат. зач. 18

22 іюня. Нед. 4. Гласъ 3, утрен. Еванг. 4. На литургіи: Апост. къ Римл. зач. 93. Еванг. Мат. зач. 25.

29 іюня. Нед. 5. Свв. Апп. Петра и Павла. Гласъ 4, утрен. Еванг. 5. На литургіи: Апост. къ Римл. зач. 103 и Кор. зач. 16. Мат. зач. 28 и Мат. зач. 67.

ІЮЛЬ, ЛІПЕНЬ, JULY, 31 ДЕНЬ

РУССКІИ СВЯТА

ЛАТИНСКІИ СВЯТА

1	В	Св. Космы и Даміана	14	Іюль. Бонавентуры
2	Р	Положеніе ризы Богородицы	15	Роземяка апостоловъ
3	Ч	Муч. Іакинѳа, Св. Фаллипа	16	Мат. Вок. еван.
4	Т	Мароп, Св. Андрея	17	Алексея
5	С	Прп. Аванасія, Сергія радонск.	18	Симеона, Фридриха
6	И	6. Прп. Спеса Великаго	19	7. Викенія Над.
7	И	Обмы и Акакія	20	Чеслава
8	В	Вел.-муч. Проконія	21	Пракседія
9	Р	Св.-муч. Панкратія и Кирилла	22	Марія Магдалины
10	Ч	Прп. Антоія	23	Аноллінарія
11	Т	Влаж. мч. Ольги	24	Христини
12	С	Муч. Прокла и Іларія	25	Ікова апостола
13	И	7. Св. От. пер. 6 Соб. арх. Гавр.	26	8. Анна, Эраста
14	И	Прп. Онисима	27	Наталія
15	В	Св. вел. князя Владиміра	28	Никоентія
16	Р	Св.-муч. Павла, Алевтины	29	Мароп
17	Ч	Св. вел.-муч. Марини	30	Авдона, Юлиа
18	Т	Свят.-муч. Емилиана	31	Исидія, Лойболы
19	С	Прп. Макрими, Прп. Дія	1	Августъ, Петра
20	И	8. Св. Пророка Ілія	2	9. Мат. Вок. Анг.
21	И	Прп. Симеона и Іоанна	3	Обр. моц. св. Стефана
22	В	Св. Марія Магдалины	4	Доминика
23	Р	Муч. Трофима и Ософила	5	Пр. Д. М. Сибк.
24	Ч	Мч. Христини, Бориса и Хлѣба	6	Преображеніе Господне
25	Т	Св. праведныя Анны	7	Кагана
26	С	Прп. Мойсея	8	Кириака
27	И	9. Св. вел.-муч. Пантелеймона	9	10. Романа
28	И	Св.ан. Прохора, Пиканора	10	Лаврентія
29	В	Свят.-муч. Казиница	11	Сюзанны
30	Р	Св. Іоанна война	12	Клары
31	Ч	Св. праведн. Евдокима	13	Инолита

6 іюля. Нед. 6. Гласъ 5, утрен. Еванг. 6. На литургіи: Апост. къ Римл. зач. 110. Еванг. Мат. зач. 29.

13 іюля. Нед. 7. Св. От. пер. 6 Собор. Гласъ 6, утр. Еванг. 7. На литургіи: Апост. къ Римл. зач. 116 и Евр. зач. 334. Еванг. Мат. зач. 33 и Іоанна зач. 56.

20 іюля. Нед. 8. Гласъ 7, утрен. Еванг. 8. На литургіи: Апост. къ Корин. зач. 124. Еванг. Мат. зач. 58.

27 іюля. Нед. 9. Гласъ 8, утрен. Еванг. 9. На литургіи: Апост. къ Корин. зач. 128. Еванг. Мат. зач. 59.

АВГУСТЪ, СЕРПЕНЬ, AUGUST, 31 ДЕНЬ

РУССКІИ СВЯТА

ЛАТИНСКІИ СВЯТА

1	П	Пронсх. др. Креста (Н. поста).	14	Августъ. Евсевія
2	С	Перенес. мощ. муч. Стефана	15	Успеніе Богородицы
3	П	10. При. Исаакія и Антонія	16	11. Роха, Іоаннма
4	П	Св. седми отроковъ	17	Либерта
5	В	Муч. Евстигніи и Кандидія	18	Елены
6	Р	Преображеніе Господне	19	Бенигны
7	Ч	При.-муч. Дометія	20	Стефана, Бернарда
8	Т	Св. Емеліана, При. Григорія	21	Іоанны
9	С	Ап. Магдея, При. Исоа.	22	Филиберта
10	П	11. архд. Лаврентія	23	12. Филиппа
11	П	Муч. Евила, Феодора	24	Варооломея
12	В	Муч. Фотія и Аникиты	25	Людвика.
13	Р	Св. Тихона задонскаго	26	Зеферина.
14	Ч	При. Феодосія	27	Іосифа
15	Т	Успеніе Пресв. Богородицы	28	Августина
16	С	Перен. Нерукотворен. образа	29	Усѣки. гл. Іоанна Крестъ.
17	Н	12. Муч. Мирона, При. Аштія	30	13. Розы, Іоаннма
18	П	Муч. Флора и Лавра	31	Раймунда.
19	В	Муч. Андрея стратилата	1	Сентябрь. Егидія
20	Р	Муч. Севира, При. Самуила	2	Юста
21	Ч	Св. муч. Вассы Св. ап. Фаддея	3	Брониславы
22	Т	Св. Асанасія, Св.-муч. Евхалин	4	Розалин
23	С	Свщ.-муч. Луппа, Св. Калиника	5	Лаврентія
24	Н	13. Св. Петра митрополита	6	14. Захарін
25	П	Ап. Вароомен и Тита	7	Регины
26	В	Муч. Андрияна и Наталія	8	Рождество Богородицы
27	Р	При. Пимена,, Св. Осія	9	Горгонія
28	Ч	При. Мойсей Муриня и Саввы	10	Николаж
29	Т	Усѣки. гл. Іоанна При. (постъ)	11	Прота
30	С	Пер. мощ. св. в. кн. Ал. Невск.	12	Гвидона
31	Н	14. Полож. моща При. Богород.	13	15. Поликсены

3 августа. Нед. 10. Гласъ 1, утрен. Еванг. 10. На литургіи: Апост. къ Корин. вач. 131. Еванг. Мат. вач. 72.

10 августа. Нед. 11. Гласъ 2, утрен. Еванг. 11. На литургіи: Апост. къ Корин. вач. 141. Еванг. Мат. вач. 77.

17 августа. Нед. 12. Гласъ 3, утрен. Еванг. 1. На литургіи: Апост. къ Корин. вач. 158. Еванг. Мат. вач. 79.

24 августа. Нед. 13. Гласъ 4, утрен. Еванг. 2. На литургіи: Апост. къ Корин. вач. 166. Еванг. Мат. вач. 87.

31 августа. Нед. 14. Гласъ 5, утрен. Еванг. 3. На литургіи: Апост. къ Корин. вач. 170. Еванг. Мат. вачако 89.

СЕНТЯБРЬ, ВЕРЕСЕНЬ, SEPTEMBER, 30 ДНЕЙ

РУССКІИ СВЯТА

ЛАТИНСКІИ СВЯТА

1	П	При. Симеона Столпника	14	Сентябрь. Вова Чест. Кр.
2	В	Муч. Маманта, Св. Іоанна	15	Никодима
3	Р	Свщ.-муч. Анонма, Муч. Вас.	16	Людмила
4	Ч	При. Мойсея, Муч. Ермонія	17	Ламберта
5	Т	При. Захарія и Елисаветы	18	Фомы
6	С	Чудо арх. Михаила	19	Іануарія
7	Н	15. Предъ Воздвиж. мч. Савонта	20	16. Евстахія
8	П	Рождество Пресв. Богородицы	21	Магоя
9	В	Богоотецъ Іакима и Анны	22	Маврикія
10	Р	Муч. Минодоры и Митродоры	23	Феклы
11	Ч	Муч. Дюдора, При. Феодоры	24	Герарда
12	Т	Свщ.-муч. Автонома	25	Клеопы
13	С	Обнов.. Храма Воскресенія	26	Кириана
14	Н	16. Воздвиж. Креста. Г. (постъ)	27	17. Космы
15	П	При. Фикофея, Муч. Никиты	28	Вилеслава
16	В	Вел.-муч. Евфимія и Людмилы	29	Михаила Архистратига
17	Р	Муч. Софія, Вѣры, Над. и Люб.	30	Геронима
18	Ч	Свщ.-Муч. Кастера	1	Онгябрь. Ремгія
19	Т	Трофима и Савватія	2	Леодияра
20	С	Вел.-муч. Евсаоія	3	Кандида
21	Н	17. По Воздвиж. Св. ап. Кодрата	4	18. Францишка
22	П	Свщ.-мч. Фоки, При. Іоны	5	Плакида
23	В	Зач. Іоанна Предтечи	6	Брунона
24	Р	Первомуч. Феклы	7	Юстинны
25	Ч	Сергія радонск.	8	Бригиды
26	Т	Прест. ап. и св. Іоанна Богосл.	9	Викентія
27	С	При. Савватія	10	Францишка
28	Н	18. При. Харитона испов.	11	19. Германа
29	П	При. Кириака огнелюбика	12	Максиміана
30	В	Свщ.-муч. Григорія, Михаила	13	Эдуарда

7 сентября. Нед. 15. Предъ Воздвиженіемъ. Гласъ 6, утрен. Еванг. 4. На литургіи: Апост. къ Кор. вач. 176 и къ Галат. вач. 215. Еванг. Мат. вач. 92 и Іоанна вач. 9.

14 сентября. Нед. 16. Воздвиженіе Креста Господня. Утрен. Еванг. Іоанна вач. 42. На литургіи Ап. къ Кор. вач. 125. Еванг. Іоанна вач. 60.

21 сентября Нед. 17. По Воздвиженіи. Гласъ 8, утрен. Еванг. 6. На литургіи: Апост. къ Кор. вач. 182 и къ Галат. вач. 203. Еванг. Мат. вач. 62 и Марка вачако 37.

28 сентября. Нед. 18. Гласъ 1, утрен. Еванг. 7. На литургіи: Апост. къ Кор. вач. 188. Еванг. Луки вач. 17.

ОКТАБРЬ, ЖОЛТЕНЬ, ОСТОВЕР, 31 ДЕНЬ

РУССКІИ СВЯТА			ЛАТИНСКІИ СВЯТА		
1	Р	Покровъ Пресв. Богородицы	14	Октябрь. Калкста	
2	Ч	Свящ.-муч. Кипріяна	15	Ирвинъ, Тересы	
3	Т	Свящ.-муч. Дионсія Ареоп.	16	Гавла, Мартинаіана	
4	С	Свящ.-муч. Героева, Св. Луція	17	Лукив	
5	П	19. Св. Петра, Алексія	18	20. Луки Евангелиста	
6	П	Апостола Фомы	19	Петра	
7	В	Муч. Сергія и Вакха	20	Фелиціана	
8	Р	Прп. Пелагіи и Тавені	21	Уреулы	
9	Ч	Апостола Іакова Алфеева	22	Кордулы	
10	Т	Муч. Евлампія и Евлампіи	23	Іоанна Кап.	
11	С	Ап. Филиппа, Прп. Ософана	24	Рафанла	
12	П	20. Св. От. 2 Соб. Ник. Прова	25	21. Хризанта	
13	П	Муч. Карпа и Папылы	26	Эвариста	
14	В	Муч. Назарія, Прп. Нарасковы	27	Савины	
15	Р	Прп.-муч. Луціана	28	Симона	
16	Ч	Муч. Лонгина сотника	29	Наркиса	
17	Т	Прп. Андрея Критскаго	30	Клавдія	
18	С	Апостола и евангелиста Луки	31	Вольфганга	
19	П	21. Прп. Іоанна, Прп. Іоанна	1	Ноябрь. 22. Всѣхъ Святыхъ	
20	П	Вел.-муч. Артемія	2	День задушный	
21	В	Прп. Іларіона Великаго	3	Губерга	
22	Р	Казанск. ик. Пресв. Богород.	4	Кароли	
23	Ч	Ап. Іакова брата Господня	5	Елисаветы	
24	Т	Іоансеія, Муч. Ареты	6	Леопольда	
25	С	Муч. Маркіана и Мартирія	7	Геркулана	
26	П	22. Димитрія Великомученика	8	23. Едслава	
27	П	Прп. Пестора Афонска	9	Оселора	
28	В	Муч. Терентія и Неошмы	10	Андрея	
29	Р	Прп.-муч. Аваксейн	11	Марина еп.	
30	Ч	Свящ.-муч. Зиновія и Зиновіи	12	Мартина паны	
31	Т	Ап. Стахія, Амавія и Наркисса	13	Евгенія	

5 октября. Нед. 19. Гласъ 2, утр. Еванг. 8. На литургиі: Апост. къ Кор. зач. 194. Еванг. Луки зач. 26.
 12 октября. Нед. 20. Св. От. 2 соб. Ник. Гласъ 3, утр. Еванг. 9. На литургиі: Апост. къ Рим. зач. 200 и къ Рим. 334. Еванг. Луки зач. 30 и Іоанна зачало 58.
 19 октября. Нед. 21. Гласъ 4, утр. Еванг. 10. На литургиі: Апост. къ Рим. зач. 203. Еванг. Луки зач. 35.
 26 октября. Нед. 22. Димитрія Великомуч. Гласъ 5 утр. Еванг. 11. На литургиі: Апост. къ Рим. зач. 215 и къ Тим. зач. 192. Еванг. Луки зач. 33 и Іоанна зачало 52.

ПОПГО, ЛЮБІМЦО, ПОУСМІДЕ, ЈУ ДЦІЛ

РУССКІИ СВЯТА			ЛАТИНСКІИ СВЯТА		
1	С	Везеребр. Космы и Даміана	14	Ноябрь. Серафима	
2	П	23. Прп. Маркіана	15	24. Леопольда	
3	П	Прп. Акексима	16	Отмара, Эдмунда	
4	В	Прп. Іоанкія Великаго	17	Саломіи	
5	Р	Муч. Галактіона	18	Оттона	
6	Ч	Павла, Прп. Луки	19	Елисаветы	
7	Т	Муч. Терона и съ нимъ 33 муч.	20	Феликса	
8	С	Св. Михаила Архистратига	21	Введеніе въ храмъ П. Д. М.	
9	П	24. Мч. Онисфора и Порфирія	22	25. Цецилія	
10	П	Ап. Ераста, Олимпя и Родіона	23	Климентя	
11	В	Муч. Миня, Виктора и Викент.	24	Іоанна отъ Креста	
12	Р	Св. Іоанна Милосиваго	25	Екатерины	
13	Ч	Св. Іоанна Златоустаго	26	Копрада	
14	Т	Св. Апост. Филиппа	27	Валерія	
15	С	Муч. Гурія (Начало поста)	28	Кресцентія	
16	П	25. Ап. и еванг. Матвея	29	1. Адвенту. Сатурніна	
17	П	Св. Григорія епископа	30	Андрея зап.	
18	В	Муч. Платона и Романа	1	Денабрь. Елигія	
19	Р	Прп. Варлаама, Прп. Авдія	2	Бабіаня	
20	Ч	Св. Прокла, Прп. Григорія	3	Франциска	
21	Т	Введеніе Пр. Богор. въ Храмъ	4	Варвара	
22	С	Филиппа, Св. Миканла	5	Саввы	
23	П	26. Св. кн. Александра Невск.	6	2. Адвенту. Писколая	
24	П	Вел.-муч. Екатерины	7	Амвросія	
25	В	Свящ.-муч. Климента и Петра	8	Непор. зач. Д. Маріи	
26	Р	Прп. Алшіи, Св. Инокентія	9	Леокадія	
27	Ч	Вел.-муч. Іакова персіан.	10	Мат. Вож. Морет.	
28	Т	Прп.-муч. Стефана	11	Дамазія	
29	С	Прп. Цекратія и чере.	12	Александра	
30	П	27. Св. ап. Андрея Первозвап.	13	3. Адвенту. Лукив	

2 ноября. Нед. 23. Гласъ 6, утр. Еванг. 1. На литургиі: Апост. къ Ефис. зач. 220. Еванг. Луки зач. 38.
 9 ноября. Нед. 24. Гласъ 7, утр. Еванг. 2. На литургиі: Апост. къ Ефис. зач. 221. Еванг. Луки зачало. 39.
 16 ноября. Нед. 25. Гласъ 8, утр. Еванг. 3. На литургиі: Апост. къ Ефис. зач. 224. Еванг. Луки зач. 53.
 23 ноября. Нед. 26. Гласъ 1, утр. Еванг. 4. На литургиі: Апост. къ Ефис. зач. 229. Еванг. Луки зач. 66.
 30 ноября. Нед. 27. Гласъ 2, утр. Еванг. 5. На литургиі: Апост. къ Ефис. зач. 233. Еванг. Луки зачало 71.

ДЕКАБРЬ, ГРУДЕНЬ, СЕПЕМВЕН, 31 ДЕНЬ

РУССКІИ СВЯТА

ЛАТИНСКІИ СВЯТА

1	П	Прр. Паума, Св. Филарета	14	Декабрь. Никаза
2	В	Пророка Аввакума	15	Фортунига
3	Р	Прп. Саввы, Прп. Софоніи	16	Аделаиды
4	Ч	Св. вел.-муч Варвары	17	Лазаря
5	Т	Прп. Саввы Освященнаго	18	Граціана
6	С	Николая Архіеп., Чудотворца	19	Немезія
7	П	28. Св. Амвросіа, еписк медіол.	20	4. Адвенту. Либерта
8	П	Ап. Сосвона, Прп. Потанія	21	Оомы
9	В	Зач. Пресв. Богород. отъ Анни	22	Зенона
10	Р	Муч. Минны, Ермогена	23	Викторія
11	Ч	Прп. Данила, Луки столпника	24	Адама и Евы
12	Т	Прп. Спиридона примифуг.	25	Рождество Христово
13	С	Муч. Евстратія и Авксентія	26	Первомуч. Стефана
14	П	Св. Праотецъ Муч. Фирса	27	Недѣля по Рождествѣ
15	П	Свиц.-муч. Елевверія	28	Млад. убіен. въ Вилд.
16	В	Прр. Аггел, Бл. Теофанія	29	Оомы
17	Р	Прр. Данила, Св. Анавіи	30	Давида
18	Ч	Муч. Севастіана, Св. Модеста	31	Сильвестра
19	Т	Муч. Вонифатія, Св. Григорія	1	Январь. 1926. Нов. Годъ
20	С	Свиц.-муч. Ионатія Боговосца	2	Макарія
21	П	Св. Отецъ. Св. Петра митр.	3	Гонимы
22	П	Св. вел.-муч. Анастасіи	4	Тита, Евгения
23	В	Св. Феодула, Прп. Павла	5	Эмилии
24	Р	Навеч. Рождества Христова	6	Трехъ Царей (Ел. Хр.)
25	Ч	Рождество Христово	7	Лукіана
26	Т	Соборъ Пр. Богородицы, Іосифа	8	Северина
27	С	Первомуч. Стефана	9	Маркіана
28	П	По Рождествѣ. Нам. и. 20 тыс.	10	1. По Ениф. Вильгельма
29	П	Память млад. 14 тыс. убіен.	11	Гиганія, Алоисія
30	В	Муч. Анисія, Прп. Зотика	12	Гонораты, Эрнеста
31	Р	Прп. Меланія римлян.	13	Игарія, Вероникки

7 декабря. Нед. 28. Глазь 3, утрен. Еванг. 6. На литургии: Апост. къ Колос. зач. 250. Еванг. Луки зач. 85.

14 декабря. Нед. Св. Праотецъ. Глазь 4, утрен. Еванг. 7. На литургии: Апост. къ Колос. зач. 257. Еванг. Луки зач. 76.

21 декабря. Нед. Св. Отецъ. Глазь 5, утрен. Еванг. 8. На литургии: Апост. къ Ефис. зач. 328. Еванг. Мат. зач. 1.

28 декабря. Нед. по Рождествѣ. Глазь 6, утрен. Еванг. 9. На литургии: Апост. къ Римл. зач. 200. Еванг. Мат. зач. 4.

УСТАВОВЫЙ УКАЗАТЕЛЬ РУССКОЙ ЦЕРКВИ НА 1925 ГОДЪ

ПАСХАЛІЯ

Ключъ граничный або пасхалиа 0
 Мясопустія 6 недѣль и 5 дней.
 Мясопусть 9 февраля (22 февраля).
 Сыропусть 16 февраля (1 марта).
 Благовѣщеніе въ вторникъ 6 седмицы поста.
 Пасха Христова 6 апрѣля (19 апрѣля).
 Пасха римская седмицею передъ нашею.
 Вознесеніе 15 мая (28 мая).
 Сочестіе Св. Духа 25 мая (7 іюня).
 Петрова поста 3 недѣли и 6 дней.
 Вруцѣ лѣто а отъ 1 марта в.

ПОСТЫ

- 1) Въ Навечеріе св. Богоявленія 5 (18) января.
- 2) Великій постъ или св. Четыредесятница начинается съ понедѣльни. ка по недѣли сыропустной и продолжается до дня св. Пасхи.
- 3) Апостольскій или Петровъ постъ, начинающійся съ понедѣльника по недѣлѣ Всѣхъ Святыхъ, продолжающійся до свв. Апп. Петра и Павла.
- 4) Успенскій или Спасовъ постъ (Маккаевка) съ 1 (14) по 15 (28) августа, то — естъ, до Успенія Пресв. Богородицы.
- 5) Въ день Усѣкновенія Главы Іоанна Крест. 29 августа (11 сентября).
- 6) Въ день Воздвиженія Честнаго Креста Господня 14 (27) сентября.
- 7) Рождественскій постъ или Филиповъ, съ 15 (28 ноября) по 25 декабря 7 января 1926) включительно.
- 8) Каждой среды и пятницы въ продолженіи всего года за исключеніемъ недѣль всѣдннихъ или синопныхъ.

СЕДМИЦЫ ВСЕДННИИ ИЛИ СПЛОШНЫИ

- 1) Съ дня Рождества Христова до св. Богоявленія съ исключеніемъ Навечерія св. Богоявленія.
- 2) Между недѣлями Мытаревой и Блуднаго Сына.
- 3) Свѣт. Седмица отъ Пасхи до нед. Оомной.

ЦЕРКВОЮ ЗАПРЕЩАЮТСЯ ПУБЛИЧНЫИ ЗАБАВЫ СЪ МУЗЫКОЮ

- 1) Во всѣ среды и пятницы за исключеніемъ недѣль синопныхъ по недѣлѣ Мытаревой и по Соч. св. Духа.
- 2) Отъ начала Рождественскаго поста до св. Богоявленія включительно.
- 3) Съ понедѣльника по Сыропустной недѣли до нед. Оомной.
- 4) Въ Петровомъ постѣ.
- 5) Въ двухнедѣльномъ Спасовомъ постѣ.
- 6) Въ день Усѣкн. главы св. Іоанна Крест. 29 августа (11 сентября).
- 7) Въ день Воздвиженія Честнаго Креста 14 (27) сентября.

Якъ Тебе, милый Гостю витати,
У насъ достатковъ, хлѣба не мае,
Полить бо наша земля раждае.
И шоте горе, то наше жниво,
Горе, что ѣсть насъ, томить съѣдливо,
У насъ въ поль-дѣтїя тучи, морозы,
Прїидижь отертн отвѣчны слезы.
Прїиди Ты: Тысячь девятьсотъ, двадцатый пятый!

* * *

Принеси миръ намъ, и лучъ надежды,
Внеси потѣху подъ нашу стрѣху.
Сгороди путь всю несчастью, лиху,
И дай надежду, что больнь страдати,
Не будетъ горя, Русская Мати.
Что окремя хлѣба, стравы, одежды,
Сродится комячь на нашемъ поли,
Свободы, братства, доли и воли!

* * *

Витай же. Гостя, прарусскїй роде,
Молися Богу, чтобъ скоро, живо
Для насъ настало достойне жниво,
Чтобы воскресла въ чести и славѣ
Давная едность въ русской державѣ,
Тогдѣ то мы Ты щиро свитаемъ,
Хлѣбомъ и солью, русскимъ звычаемъ,
Тысячь девятьсотъ двадцатьпятый Годе!

Свящ. І. Я. Луцкыъ.

Писма кума Ваня къ своимъ краянамъ'

1. О Богу.
2. О людяхъ.
3. О русской революціи и свавянахъ.
4. О Карпато-русской колоніи въ Россіи.
5. О Сибири.
6. О русской эмиграціи.
7. О Украинцахъ.
8. О календарѣ и азбукѣ.

О БОГУ.

Вычиталь я въ «Русскомъ Голосѣ», въ американской русской газетѣ, что «не Богъ сотворилъ челоувѣка, а челоувѣкъ Бога». Розумѣють то такъ, что народы творили собѣ своихъ боговъ.

Правда, мы знаемъ изъ исторіи, что греки, римляны, египтяне и други древныи, культурныи народы творили собѣ сами боговъ, вѣрили и поклонялися имъ. Але и то знаемъ, что коли перестали вѣрити, перестали поклонятися, пропали. Тѣ боги нима самима сотворены, давали имъ животворящу силу, давали имъ жизнь, нхали ихъ впередъ. А коли дошли тоты народы до такой зарозумѣлости, что сказали: Мы сами боги! Упали. Упали римляне и греки, упала ихъ велика держава.

Але демя только нашан Бога, увѣровали, поклонялися, сейчасъ почали строити нову Византїйску державу, котора не уступала въ славъ старой державѣ.

И еще не было примѣра въ исторіи челоувѣчества, чтобы который - нибудь народъ создалъ что - нибудь безъ Бога. Богъ даетъ силу, даетъ жизнь народамъ.

Жиды самый живый народъ темеръ во свѣтѣ. Жиды найбогачѣйшїи народъ. Жиды трисутъ свѣтомъ. Бо жиды самый вѣрующїи народъ въ свѣтѣ. И ихъ вѣра даетъ имъ ту животворящу силу. И ихъ сила не въ Патанѣ и Лэйбѣ, въ сынахъ миллионеровъ, не въ

Троцкомъ, которы стратили вѣру, а сила ихъ въ томъ бородачомъ народѣ. Тѣ бородачи жиды живутъ и создаютъ. А если тѣ бородачи жиды стратятъ своего Бога, пропадутъ все жиды.

И такъ человѣка болить, коли нашъ простый рабочій скажетъ: «Нѣтъ Бога! Я самъ Богъ. Наплевать мнѣ на православіе!»

Нѣтъ, человѣче! Будешь жить такъ долго, якъ долго будешь мати Бога одного. А если каждый изъ насъ будетъ мати иного Бога, пропадемъ мы марно. Если тотъ Старый не добрый, укажете намъ лучшаго, але скоро, бо долго безъ Бога жить не можемъ, а не можемъ жить и каждый особно со своимъ Богомъ! Чтобы русскій народъ могъ жить, долженъ мати одного русского Бога.

О ЛЮДЯХЪ.

Отъ волосатого подооія человѣка, дошолъ человѣкъ до сегодняшняго американскаго «джентельмена». Отъ своихъ дикихъ криковъ «ау», «гу-гу», дошолъ до Пушкина, Достоевскаго, Шалапина. Отъ кола и каменной сокиры, дошолъ до «радіо». Далекъ зашолъ человѣкъ! И идетъ впередъ все безъ отмыха! Сколько ему еще осталось идти? И якъ далеко зайдетъ?

Двѣ дороги человѣкъ робить впередъ. Робить дорогу что для тѣла, а другу что для души. И далеко зашолъ что для тѣла! Велики выгоды тѣлесны выдумали. Легше му жить, выгоднѣйше, менше работы, все машины. Але для души коротку дорогу зробилъ. Много дикости осталось въ ней: И убійство ближняго и жажда крови и жажда выкорыстати слабшого. Всего того несетъ съ собою покуеть изъ своего далекаго прошлаго. И дуже трудно позбытися того человѣку.

И потому то, хотя человѣкъ далеко поступилъ впередъ, лучше устроилъ свое житыя, легше приходитъ хлѣбъ, не чувствуетъ себе счастливымъ. Нѣтъ любви межъ людьми, котора только одна даетъ счастье.

Одинъ русскій, другій полякъ и уже причина къ ненависти. Одинъ капиталистъ, другій пролетарь и уже ненависть. Одинъ другого выкорыстуетъ, угнетаетъ, убиваетъ. Каждый себе самого больше любить, чѣмъ другого.

Цѣлы народы ненавидятся. Одинъ народъ хочеть выкорыстати другій, одинъ надъ другимъ хочеть владѣти, другій боронится и приходятъ страшны войны, убійства.

Одни кажутъ, что такъ было, такъ есть и такъ будетъ. Что войны всегда должны были. Други кажутъ, что нѣтъ, что человѣчество

должно устроити свою жизнь такъ, чтобы не потребовало войны вести, что война забераетъ у человѣчества наилучшии силы.

И правду мають, что война велике зло для людей. Говорили где-котры, что по войнѣ будетъ лучше жить. А мы теперь переконалися, что горше. И не только горше тѣмъ народамъ, что войну прогнали, но и тѣмъ, что выгнали. Англія войну выгнала, однако каждый англичанинъ скажетъ вамъ, что передъ войною было лучше. Такъ само вамъ скажетъ французъ, италинецъ.

Такъ за чѣмъ же война?

А бо человѣкъ выгладилъ свое тѣло, выголился, выделкатилъ, а его душа осталла еще дика, волосата. Душа его осталла далеко по за его тѣломъ.

А что мнѣ чудно: Что все западны, такъ званы культурны народы, которы такъ выгладили свое тѣло, которы выдумали столько машинъ, а они ниже стоятъ душевно, якъ азіаты, или хотя бы и наши индійцы. Жажда богатства, жажда золота, убилла въ нихъ томы душевны чувства, которы протестуютъ противъ убійства, противъ угнетенія ближняго. Такъ званы культурны народы завладѣли такъ зваными «некультурными» народами. Инниуть и говорятъ, что несутъ имъ «культуру», а подъ покрывою несенія той культуры вызыскуютъ своихъ слабыхъ ближнихъ. Мы видимъ, что индійцы уже замирають подъ «омофоромъ» европейской культуры. А пока не пришли европейцы, индійцы развивалися.

Такъ само хотять европейцы усчастливити Азію и Африку. Съ одной стороны проповѣдуютъ имъ велику науку Христа: «Люби ближняго, якъ себе самого», а тутъ сейчасъ и осмѣваютъ ту науку своими дѣлами.

И народы Азіи и Африки увидѣли, познали ту хитрость европейской культуры, начинаютъ протестовати противъ ней, грозити. И недалеко тотъ часъ, коли они востанутъ противъ нашей культуры.

Если вамъ приходилося жить съ человѣкомъ другой, якъ называють, низшой расы, то сте переконалися, что у него чувство развито лучше, якъ у нашего европейца или американца. Мнѣ приходилося встрѣчати съ татарами въ Россіи, съ индіянами въ Канадѣ, съ чорными, съ «чайнами» и я переконалися, что они честны, чувствительны, справедливы. Ихъ душа лѣпша, якъ где котрыхъ нашихъ бѣлыхъ «джентельменовъ».

И не чудо, если въ нашей, какой-нибудь европейской, чи американской новомодной, богатой, при наивысшемъ развитіи техники, промышленности, при новыхъ вынаходкахъ, одному перелавляется черезъ

верхъ, и другій бѣдуетъ, умираетъ съ голоду. Нѣтъ душевной связи, нѣтъ любви межъ людьми, дака, волосага душа у насъ.

Такиі то человекъ.

О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ И СЛАВЯНАХЪ.

Я проклиналъ русскую революцію, проклиналъ большевиковъ. Лемъ подумайте: Если бы не русская революція, Россія веда бы войну до конца, присоединила бы нашу Карпатску Русь съ Лемковщиной, исполнились бы все наши надежды, пришло бы концъ нашимъ страданіямъ за наши народныя идеалы, за нашу «русскую вѣру», якъ наши лемки называють.

Пересталъ я проклипати большевиковъ въ 1920 г. Я былъ свидѣлемъ конца старой Россіи. Я видѣлъ русскихъ аристократовъ, помещиковъ, генераловъ, сіяющихъ звѣздами, крестами и золотомъ. То еще ничъ. И въ другихъ державахъ сіяли. Я видѣлъ, якъ русский генералъ стоялъ смирно переть английскимъ офицеромъ и просилъ подписати паспортъ на выѣздъ въ Константинополь, а английскій офицеръ, съ никомъ въ зубахъ, сидѣлъ передъ русскимъ генераломъ, на русской земни и даже не смотрѣлъ на него. Все его движешя, каждое его слово, то одна гордость англичанина. Почала мене рука свербити, така охота пришла, только не зналъ которого: Английско-го офицера, чи русскаго генерала?

Но то еще ничого! Но коли полки выступили противъ Россіи при помочи Англии и Франціи, и весь русский народъ поднялся противъ нихъ, а баронъ Врангель зо заду противъ русскаго народа, того уже русский человекъ усраведивити не можетъ. Тогда только многимъ изъ насъ открылися очи, что русская революція была необходима. Стары монархисты подписали собѣ смертный приговоръ.

И не удивительно, что многи русски генералы перешли къ большевикамъ, бо большевики начали защищати Россію.

И коли мы встрѣчаемъ сегодня за границей тѣхъ «російскихъ» бароновъ, графовъ, князей, то только перекоуемъ больше, что русская революція была необходима, чтобы очистити русский народъ отъ гнилой аристократіи, чтобы отъ ней и самъ народъ не почалъ гнити. И сегодня нѣтъ сомнѣнія, что революція принесла оздоровленіе для русскаго народа. Часъ близкается коли большевики будутъ принуждены отдать всю власть въ руки народа и народъ собѣ устроитъ державу такъ, якъ ему будетъ выгодно.

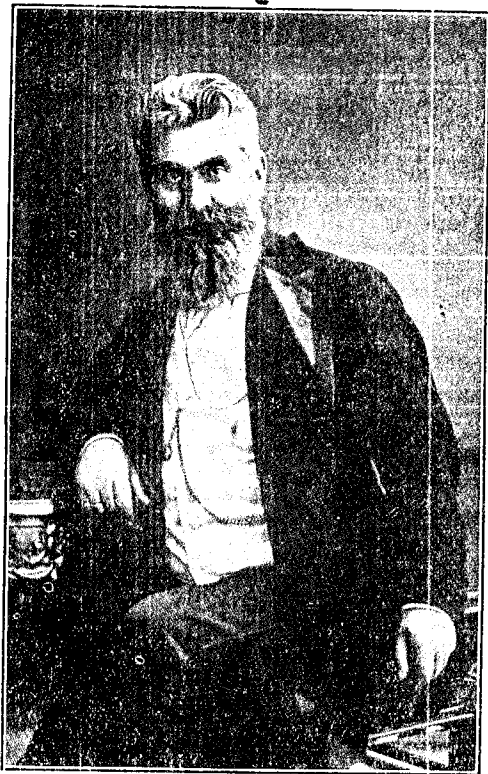
Своей революціей русский народъ зыскалъ много пріятелей, особенно среди славянскихъ народовъ.

Въ часъ войны каждый славянский народъ дѣлался на «русофиловъ» и «русофобовъ», значить такихъ, которы ненавидѣли Россію. Сегодня переѣнилось. Стары «русофилы» остались и даьше «русофилами», хотя и не согласны съ большевиками. А «русофобы» тоже стали «русофилами». Примѣромъ въ Чехословакии: Крамаралъ старый «русофилъ», а Шмералъ новый. Оба тянутъ въ федерацію съ Россіей. А Шмералъ даколи былъ страшный «русофобъ». Въ Югославиі Пашичъ старый «русофилъ», Радичъ новый, отъ одной Москвы только чекаетъ спасенія, а былъ за Австрію «русофобомъ». Все Македонцы влиять свое спасеніе только въ федераціи славянства, между болгарами тоже стары и новы руссофилы. Даже межъ поляками растутъ «русофилы», якъ грибы на дождѣ. То же замѣтно даже въ неславянскихъ державахъ.

И я такъ думаю, что ни чехи со словаками не скіютея, ни хорваты, словенцы и македонцы съ сербами, будутъ вѣчно сваритися грызтися, пока не вступятъ все въ одну славянску федерацію, все на равныхъ правахъ и каждый народъ получитъ одинакову автономію. Най буде якъ наибольше «стейтовъ», только най будутъ «юнайтэдъ». Хочетъ Галичина свой «стейтъ», най буде, хочетъ Лемковщина, будетъ мати и Лемковщина, хочетъ Македония, борется за то, най будетъ «стейтъ» Македонскій и Вуковина и Вольна и Бѣла Русь и Украина и Мазуры и Гуралы. И будутъ все довольны. Въ Америкѣ каждый стейтъ довольный, а есть ихъ 48. Чомъ-же не можетъ быти столько въ славянской федераціи и все не мають быти довольны? И съ каждымъ днемъ даются чуть голосѣйшии голоса за такую федерацію. И то не голоса политиковъ, а голоса простыхъ рабочихъ и селянъ. Ясно каждому, что только така федерація можетъ обеспечить миръ въ Европѣ, достатокъ, богатство и развитіе славянскихъ народовъ. А до такой федераціи приготовила дорогу революція. И думайте якъ хочете, можете смѣятися изъ того, но я вѣрю твердо что до того дойде. Я вѣрю, что и мы лемки будемъ мати свой «стейтъ» въ славянской федераціи чи особно, чи разомъ съ Карпатской Русью, то будетъ залежати отъ нашей воли. Иначе славянскихъ споровъ развязати не можна. А въ тѣхъ спорахъ славяне тратять свои силы.

И народы славянски уже теперь того хотѣтъ. И мы лемки тоже того хочемъ. А и мы лемки того хочемъ. Я знаю, что межъ нами нѣтъ такого рабочаго или крестьянина, чтобы того не хотѣлъ. Нѣтъ такого рабочаго и крестьянина и въ Восточной Галициі, чтобы того не хотѣлъ. Такъ, значитъ, что то должно быти!

У русскаго челоѣка така натура, что хотѣлъ бы, чтобы было лучше, якъ и каждый другій, примѣромъ нѣмецъ. И нѣмецъ хочеть, чтобы ему и его поколѣнію было лучше. Но нѣмецъ старается о то, прикладаетъ всю свою силу энергію, напрягаетъ свой умъ. А русскій хочеть, чтобы оно «само зробилося». Въ цѣлой исторіи русскаго народа все «само робится», Богъ далъ. А народъ нашъ только орудіе

Д-РЪ ВЛАДИМИРЪ ДУДЫКЕВИЧЪ,
Бывшій предсѣдатель Карпаторусскаго Совѣта въ Ростовѣ на Дону.
Померъ въ Ташкентѣ, Туркестанъ.

у той вѣсеной силы. И у насъ такое счастье, что всегда на добре выйде, хоти и зло робится. Але теперь ужъ насъ, карпаторуссовъ такъ притчели, что треба намъ самымъ думать о собѣ.

Життя въ старомъ краю каждый рокъ тяжше. Народа больше, а земли менше. Попали мы подъ власть поляковъ и чеховъ, которы совершенно не мають охоты помагати нашему народу. Не только не

мають охоты помагати, а утрудняють его життя. Не только ничего не дають, но послѣднее берутъ.

Не роскошно жилося нашему народу и до сего часу. Но была помощь. Ъхалъ газда въ Америку и поправлялъ газдовство. Теперь, въ найтяжкихъ часахъ та помощь отнята. Америка закрыта для нашего народа.

До сего часу такъ собѣ помагали: У отца было пятеро дѣтей, то дуже часто четверо ѣхало въ Америку, а одно оставало на грунтѣ. А теперь что будутъ тоты четверо робити? Мусять они глядати хлѣба во свѣтѣ! Въ Польшѣ, ни Чехословакин его не пайдуть, бо разъ его мало, а друге такъ поляки, якъ и чехи намъ хлѣба, значить работы, дати не хотять, говорятъ, что «свои» робить. Всюда мы чужи и для насъ работы нѣтъ.

Такъ гдѣжъ мы «свои»? Я думаю, что въ Россіи мы «свои». Если мы не «свои», яко русски, то мы свои, яко робочи и крестьяне. Если не свои, яко робочи и крестьяне, то свои, яко русски. А все будемъ «свои» и тамъ намъ належится життя, тамъ намъ належится работа, належится намъ земля.

И нѣтъ сомнѣвія, что наши карпаторуссы направлятъ свою эмиграцію въ Россію. Если мы не даме початокъ, не организуемъ початкову эмиграцію, то «оно само зробится», але зробится такъ «по русски», безъ порядку и нашъ народъ много стратитъ, наши початковы «дики» эмигранты много будутъ терѣти, а наше народне, карпато-русске дѣло, много стратитъ на такой эмиграціи нашего народа.

При организованой эмиграціи мы можемъ собѣ и добры мѣста vybrати и освѣти разомъ, организовачи свою, карпаторусску колонию. Та колонія можетъ мати великое вліяніе на нашъ старій край, можетъ вести дальше планову колонизацію, можетъ помочи освободитися нашимъ братьямъ политично и экономично. Наши организова ны колоніи въ Россіи могутъ далеко больше помочи нашему старому краю, якъ наши эмигранты въ Америкѣ дотеперь помогли. Помочь нашей эмиграціи въ Америкѣ для старого краю тымчасова, не тревала. Помочь нашей будущей эмиграціи изъ Россіи будетъ тревала, ажъ до совершенного освобожденія нашего краю.

Что Россія земля богата, что крыеть велики богатства, такъ минеральны, якъ и велики, наибольши пространства въ свѣтѣ, урожайной почвы, сегодня уже никто не сомнѣвается. Сегодня никто не сомнѣвается, что земля русска, то наибогатна земля свѣта. Потребны только робочи руки, добра воля и охота, а незадолго народы Россіи будутъ наибогатни народы свѣта.

О СИБИРИ.

Не думалъ русскій козакъ разбойникъ Ермакъ, якъ онъ участвовалъ русскій народъ завоеваніемъ Сибири. Не давно только люди открыли, что Сибирь наибогатна земля въ мірѣ.

Европейцы и Американцы представляли собѣ Сибирь, яко скутный ледами край, край для всякихъ преступниковъ, где они умирають отъ голода и холода. Сего лѣта обѣхалъ одинъ канадійскій офицеръ, майоръ Викторъ Сифтонъ наоколо свѣта и въ своихъ разказахъ о свѣтѣ говоритъ, что передъ Сибирю велика будущность, что то наилучшій фермерскій край во свѣтѣ, что онъ не встрѣчалъ такихъ прекрасныхъ фермъ въ Америкѣ. При томъ громадномъ пространствѣ Сибири, 14½ миллионѣвъ квадратныхъ верствѣ, передъ тѣмъ богатымъ краемъ велика будущность. Въ Сибири найдете и такую землю, где родится овесъ и такую землю, где родится виноградъ и мелоны. А львовое богатство въ Сибири, наибольше во свѣтѣ. Есть львы непроходимы для человека. Есть земли, которы еще людей не видѣли, а которы въ недалекомъ будущемъ будутъ родити пшеницу.

Населеніе Сибири въ миллионѣхъ русское, въ тысячахъ тунгузы, киргизы, татары. Но не выходитъ даже одинъ человекъ на одну квадратну милю.

Сибирь богата во всяки минералы, золото, серебро, уголь, желѣзо, нефту. Все то открыто, а не почато, или дуже мало почато. Но если Америка изъ пустыни стала за 100 лѣтъ наибогатной страной во свѣтѣ, то Сибирь за 50 лѣтъ будетъ наибогатной. За 50 лѣтъ Сибирь будетъ порѣзана желѣзными дорогами, засыплетъ Европу и Азію хлѣбомъ. Выги можетъ, что за 50 лѣтъ Сибирь будетъ сердцемъ свѣта, сердцемъ промышленности и новой культуры. И Сибири принадлежатъ то первое мѣсто въ мірѣ и по своему природному богатству и по своему положенію межъ старой Азіей съ ей душевною культурою, межъ Европой, клонящейся къ паденію и Америкой, съ ей крайнимъ матеріализмомъ.

Въ Сибири уже родятся новы люде, крѣпки физично и крѣпки духомъ, которы скажутъ скоро свое слово въ исторіи всемірной культуры.

И я такъ думаю, что будущность нашего, карнаго-русского народа, тоже въ Сибири, тамъ будущность нашей эмиграціи.

О РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ.

Не хочется вѣрнати, что русская земля такъ богата, если столько русскихъ людей изъ Россіи гоняетъ хлѣба во свѣтѣ.

Вотъ тутъ то и причина русской революціи. Припоминается мнѣ одинъ казакъ въ австрійскомъ плѣну. Калмыкъ, а русскій патриотъ. Терялъ великій голодь въ плѣну.

—Въ Россіи нѣтъ голода? Въ Россіи лучше?

—О, Россія хороша! Хлѣба довольно, только порядку нѣтъ!

И такъ весь народъ русскій былъ перекошаный, что Россія богата, но нѣтъ порядка. И дѣйствительно не было «порядка», если русски люде были принуждены опускати тѣ русски богатства и тяжело трудитися на чужихъ земляхъ. Сколько трудовыхъ рукъ, а потребныхъ ей, потеряла русская земля! Самы русски духоборы, сколько вложили своей русской силы въ пустыни Канады! А сколько русски робочи въ американскихъ «шанахъ»? Если бы тотъ трудъ остался на русской землѣ, о сколько миллионѣвъ она была бы богаче? Великъ старое русское правительство дало возможность вѣзти тѣмъ духоборамъ и робочимъ остаться въ Россіи, если бы дало возможность русскому народу употребити вѣсь свои силы на видобытьи тѣхъ богатствъ русской земли, то Россія была бы уже давно богаче Америки.

Въ Россіи довольно урожайной земли, а русскій крестьянинъ чулъ земельный голодь. Въ Россіи довольно угля, нефты, сурового матеріяла, а русское правительство не дало возможности обробити тотъ суровый матеріялъ, не развило промышленности.

Въ той богатой Россіи одни уживали свѣта, якъ ніяки други богачи на землѣ, а други теряли такіи голодь, холодь и нужду, якъ ніяки бѣдаки свѣта.

И потому най не парѣкають русски бароны и графы на большевиковъ, не большевики, а они сами виноваты. Они виноваты не только въ своихъ страданіяхъ, но въ страданіяхъ русского народа.

Но они по крайней мѣрѣ уживали свѣта и за свои тяжки грѣхи покутуютъ, заслужили то, что мають. Русскій же народъ страдалъ за царя и страдаетъ за большевиковъ, которымъ приготовили дорогу его верховоды. Они, своимъ хозяйствомъ на русской земли, принудили миллионы русского народа опускати свою богатую землю. Теперь примущены попробовани того счастья, что называется эмиграціей.

И если бы русски бароны, графы и др. на эмиграціи появились, что эле робочи, не была бы смѣшка ихъ претенсіи вертатися на свое мѣсто въ Россіи. Русскій народъ привязанъ къ своей исторіи,

къ своей старости. Но они рѣшительно не перемѣнили своей натуры. Тѣ самы «бароны» и «графы», какъ и были передъ революціей, остаются дальше при томъ понятіи, что они сотворены Богомъ для владѣнія и роскоши, а народъ — то трава: скосишь, вырастетъ...

И потому смѣлины ихъ надежды на стары часы. Вымрутъ они на эмиграціи «портіерами», «лакеями» у англійскихъ лордовъ и американскихъ милліонеровъ, однако «счастливы» умерати будутъ, что задержали свои «баронски», «графски» и «дворянски» титулы. Во съ титулами имъ дуже тяжело розстатися. Имъ все здается, что ихъ титулы имъ даютъ право на стару, роскошну, «блестящу» жизнь.

О УКРАИНЦАХЪ.

Кто, какъ кто, але наши галички «украинцы» обанкротилнсь. Енче американски и канадійски дыхають, но колаць ихъ тоже видно, въ старомъ краю покочились съ Петлюрою. Петлюра, ихъ идеаль выставлений на свѣтъ самизл-же народомъ, чи его звати народомъ русскимъ, чи украинскимъ.

Украински политики хотѣли непременно догазати, что малороссы одинъ изъ славянскихъ народовъ, что имъ такъ само поляки или чехи, какъ в велико-росси и какъ могутъ мати самостояну державу поляки, чехи, такъ могутъ и «украинцы».

Поляки и чехи организовали легіоны, ну же и наши галички «украинцы», поляки и чехи слали своихъ дипломатовъ по конференціяхъ, ну же и «украинцы», але поляки и чехи побудовали свои державы, а «украинцы» обанкротилнсь. Поляковъ 20, чеховъ 7 милліоновъ, а «украинцевъ», какъ они хваляться, 10 милліоновъ. И представителн тѣхъ 40 милліоновъ за аверми стояли, коли представители чеховъ и поляковъ сидѣли за столомъ. Можетъ быти, что «самостійна украина» не въ интересѣ великихъ державъ? Въ интересѣ и то въ якогъ интересѣ! Все такъ и дуселнся, чтобы розбити Россію! Икій только случай выходилъ, для ослабленія русского народа и роздробленія русской земли, то хваталнся. Даже Петлюры хваталнся. Ничого не выходило. Не только что милліоновъ «украинского» народа не было съ Петлюрою, какъ доказывали украински политики, но и тысячей не было. А 40 милліоновъ доказало, что имъ не все одно, чи съ поляками, чи съ русскими. 40 милліоновъ и о «самостійной» державѣ не хотѣло чути. А наши галичко-«украински» политики, которы надѣлнся на 40 милліоновъ «закордоннихъ братівъ», переконалнся, что то не «братья», они, каже, съ москалями тримають.

—Мы, каже, «украинцы», а тоты за кордономъ, дѣдько знае, що?

Задоволила бы ихъ и «західа украина», взяли поляки, автономія «західной украины» бы ихъ задоволила, не дають поляки! «Но и щожъ, най буде и безъ автономіи, каже ми Ільків, то и такъ дѣльше съ поляками, какъ съ москалями!» Та бы оно Пялькову и дѣльше было, але коли народъ каже, что нѣтъ! Народъ каже, что москали ближе, какъ поляки и такъ каже, что только москали и могутъ спасти, освободити изъ польской неволи. «Такъ тамъ «большевики!» страшать Пялькову. «Най будутъ и большевики, а они намъ ближе, какъ польски «демократы»!

И народомъ рѣшено «украинське питанья» разъ на все. Тутъ только одинъ вопросъ можетъ быти. Кто намъ ближе? Россія, чи Польша?

И не найдете теперь въ Галичинѣ такого крестьянина или робочого, который бы сказати, что Польша ему дороже, чѣмъ Россія. И то нѣтъ Польша ему не будетъ милѣйша, чи она демократична, чи монархетична, чи совѣтска республика, а кажда Россія, чи она С. С. С. Р., чи она монархетична, чи демократична федерація.

И потому то, «украински самостійнияз» уже больше не «проводники» нашего народа. Нашъ народъ рѣшилъ самъ, куда ему итти, и выберетъ собѣ самъ, кому его вести.

А стары, «Ц. К. проводники» обанкротилнсь.

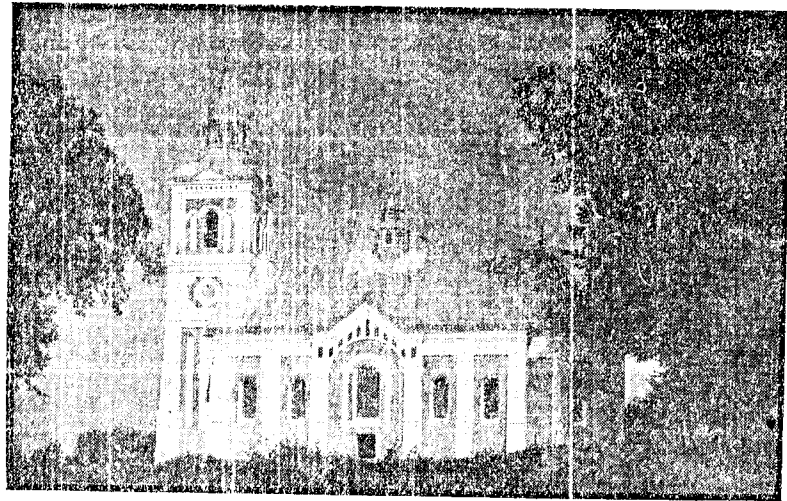
О КАЛЕНДАРЪ И АЗБУКЪ.

Нашъ карнаторусскій народъ вѣками боролся за календаръ и азбуку. Русскій календаръ и русская азбука, то была его русская вѣра. Если бы не русскій календаръ и русская азбука, насъ бы уже не было. На нашемъ мѣстѣ, въ нашихъ Карнатахъ сидѣли бы словаки, мадыры, поляки. А календаръ и азбука придержали насъ членами великого, русского народа. И теперь еще мы боремся за нашъ старый календаръ и русску азбуку, хотя теперь не такъ уже грозитъ намъ опасность. Не въ календаръ и азбуку дѣло, а дѣло въ сознаниі народномъ. Если нашъ карнаторусскій народъ будетъ весь сознательный, грамотный, то ему ничего не грозитъ со стороны нового календаря, или латинской азбуки.

Возможно, что весь русскій народъ прійметъ новый календаръ и латинку. Я думаю, что бы то была велика выгода не только для русского народа, но и для всего славянства. Для вѣхъ славянъ сталъ бы доступный русскій языкъ, русска литература, всяка русска кни-

жка и газета. Легче было бы и другим народам учиться по русски.

Розуміється, що тѣмъ карнатороссамъ, которы называютъ себе еще греко-католиками, а не сознають того, что они русски, опасай и новий календаръ и латинка. Только старый календаръ и киррилица доказуютъ, что они принадлежатъ къ русскому народу, а они сами того не сознають. А русскость выражается не въ азбукѣ, не въ календарѣ, бо якъ видимъ, карнаторусски «греко-католики» и календаръ старый держатъ и русску азбуку, хоть на половину, а приходить конвенція «Соединенія», такъ выходитъ, яко «греко-католики», а не русски. А если тѣмъ греко-католикамъ взити старый календаръ и русску азбуку, то якъ же они себе назовутъ? При чемъ они останутъ? Всѣ пойдутъ «до кощела». А если пойдутъ «до кощела», такъ они тѣмъ самымъ уже и словаки, чисты словаки. Но если бы они сознавали свою русскость, якъ сознають иѣмцы свою народность чи католики, чи протестанты, якъ сознають англійцы, чи епископалы, чи баптисты, чи явихъ ишихъ до вѣръ, то чи въ «кощелѣ», чи въ церкви, чи безъ «кощела» и церкви останутъ всегда русскими.

Образки изъ житья лемковъ въ старомъ краю и Америкѣ.

(Написалъ Ваньо Гунянка)

1. Бурсаки.
2. Люде мѣняются.
3. Безъ работы.
4. Годинарь.
5. При войску.

БУРСАКИ.

I.

Наша Бурса въ Новомъ Сантѣ нашлася въ рукахъ поляковъ. Таки законы на свѣтѣ, что наше народне добро рабуютъ нашъ въ бѣлый день.

Вы, американски маинеры, складали свои тѣло занранованы центы на буреу. Вы, бѣды лемки въ старомъ краю, складали жертвы на буреу, куниайте землю, поставилисте домъ величавый и думалисте: “Теперь мы будемъ мати где выховувати свои дѣточки. А коли они выучатся въ нашей русской вѣрѣ, въ нашихъ обычаяхъ, то помозутъ намъ даколи, речутъ за нашъ слово предъ свѣтомъ, нашъ выведутъ на свѣтъ.”

Чую я, же заболѣло Васъ сердце, коли это дозналися, же Ваню буреу поляки собѣ присвоили. Але лемъ собѣ подумайте, якъ болитъ сердце бурсака! Того бурсака, котрый тамъ переслалъ свои молоды лѣта, того бурсака въ котрого бурса душу вдунула! Вы думате, же бурса пропала? Забрали поляки мервый домъ, але бурса остала, дана бурса остала, бо животъ бурсаки. Если мы, лемки, сегодня способны къ народной оборонѣ, если мы держиме голову въ гору, то наши бурсы того зробили. Дурны поляки думаютъ, што коли буреу возьмутъ, то нашъ конецъ. Ничъ исторія не научила, што чѣмъ больше русскихъ храмовъ бурили, тѣмъ больше ихъ новыхъ стало, бо росла вѣра у народа. И такъ поляки и пронадутъ. Пронадутъ они отъ нашихъ храмовъ и нашихъ бурсы.

II.

Я прожил свои молодцы лета в бурсы. Кози я видѣлъ недавно на навицѣ бурсацкимъ домѣ надпись: *Czytelnia Mieszczanska* подумалъ я, что така *czytelnia* на нашей кривдѣ, на нашей крови, не принесетъ членамъ просвѣщенія, только темноту, не може *czytelnia* принести житіе, а змѣсть смерть. Така *czytelnia* не може учить любви, не може учить братства народовъ, бо якъ разъ она сама то найближній документъ польской ненависти, нетерпимости. Они взяли наше сиротство, а на кривдѣ сироты никто не деробился и не деробится. О той кривдѣ не забудуть сироты бурсаки и не дадутъ забыти лемкамъ.

О бурсы бурсакъ николи не забуде. И хогя наши бурсаки рогатрассены по свѣтѣ, у нихъ идея одна: помочи своему народу вывободитися изъ польского ярма. У нихъ однакова любовь къ своему народу, однакова вѣра въ его лучшу, счастливѣйшу будущность. Того имъ поляки кэфинсковати не могутъ. А бурсаки родятъ новыхъ бурсаковъ и не позволяютъ загнати бурсацкому племени.

Были часы, же насъ было и по 50 въ садецкой бурсы. Всѣ розсыланы по свѣту. Много загинуло въ часѣ войны, были таки, што умерли въ тюрьмахъ и Таллергофѣ, други нали на италійскомъ фронтѣ, третии понали въ Россію, четверти въ Чехословакии служить, пятти тыраются дальне по свѣту. Суть таки, что въ Америкѣ угля пакуютъ, други въ краю орютъ, сѣють, по одно всѣ думаютъ!... Где Ты Васку Старшій? Добрый бурсакъ былъ Васко Старшій. Цѣлу свою молодость читалъ. Што наполь, то мусѣлъ прочитати. Перечиталъ всю русску бурсацку библиотеку, не стало му што читати. Перечиталъ всѣ книжки въ Санцѣ, всѣ библиотеки, не стало му што читати; ѣлъ книжки, всѣ ноѣлъ. Мы всѣ молодни бурсаки переклопнялися передъ Васковымъ головою.

Покончилъ Васко всѣ школы легко, покончилъ и права, вступилъ къ адвокату. Добрый бы былъ защитникъ—обороня нашего народа. И голова была крѣпка и сыръ нашего газды съ Верхомли, зналъ нашу бѣду, наши нужды и русскій человекъ былъ, бо былъ бурсакъ. Але штожъ? Доброго, честного мало на свѣтѣ... Привезли Васка въ Таллергофѣ. Имарили на твиль солому, въ зимный баракъ, дали гцилой зупы. Не долго Васко выдержалъ. Померъ такъ тихонько, покорно, якъ птичка. Кинули его въ холодку яму, а его честна, тиха, мудра душа олянула къ Богу. И тамъ она чье тоту кривду, та творится на землѣ нашему народу. И тамъ Опъ остался бурсакомъ.

Семанъ, где Ты? ! И Семанъ былъ добрый бурсакъ. Правда,

былъ насъ меншихъ бурсаковъ, паробилъ намъ сивяковъ. Сильный былъ бурсакъ, рука, чистое желѣзо. Але и малъ насъ за што бити. Семанъ былъ глухій на едно ухо цѣлкомъ, а на друге кусъ, а шякъ ся не хотѣлъ признати до того. Глухи люде все подозрительны, же на нихъ бесѣдуютъ — я зналъ одну стару тету, што цѣле свое житиє ся на всѣхъ гѣвала. Всѣхъ подозрѣвала, же на шо штогоси бесѣдуютъ и обговоряють, хоць некому и на мыселя не пришло... Але тета была глуха, то земъ позерала, кто рунитъ гамбомъ, ага, тогъ уже ей врагъ.

Такъ было вельо разъ и съ нашимъ Семаномъ. Земъ позерала, кто гамбомъ рунитъ, уже доразъ летѣлъ бити.

Якъ то въ бурсы, мели молодыми хлопцами. Вельо провинили никто не може бити. Семана мы звали козомъ. А часомъ ни съ того ни съ ового, почали мы “мечати”: “ме--е--е” “ме е е”, по всѣхъ кутахъ. Выдавалося, же въ бурсы сами кози заперты. То была наша работа. Мы знали дуже добрѣ, што насъ зато чекать. Семанъ хваталъ по одному, а “пощивалъ” немилосердно. То была Семанова работа. А уже кози погасили свѣтло, такъ малъ Семанъ за себе. Вроды уже сме не земъ мечали, але часомъ и Семанъ шибилъ. Разъ зметали мы всѣ свои чоботы на Семана. Семанъ чоботы возбералъ. Выпнесь на загороду и загрютъ до свѣту. Цѣлу ночь насъ сумѣли грызти, але не подѣме по собѣ ничъ. Кози рано треба ставати, уже другій звонокъ, а мы найспокойнѣйше лежаме и на силу ся тѣшиме, же до школы не идѣме, а виниткому буде Семанъ виноватій. Поскрепталъ Семанъ голову и принось намъ чоботы. То была наша побѣда надъ Семаномъ.

Але зато, коли разъ выпни сме за мѣсто и напали на насъ польски батяре, Семанъ не позволилъ насъ бити, але добрѣ ихъ потурбувалъ, же далеко насъ на другій разъ омннали!

Где Ты, Семане, темеръ? Ци даде въ Америкѣ ѣшь хлѣбъ и мясо, ци въ Ставиши кози доншь и пѣшь молочко, ѣшь брындзю, а на кермень зарѣженъ собѣ козлятко? На яку жену съ патрафилъ? Ци ся Ты дѣти ховають? Я вамъ того ничего повѣсти не можю, бо я не чулъ о Семанѣ ничъ! Едино земъ вамъ можю повѣсти: И Семанъ видить нашу кривду и затискаеть нясти и его дѣти затискають.

III.

А Максимъ? Кто изъ Васъ не слышалъ о великомъ мученику за русску вѣру, кто изъ Васъ не слышалъ о о. Максимѣ Садовичѣ? Бурсакъ былъ, такій бурсакъ, якъ и мы всѣ. Але скоро Максимъ перемѣнился. Изъ веселого, живого бурсака, стался скоро спокойнымъ и задумчивымъ. Начался появляти у него свѣты книжки. Началъ

Максимъ замудблятися въ свѣтѣ шельмо. И скоро совѣмъ бурсакъ перемѣнился. И житье почалъ вести уже не такъ. Вставалъ о 3 годниѣ по полночи и правилъ утрено, вечеромъ вечерно и то каждый день.

Не долго потомъ забавилъ въ бурѣ, пустился въ свѣтъ глядати Бога. Запощъ въ Крехомъ, къ Василіанамъ. По трехъ тыжняхъ вер-

нулъ назадъ въ бурсу: Не могу я тамъ остаться, гваритъ, “тамъ пѣтъ Бога, тамъ довольное, роскошное житья!” По часѣ пустился Максимъ ажъ въ Россію. Тамъ запощъ, чого искалъ. И по рокахъ науки и службы божой вернулъ о. Максимъ на Лемковиншу, жебы послужити своему народу вѣрой и правдой.”

“Не долго той его служба было. Посадили его въ темницу, дер-

жали два года, а потомъ поставили передъ судомъ. Не нашли въ немъ вины, освободили. Ніякій судъ не могъ осудити ту праведну, идейну душу, святого человека.

Але освободили его лемъ тому, бы можна было безъ суда его замуштити. И такъ сталося. Коли о. Максимъ прѣбхалъ на Лемковиншу до своей родины, арестовали его въ часѣ мобилизаціи, отвели закутого въ Горлицу тюрьму, где ждала его мученическа смерть.

Едного рана появился ключникъ въ тюремной келіи, въ которой сидѣли наши бурсаки и други наши лемки и приказалъ одѣватися о. Максиму. Коли выйшовъ на коридоръ, схватили его озвѣрилы жандармы, поставили подъ тюремнымы муромъ и убили. Кровь мученика обрезгала муръ тюрьмы и розлялася по подворю. Такъ погибъ нашъ свѣтлый, наибоживѣйшій бурсакъ. А душа его у престола Всевышняго молитъ Бога о насъ грѣбныхъ.

Бытъ у насъ въ Н. Садецкой бурѣ и кунецъ Михаилъ. Все у него были гроши! Коли вамъ треба было данто продати, або кунити, то лемъ до Михала треба ся было голосити. Михаилъ весь такъ обробилъ, што и товаръ и гроши все при немъ остави. Такъ зналъ зайти, што ажъ на другій день стеся онамятали, же то планшій рахунокъ. Але треба вамъ данто было, весь сте до Михала шли. Михаилъ и шторъ трималъ и гроши на процентъ позычылъ и сподни олъ весь кунилъ, а потомъ вамъ тоты самы два и три разы дороже продалъ. И не чуло, же Михаилъ и добръ былъ и вышылъ и порядно одѣтый ходилъ.

Былъ славный въ гимназиі профессоръ исторіи и географіи Гаворъ. Каждый бурсакъ, каждый русскій ученикъ боялся го, якъ огня. И было кого. Если руснакъ, то го спалалъ на уголь. Не было у него ніякого милосердія. Бурсаку не выстарчало учитися и знати все, такъ якъ и самъ Гаворъ. Гаворъ и такъ го спалалъ. И росудилъ тотъ страшний Гаворъ русскыхъ учениковъ по цѣлой Галичинѣ, а не мало вернуло назадъ до дому, бо не было ніякой рады покочити. Полягъ директоръ тоже руссофдъ, назначалъ Гавора все въ тоты клясы, где были русски ученики. Примѣромъ въ III. клясѣ было насъ около 25, половина клясы была русска. Лемъ разъ появился у насъ Гаворъ! Выбралъ собѣ двоухъ, которы мали перейти до выжной клясы, а решту перезначилъ на смерть. И такъ ся и стало. Одинъ розбѣглелъ по Галичинѣ, по другыхъ гимназіяхъ, а други мали и забралелъ до дому, або повторяли клясу на ново, хоць добры ученики были. Былъ то чортъ, а не профессоръ! Чортъ по натурѣ и чортъ въ позорѣ. И и теперь не могу представити собѣ иначе чорта, лемъ

на образ и подобіе Гавора. И я думаю, што всё бурсаки такъ со-
бѣ чорта представляють.

Черезъ мы ся собрали и радили, якъ бы то побѣдиться Гавора.
На ніяку раду насъ не было стати. Треба было терпѣти кривду ве-
лику, або забратися геть.

Панць Михалъ потрафилъ и на Гаворѣ заробити. Коли мы ся
такъ собрали на раду, Михалъ повѣдать, же порадиць Гаворови:
Эсть, повѣдать, кого насъ въ горахъ «бача.» И то такій старый
бача. Тотъ бача каждому може поробити такъ, же або умре, або
ѣме ся то така мороза, што не встане вещь, лемъ тѣло его буде пы-
ти и фалатками лѣвити... Тотъ бача може такъ поробити и Гавор-
ви...

Мы хватилися того бачи, якъ потопанюцій соломы и сами нача-
ли просити Михала, жебы якоси скорше до того бачи. «Та вы дума-
те, тварить, же бача за дармо того зробиць? То треба пано тронна!»

И мы складали гроши Михалови: Кто зъ дому досталь, кто пи-
салъ до дому за тронами, кто доразъ пѣшкомъ поль, кто данто про-
дасть. А Михалъ намъ наказаль, же то никто не смѣе знати, бо коли
бы ся дакто дозналь, то того бачово поробниа ваниць! И мы не го-
ворили нікому, лемъ саладали тронн Михалови, а Михалови все ма-
ло было.

Але ничъ Гаворова не было. Ци не умеръ, ни тѣло фалатками
не лѣвло, а Михалъ собѣ купилъ новый мундиръ, новы шнуровани
черевички и нову шапку.

Такій былъ Михалъ. Шнекулитъ надъ шнекулантами. И былъ
бы ужъ сегодня капитанствомъ, а може бы и не одного заида съ тор-
бами пустилъ, може бы яки майны на Лемковщинѣ открылъ, кто знае,
штобы изъ Михала было, але штожъ, погибъ марно на италійскомъ
фронтѣ.

IV.

Титъ, званный въ бурсѣ «фифаць», былъ першій сѣвваць не лемъ
въ бурсѣ, але и въ мѣстѣ. Голосъ, якъ звоночекъ, на чудо ся схо-
дили. Въ школѣ, въ наукѣ, до ничего! Якъ ся му сподабала една
кляса, то нягъ лѣти въ ней сидѣть, ани ся не рунитъ! Титъ былъ
въ V, мы въ I и по пять лѣтахъ наполося съ нами въ V классѣ. Але
зато голосъ та голосъ! А якъ съ панянками зналь солодко бесѣдо-
вати! Никотрый изъ насъ не потрафилъ. И въ бесѣдѣ ужъ му все
съ паньска шю и аритненути зналь где, где треба тихше, где голосо-
вѣнно, якъ ся треба поклонити, коли сѣсти и якъ сѣсти, коли сто-
яти и якъ стояти при цвахъ. А мы того ничего не знали, бо якъ

знате, пришли зо села отъ кровъ, съ панями школы до работы не
мали, ани въ нихъ не служили.

А што были пански, або поповски сыны, то были предъ нами
барзъ парадни, гонорни на свой родъ панскій. А панць Титъ лемъ
ся коло нихъ отеряль и набралъ той «панской оглады»... А коли
пришло до войны съ «аристократами» въ бурсѣ, Титъ не зналь на
котру сторону стати. Не былъ ни нашъ, ни ихъ, а едни и други Ти-
товн не довѣряли.

Што ся тычить той войны, то было такъ: Задумали паны па-
ни своихъ сыновъ тоже до бурсы дати. Ци съ патриотизма, ци имъ
то туньшко выходило, досъ, же записали своихъ сыновъ до бурсы.
Тѣмъ самимъ они сталися бурсаками, такими, якъ и мы. Но не такъ
то было! Поповскими сынами особенно назначили комнату и особенно
изъ ѣсти давали, специально варили всяки деликатесы. Собрали
мы ся на раду и такъ урадили, же такъ быти не може! Або они пай-
ѣдать съ нами и того, што мы ѣме, або паны ся съ бурсы заберають.
Або они бурсаки, а для бурсаковъ можуть быти лемъ едни права,
або не бурсаки, а коли не бурсаки, то паны намъ не показують ту въ
бурсѣ свое панство! И почалася война на добре!

Бесѣдують, же разлуки межъ панями и хлопами пѣть. Баякъ
пѣть! Паны аристократы и пануляты были и деликатны и ручки
малн маленьки и личко якъ кровь съ молокомъ и одѣты были ново
по модѣ, и имена не тоты. У ихъ: Ясьо, Юзьо, Владзьо, Аласъ,
а у демократовъ: Ваньо, Гринць, Андрий, Осифъ. У демократовъ и
ручиска были и чоботиска и шапчиска, а у аристократовъ ручки,
черевички, шапочки и файно отъ нихъ нахло, а демократы безъ за-
паху.

И не чудо, же ни ихъ превелебны отцове, ни они сами не мали
охоты замѣпатися межн насъ, не мали охоты сѣсти съ нами, хлоп-
скими сынами, за столъ. Мы возгордѣли!

—«Штожъ то за право на сѣтѣ? Ци то мы безъ души? Ци мы
не таки люде якъ они?»—

Не хотѣли мы того ніякъ видѣти, же мы не тоты. Пришли мы
на село, то хоць въ такой самой рангѣ, якъ поповичи, то ихъ всё
паничами звали: «Паничь Юзьо», «паничь Ясьо», а нашего хлоп-
ского сына, та и каждый цыганъ не назваль иначе, лемъ Семанъ,
тай Ваньо, тай Гринць.

И пришло въ бурсѣ до революціи. Мы затребовали отъ настоя-
теля, жебы аристократы або забралися изъ бурсы, або сѣли съ бур-
саками за одну столъ. Настоятель, хоць и самъ походилъ съ панско-

го роду, призвали насъ правду и коли приняли отцове «аристократовъ», задвинули насъ, что такъ быти не може. Востали противъ насъ и отцы. Требовали, жебы проводниковъ «демократинъ» вышлуты съ буреи. Но бурсаки тримали разомъ и выиграли справу. Панвичи не хотѣли «пакудити» своихъ панскихъ смаковъ бурсацкими пирогами и забралися. При отходѣ вручено каждому шляхетскій «геробъ», которыми любилися хвалити.

Якъ то часы сегодня перемѣнились. Я думаю, же тоты сами «аристократы» смѣются сегодня изъ своего панства. Бѣда научила, что всеь однакои.

Нашъ Титусъ, хоць и чоботы носилъ порваны и локтями свѣтилъ, а все то ку панамъ тягло и старался держати панскій тонъ. А потомъ самъ припоминалъ и смѣялся съ того. И такихъ отцевъ, котры бы учили своихъ дѣтей панства, котры бы старалися вионти своимъ дѣтямъ, что они не то, что народъ, дастъ Богъ, не буде больше на нашей Руси. Така наука привела къ странной революціи на нашей Руси.

И такихъ Титусовъ много было на Руси. Локтями свѣтилъ, але на свое панство былъ думный.

V.

Пронало насъ много бурсаковъ. Одни положили свои бурсацки головы на войнѣ, не знати за кого и про што, други пронало для насъ такъ, съ головами. Житъ ницъ, але безсилны, не можуть они помочи своему народу, бо сами слабы. Или съ копейности пошли на польску службу, а котры тверды, не податливы, обѣдуютъ по свѣту и мучатся за своимъ краемъ, хотѣли бы летѣти назадъ, не пускають. За слабы силы пробитися.

Однѣ Ваньо, споневѣрнѣй за войны, просить службу у поляковъ и давно ужъ просить, а не може упросити. А мудрый бурсакъ, крѣпко мудрый. Другій Ваньо, Гриць и Андрий служатъ чехамъ, а яко добры бурсаки стараются поза плечи помагати русскому народу. Не любить того чехи, не ради ихъ видать. Другій Гриць деси изъ Россіи нише; якъ ся му тамъ поводитъ, никто не знае. Одного тамъ убили бѣлы, а другого большевики.

А тѣхъ молодыхъ сколько по свѣту! И въ Америкѣ понами и майнерами и въ Россіи комиссарами и въ тюрьмахъ и галдами на Сибири и на Лемковинѣ, а у всехъ одно на мысли:

Якъ бы то вырвати изъ польской неволи нашу Лемковину? . . .

ЛЮДЕ МѢНЯЮТСЯ.

I.

Не тоты то люде теперь, што давно были! И житъ ужъ не такъ долго, якъ перше жили и вѣдѣть не такъ, якъ перше вѣли и силы той у насъ вѣтъ, якъ у нашихъ предковъ была!

Ледво мы свою роботу зробиме, а ужъ насъ и руки болятъ и крижи и плечи, тай кусъ подіеме на свѣтъ и умераме. Якъ мухи лѣме, якъ мухи умераме.

А давно, наши предки и пански земли мушены были своими руками обробити, велики земли, и для себе подѣ засѣвъ дерева и камени корчовати, деревянымъ плугомъ поорати и деревяными боронами поборонити. Не легка то была работа. Коли бы намъ тоту роботу пришло робити, всеь бы мы съ голоду поумерали. За слабы мы до такой работы.

А нашимъ предкамъ была дана до той работы сила. Всею роботу они поробили и ни руки ни плечи ихъ не боляли.

Теперь выбереея хлопъ до лѣса, привезе даякого дручка, то ледво живый верне. А перше по два, по три разы на день до лѣса обертали и привозили торма, што ся ося замали. А коника имъ не треба было! Руками накладали и руками снимали.

Перше винтко шло силомъ, а теперь винтко иде шукомъ. И прого винтко давитьише было тревале, а теперь винтко тымчасове. И дерево ужъ не того, што давитьише было. Мой праждо поставилъ хижу, выписалъ на трагарѣ рокъ. Никто не памятитъ въ селѣ, коли она была поставлена, бо ужъ 150 лѣтъ минуло ведля року на трагарѣ, а стоить хижа, дерево якъ звонъ, якъ желѣзо. А теперь поставишь, за 15 лѣтъ тлявка!

Што то ся водить? Ци то ужъ такъ свѣтъ панитъ иде? Ци ужъ направду зиде нато, же семохъ будутъ въ пецу цѣнами молотити? И мусить и того правда быти, же даколи таки жизни на нашей земли великаны, што одинъ другому съ верха на верхъ сокару подавалъ. . .

II.

Свого дѣда не памятамъ. Умеръ на тоту велику холеру. Осиротѣлъ мого небончика пня, коли му было 4 лѣта. Повѣдали земь, же дѣдо належалъ до тѣхъ старыхъ, крѣпкихъ людей, же днювалъ и почувалъ въ лѣсѣ.

Было ихъ трехъ братовъ, Гавриль, Николай и Васко. Добре зарабляли въ лѣсѣ, въ лѣсѣ и судѣли. Не было ялицы, котрой они бы ся встранили, не было въ лѣсѣ потока, съ которого бы дерево не вы-

достали. А яшчэ, або смерекі не такі даўно былі, якъ тперы! Коли зрвзали яшчэ, то на ніяку могло выгодно двоух хлопцовъ почувати и выгодно протягнутися.

И не могло трехъ братовъ ничъ розлучити, працювали все три разомъ и заробкомъ дѣлялися. Старшій Гавриль уже си и оженилъ, а двоух все при немъ оставали и разомъ працювали.

Но пришла война. Двоухъ изъ нихъ взяли до войска. Пришла холера и найстаршій Гавриль, мой дѣдъ, умеръ. Скончилася ихъ работа. Въ домъ настала голодъ и бѣда.

О Николаю и Васку не было слуха. Бо то перне, якъ брали до войска, то брали на 12 лѣтъ. Потомъ пришла вѣсть, же Николай убитый на войнѣ, а о Васку долго не было чути. Ажъ по якихъ десяти рокахъ оповѣдаютъ о Васку, же Васко великій панъ, польскій шляхтичъ, зли приняти си не хоче, же даколи бытъ руснакомъ, И не Васко оиъ ужъ а Базиль.

Изъ сь Васка зробился панъ Базиль, якъ посѣлъ панскій дворъ и шляхетство, а якъ изъ польского пана зышло на польского дядя, то послушайте добры люде. Во треба вамъ знати, же нашъ панъ Базиль ницъ жѣ, его крѣнке русске здоровля не перемѣнилось на польске, его сила, натура, осталися русскими на его несчастья. Не зарѣлъ цѣле свое являя до своего родного села, до своей родной хизки, смерѣла му она, не признавался до своей родины и покаралъ его Богъ за его панство. Оиъ то днесъ розумѣе.

III.

Коли Васка остригли, надѣли на него мундиръ, зробился сь него воячокъ, якъ сѣбѣчка. И достъ высокій, але не за высокій, и достъ грубый але не загрубый и лице якъ у якого панчика. Каждому въ око впадалъ. Ужъ и мѣски дѣвчата почали на него позерати и усмѣховатися. Ужъ и почали запрашовати го на «снацерь», потомъ до себе. Внали въ око дородный воячокъ и пану капитану. А панъ капитанъ былъ не лемъ паномъ капитаномъ, панъ капитанъ былъ и польскимъ паномъ, польскимъ магнатомъ, который посѣдалъ велики добра въ кievской губернии, а въ австрійской арміи служилъ сь одной стороны для пріятности, а сь другой для того, жебы даколи при помочи Австрій могъ организоваи польски легионы противъ Россіи.

Панъ капитанъ Пендракъ Пендрацкій приказалъ явитися шумному волчкову по рапортѣ изъ своихъ покояхъ. А коли Васко явился передъ паномъ капитаномъ, то и не зналъ, ци треба стояти, ци клячати на тѣхъ мягкахъ покровцахъ.

Ты полякъ?

«Нѣтъ, Руснакъ, прошу пана капитана».

—Скондъ?—

«Отъ Нового Салча, прошу пана капитана».

—То ты глушь, тамъ нема русинувъ.—

«Суть, прошу пана капитана».

—Мильчъ! Може я лѣши учоны, якъ ты! Бушь чисышчъ умшнъ?—

«Умиръ, панъе капитанъе!»

—А ты мувишь, жесь руснакъ! То тылькэ потвори умо чисышчъ буны. Бездѣельнэ моннэ муцерець.

«Дякую, панъе капитанъе!»

—Повидѣть, дзвенкуе!

«Дзвенкуе, панъе капитанъе!»

—Такъ муѣ хлопче, старайсье мувиць по паньску. старайсье помодити, злерице едушчик, то сье чегосъ послужышчъ. А сь такимъ жесь «руснакъ», нигды сье не вырывавай. По твоей ладней поставъ видаць, жесь полякъ.—

Съ початку кусъ паного Васка прызла зѣветь, же такъ вырѣкь сь своего, але потѣмъ то перенло. Скоро Васко возненавидѣлъ все что русске и гашьбился своихъ людей. Никому изъ «камерадовъ» не хотѣлъ признатися, сь якихъ сторонъ походитъ, где его родне село. Страхъ, если изъ тѣхъ, што го знали, назвалъ го дакотрый Василь, або Васко! Оиъ былъ ужъ тперы Базиль, Базилько. И все промилналъ того пана, который го крестилъ, что му не далъ имя Ваньо, або Оефр! Тперы бы то такъ по польски добрѣ вышло: Ясьо, або Юзьо... А ту Базиль, Базилько, Базьо... Не такъ выходитъ. Все оно не такъ чисто по польски.

До своихъ знакомыхъ, до родного села, или до своей родины не писалъ ни слова. А и о дѣвчатю о своимъ забылъ, хоць и заклинался даколи, же на нишу и смотрити не буде. Позералъ тперы лемъ на такі, што были снаеска одѣты, позералъ на Юли, Рузыи, Франци и сь такими лемъ на «снацеры» ходилъ.

IV.

При своемъ «муцерствѣ» зановзался Базьо сь панскими выгодами: Сь мягкими покровцами, капанами, деликатесами и думалъ лемъ о томъ, якъ бы то ему паномъ быти. Зналъ, же до панства треба гроши, треба быти богатимъ. И зародилася въ его дуниѣ жажда золота и скупость. Складалъ цента до цента, ништо не выдѣлъ, жебы далъ цента бѣдному, кусокъ хлѣба голодному. Што оставало сь панского стола, а самъ не сѣбѣ, то продалъ бѣднымъ

за жебранный грайцарь, а даромъ не дать. Николн панъ Базылько не змѣнялъ грубынн гроши на дробнѣйши, лемъ все дробны вымѣнялъ на сѣбѣро, а потомъ такъ инекулловалъ, жебы вымѣннн на золото. А коли золото нашлося въ его зменн, то долго ужъ божого свѣта не видѣло.

Не безъ грѣха были Базылько и яко слуга. Правда, старался угодити пану, до панского чобѣга можъ ся было зачесати, въ панскомъ мундурѣ перонку не было, але коли панъ пришолъ нѣный, то не разъ его пуцерь доложилъ до своего капиталу пару центовъ. Но такъ зналъ кони у пана памяти мало и рахунокъ слабый, что пану Николн и въ голову не пришла така мыселъ, жебы его Базылько, новый католикъ и полякъ на данго такъ были способный.

Отъ гуляня, отъ веселого житя, отъ роскошу, ченилася панского пана капитала така хороба, што ужъ му нѣяни докторы помочи не могли. Не такъ давно молодой, здоровый свѣжій, шумный панъ капитанъ, а сегодня молодой на роки, але старый на силу, старый на здоровя, мусѣлъ вѣсти палицу въ руки. Безъ палицы поги не хотѣли слухати. Розумѣся, отъ войска мусѣлъ выстуннн. Просилъ жебы и его пуцера освободили. Его просьбу исполнили и Базылько остался съ паномъ.

Незадолго панъ опустилъ совѣсья Австрію, а выѣхалъ на свое богатство въ Россію, въ Кіевску губернію. Взвалъ и своего вѣрного пуцера. Але не доста водилъ своеверанный польскій панъ. Не помагалъ свѣжій воздухъ. Покилъ ници два роки и умеръ для радости своей дальной родины, бо ближной у него не было. Въ часѣ его хоробы не зналъ его никто, кромѣ панского Васка, то треба признати. Послалъ и для него и изъ подъ него и его самого носилъ, якъ панъ слуга, который знае свои обовязки. Изъ родины никто не пришолъ ни заглянути. Але коли рознеслася повннн, же панъ Пендракъ — Пендрацкій умеръ, наѣхалосъ тѣма всякой родины съ першого, другого и третьего поколѣня и по «мечу» и по «кондзьельн».

Не знамъ вамъ того повѣсти, ни панъ Базылько зналъ, же буде кому поховати пана, ци ддятого, же обязался служити только живому, а не мертвому, достъ, же лемъ панъ умеръ, его пуцерь чмарилъ труна и пропалъ. Пропалъ такъ, якъ може пропастн лемъ человекъ безъ всякихъ «титоловъ», безъ панства и славы.

Родина не такъ занималася похоронами пана Пендрацкого, якъ рахунками его маетки. И при тѣхъ обрахункахъ вышло, же неболицъ не такъ великій богачъ, за якого го уважали. А кромъ того изъ золотого родинного фонда не панѣли ни одной годнигы, ни лап-

цуника, ни перстенка. А говорили, што неболицъ посѣдалъ не лемъ золоты рѣчи, але и тысячи старыхъ злотыхъ польскихъ дукатовъ.

Кто былъ при смерти? Пуцерь Базылько! Где Базылько? Пропалъ! Значитъ, Базылько укралъ все золото и пропалъ...

Росписали по свѣту за Базылькомъ и панни го. Панни Базылька, але золота не панни. А коли его представили предъ судъ въ Краковѣ, Базылько заявилъ, же у него есть дакусь панского золота, але павъ му далъ своими руками, коли умералъ, а золото было чанова, значитъ было у него и право дати, кому хоче. Далъ вѣрному слугови.

Не было свѣдка ни на того, же панъ далъ Базылькови золото, але не было свѣдка и на того, же не далъ. А же Базылько золота не показовалъ, ни ея не похвалилъ, сколько того золота, та послѣдѣтъ знамен часъ въ крымнвалѣ и пустыни го.

На отчизну Васко не вернулъ. Разъ «панъ», то лемъ съ панами. Разъ полякъ, то лемъ съ поляками могъ жити. И панолъ зась службу у одного польского шляхтича ажъ коло Кракова за льокай.

Шляхтичъ былъ банкротъ. Долги керенны вартость маетки, однако мусѣлъ быти вѣвъ ницекн парадъ и льокай Базылько. Не было дня безъ панской парадъ, безъ гостини съ шампанамн и «венгрннамн». У пана была молода донька единачка Андзя. Делнкатна, шумца, мнгонька. Ручки и пожки маленки, очка черны, носокъ польскій, лемъ мальовати. Взднлн кавалера съ близка и дально, цѣловали малечки ручки и пожки, гостини вхл старынн чанова, але женячки не приходило. Бо або кавалеръ такъ само банкротованный, якъ старый панъ и нѣякъ имъ не выходило ни старому, ни молодому, або, коли панолосъ кавалеръ ници не совѣсья банкротъ, то му тр ба было поправити свою «фортуны» женячкомъ. А таково, жебы хтѣлъ взити самы ручки и пожки, не было. И если который прѣхалъ другой разъ, то лемъ по то, жебы побавитнел руками и пожками.

И почала пана красота вянути. А коли почала вянути, перестали и кавалеры прѣзжати. Ци вато перестали прѣзжати, же Ан-Похороны не были цѣякомъ парадны. Мало кто изъ тѣхъ пановъ, коды почала вянути, ци прото, же старому пану бракло ужъ вниа въ

Разомъ съ Андзьомъ почало вянути ринтко въ панскомъ двоскихъ парадѣ, почали клопаты и свары. Стара панни умерла рѣ. вмѣсто кавалеровъ, почали заходити должники, вмѣсто паннннцѣ, хтѣлъ то може знати?

Старый панъ похилился также ку земли и думалъ. Думалъ столько, якъ инколи въ янтью. Ци думалъ, якъ то буде по смерти, ци думалъ о житью, якъ то марно прежить, вспоминалъ свои гостини и гостей? Отъ часу до часу позералъ на свою единачку и больше хилился ку земли. А единачка спочатку, коли ю опустили кавалеры, почала сумовати, будь коли въ кутичку заплакала, але скоро забыла и почала позерати на Базылька. И Базылько былъ «кавалеръ», може ниши шумиѣннѣй, якъ тоты, што приходили. Правда, не думала Андзя, жебы Базылько могъ быти направду ей кавалеромъ, але заступити могъ. Мисби такъ Базылько не былъ хамского роду, а панского, добрый и шумный былъ бы кавалеръ, а може и мужъ.

— Якъ ты ся называшъ Базыльку?

«Шкварога, проне панни!»

— «Фе, якъ паскуднѣ! Дия чего не Шкварковскій?»

Проклинаше Базылько няня и дѣда, чомъ они не звалися «Шкварковски», лемъ прости «Шкварки».

VI.

Должники дальше чекати не захотѣли. Подали въ судъ и пански «фортуна» пошла на бубени. На «лицитациѣ» станыли до кунна самы жиды. Нѣтъ, не сами жиды, межъ ними былъ и панскій льокай, Базылько. И Базылько «сбиговалъ» всекъ и купилъ дворъ своего пана со всеми полями, статками, будынками, кунилъ разомъ и старого пана и его панянку Андзю.

Тиха была свадьба, не было изъ гоноровыхъ польскихъ пановъ никого. По всевълю старый панъ вынапозъ въ якнскихъ наперяхъ, же пра-прадѣдъ Базылька былъ шляхтичъ и съ Базылька зробили шляхтича Шкварковского. Выстарался о гербъ и паперы и старый панъ умеръ спокойно, съ гоноромъ. Але штожъ, коли ни гербъ ни маеюкъ не дали Базылькови той панской омады, якої было треба для мужа Андзьи. Почала Андзя го учити писати и читати. Кушь научила, але панъ пѣкъ изъ него, не выходилъ. Базылько влѣзъ и до школки и до болота, бо и на школицѣ хотѣлъ заробити. Того Андзя пѣкъ не могла знести и перазъ го хамомъ назвала. А ту изъ панскихъ еусѣдовъ ништо не заходитъ, не былося съ кѣмъ розвлечи, такъ же Андзя почала выѣзжати до Кракова и тамъ днювати и почувати. Говорила, што у родины. А на конецъ заявила, же она на селѣ жити не хоче, што хоче жити въ мѣстѣ. Просилъ и плакалъ Базылько, але то ничъ не помогло, лемъ ся на смѣхъ своей жены вы-

Раль-пераль продалъ Базылько маеюкъ и перѣбжали до мѣста. ставлять.

Въ Краковѣ взялся за торговлю. Великій шторъ заложилъ панъ Шкварковскій, въ якимъ было вишко, отъ мама до велика.

Вы знате, якъ то человекъ хоче быти богатый. Ниць онъ коло себе не видигъ, лемъ «бизнесъ». Иде «бизнесъ» добрѣ, шнекулое, жебы ниши лѣнше шоль, и забыватъ и о женѣ и о дѣтихъ, и о неклѣ, о солницѣ, о свѣтѣ. Лемъ все рахуе, шнекулое, якъ бы выкорыстати, заробити на другихъ. Такому нѣтъ границы богатству. Есть у него сто тысячъ, старателъ догнати пятьсто тысячъ. Есть пятьсто тысячъ, доганяетъ миллионъ, потомъ шить, десять и. т. д. И при такихъ догонякахъ приходигъ такий часъ, што вчера ниши было го стати на миллионъ, але «бизнесментъ» своимъ миллиономъ хотѣлъ зробити пять миллионъ и страчалъ и тотъ миллионъ. А накъ ажъ до смерти боженчатъ, же якъ то бы былъ мудро зробилъ, якъ бы такъ тотъ миллионъ сховаля и жилъ спокойно теперь.

Базылько не належалъ до тѣхъ. Любилъ онъ каждый центъ стискати, што заробилъ. Але штожъ, коли была жена Андзя.

Колі «панъ» Базыль стискалъ центы, коли днювалъ и почувалъ въ шторѣ, панни Шкварковска принимала панякъ, робила гостини и балы, ѣдила до Виденя за панатами для себе, такъ же Базылько по нивъ лѣтахъ панюея мало не на такомъ мѣстѣ, якъ его небондрѣ тещѣ. Почали должники заходити и грипочъ банерога.

Лемъ же панъ Базыль кушь былъ мудрѣннѣй отъ тещы. Стывалъ кушь золота, о чомъ не знала ни жена, ни должники, кунилъ собѣ домокъ въ маломъ мѣсточку и зновъ почалъ маленькій шторникъ.

Жена, вычерпана забавами, веселымъ житьемъ, пережити той гашьбы не могла и легла въ постель, съ которой ужъ не вставала.

VII.

Колі я заноль до стрыка, стрыкъ былъ ужъ старый вдовецъ. Видѣлъ я го першій разъ. Привиталъ я стрыка по русски и почалъ бесѣдовати по русски. Смотрю на стрыка а стрыкови, якъ бы хрѣну далъ пошохати. Пригнѣръ двери. А потомъ далъ мѣ такую науку по польски:

«Я тобѣ, гваритъ, прѣбачамъ, же до мене по русски бесѣдуешь, бо ты певно не знашь, же ты полякъ и шляхтского роду, въ дзядѣ, прадыда. Я, гваритъ, досталъ паперы и гербъ, котры то паперы и гербъ тобѣ ся належатъ. Я съ тебе зроблю порядного поляка и пана, коли хочешъ, жебысь долго жилъ на свѣтѣ и добри ся ти поводило. Бо яко руснакъ, далеко не зайдешъ. Пропадень марно!» А треба знати, же панъ Базыль поправился по смерти жены: И другій домъ кунилъ и шторъ поширилъ и зново почало богатство рости. Наслѣ-

аниковъ айякихъ не было, такъ, же я былъ наиблизкшій наследникъ. Штожь, коли треба было стати шляхтичомъ и полкомъ. Подяковъ я стрыковъ краснѣ за панство и вернулъ до дому. Писалъ ищи разъ стрыкъ, жебымъ ся онамыгалъ не былъ глухой, а буду счастливый. Я и не описалъ.

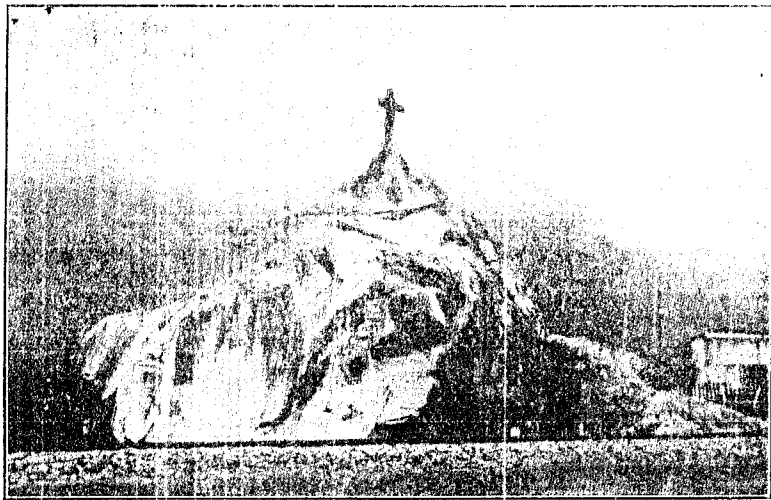
И зиме днесъ оба. Я походилъ за свою русскость по крими-налахъ, муськы утѣкати зо своей земли, зо звого села и краю, але у мене чисти совѣсть, го наибольше богатство человека!

Стрыкъ стрѣчалъ въ новой Польше шитко, што малъ, заорали и подушки съ гербами и сѣбро и золото. А было то такъ:

Обраховалъ стрыкъ свой мастокъ и выраховалъ такъ, же онъ мо-же добрѣ жити зо своего проценту. Продавъ дома и вложилъ гроши до банку. Пришла война, а по войнѣ Польша, котру такъ стрыкъ чекалъ, и въ Польшѣ пропалъ цѣлый его мастокъ.

Сегодня стрыкъ проситъ о кусокъ хлѣба. Скорше доставе отъ русскаго, якъ отъ польского пана. Проканчатъ польскихъ пановъ и Польшу. Не дела не тантея своего русского роду, але хвалитоя, же онъ не полякъ. Звать го «старымъ большевикомъ».

Такъ то люди мѣняются.

Могла Давбоша въ Яремчу въ Карпатскихъ горахъ.

БЕЗЪ РОБОТЫ.

I.

Демко Дутка ужъ 15 лѣтъ въ Америкѣ. Оставилъ въ краю же-ну и дѣти, а было ихъ пятеро и выѣхалъ въ Америку. Не зъ роскоши ѣхалъ и не съ цѣлковости, жебы видѣти нову землю, новы народы и тоты богатства, але ѣхалъ, бо и други ѣхали въ Америку и декотры вертали не съ порожныма руками, але приносили дороги американски доллары. А знате добрѣ, же долларъ при змѣнцѣ добрѣ платять. Принесень лемъ \$200, змѣнишь и уаъ маюць 1,000 австрийскихъ коронъ, а принесень \$100, маюць цѣлу тысячку златыхъ! А за 1,000 златыхъ! Го, го, человекъ, што ты купишь, якъ газдовство поправлять!

Приносили други и газдовство поправляли. Демкови не такъ треба было газдовство поправляти, але треба го было спасати. Отцовизна такъ, якъ бы не его ужъ была. Небоньки Демкови родиче, Воже, свѣтъ ихъ душамъ, лемки люде барзъ были. Не лемъ же рѣбили такъ якои лемъ по верху, але и забавятися любили: Де якъ кешны, ци весѣля, де явѣй отиуесть, ци кермень, всяди обое разомъ. А коли не было ни крестинъ ни весѣля, ни отиуесть ни кермену, то кажде особно. Цяньо тримали все флянку въ сынанин, а мама въ коннику, въ постели. И все цяньо тнали маму до работы, а мама ця-ня и работа оставала не зробена. Не было тамъ вельо и той рабо-ты, бо половину грунту уаъ лядъ тримать отъ долгу. Во цяньо на што имъ цента треба было, или до жидъ и брали безъ рахунку. Ма-ма тяжъ брали отъ жидъ на свою половину. И ужъ бы были до цянь добрали, жебы такъ на счастья, ци несчастья цяньо не умерли. Згоды лемъ сынъ Демко увидѣлъ, же планно. Грунтъ якъ бы не на Демка Дутку, але на Мордка Штайна.

Застъ, на счастья, ци несчастья, трафилася Демкови жевичка, же-бы такъ менше долгу. Дѣвка здорова, шумна, лемъ въ осени прѣѣха-ла съ Америки и принесла девять стовокъ. Не повѣли бѣдной ни лю-де, котры не знали рахунку, ни Демко, кельо того долгу ееть на грун-тѣ. Головно, же грунтъ ееть. Пани люде не рахують, кельо у кого гроши. Гроши прейдутъ. У насъ рахують грунтъ! И хоць лѣпшій грунтъ даде бы можна купиши за девять стовокъ, но разъ у Демка грунтъ, Ганя не думала ани годины, лемъ вышла за Демка. По свадьбѣ переконалася, же долгу рахуе Мордка 15 стовокъ и ей стов-ки лемъ на даякѣй часъ заспокоятъ Мордка. Згодился чекати о ре-пту ищи пять лѣтъ, кедъ буде тримати тоту лѣпшу страну отъ про-центу. Такъ ся и погодили, хоць Ганя ся достъ наплакала и на про-

клинала тотъ часъ ц годину, коли сваты пришли и въ такє несчастья завели.

А ту робѣ отъ свату до змерку, бо хоць того грунту ужь и мало было, але страшно занедобаний, терняками и ядовидцами заглушенный. И робилъ Демко, робила Ганя и ничего ся доробити не могли. А ту, ци на счастья, ци на бѣду давалъ имъ Господь Богъ дѣточки што рокъ, то пророкъ. И не лемъ же не можъ было думати отдати Мордкови долгъ, але грѣса ся было озерати, ци бы иди дакто не позычилъ, бо ледь ници комерци зародили, то слава Богу, але коли пришло мокрени рокъ, а комерци пропали, то треба было голодувати.

Шлякъ нешло газдовство. И лемъ едень ратунокъ для нашего лемка, коли газдовство не иде: Итти въ Америку.

И взялъ Демко отъ другого заца стовку на бычата и аши ништо не зналъ, коли поѣхалъ. Вечеромъ ници косилъ, а рано ужь го не было.

II.

Въ Америку доразъ досталъ роботу. Спочатку въ камзюной бивѣ, а потомъ въ майнахъ. Тяжка работа въ майнахъ, цѣлу зиму не видить божого свѣта. Але заробилъ. За два роки отможили Демко коло 500 долларовъ, кромъ того, што послалъ женѣ до краю. Жена писала, жебы або приходилъ, або бралъ ей ку собѣ. Сама съ дробныма дѣтми не може собѣ дати рады. Жиды навосѣдають што разъ лѣшне, стодола лемъ понодирала, бо ся валить. До хижки ей лѣе. Та або най доразъ приходить ставити новы будынки, або най присылать шифкарту, жебы до зимы могла выѣхати, бо въ зимѣ вымерзнуть въ такой хижки, а и дровъ нѣтъ кто привезти. Въ насъ велика бѣда, писала жена въ каждомъ листѣ.

Встращился и Демко той бѣды. Долго думалъ, што робити, ци ѣхати, ци жену ту брати. Жебы такъ было хоць съ тысячъ долларовъ, то може бы яко и въ краю отпался отъ бѣды. И будынки бы новы поставилъ и Мордкови бы отдалъ. А 500 мало, ни будынки претрясти, ни долги отдати.

Думалъ Демко, думалъ, и такъ выдумалъ, же лѣшне буде жену спровадити. —«Може и дайкой фармы ся ту доробю. Земля лѣшна, якъ въ нашихъ горахъ. До Канады люде ѣдутъ, бесѣдуютъ, же тамъ даромъ землю дають и инееница ся родить, не такъ, якъ у насъ, овесъ треба пальцами выбирать.

И купилъ Демко три шифкарты. На тоты три шифкарты могли прѣѣхати жена и дѣти, такъ гварилъ агентъ. Ку шифкартамъ послалъ 50 долларовъ на прѣѣзду, жебы порядно прѣѣхали и написалъ

женѣ листъ, жебы ничъ неоткладали, лемъ доразъ прѣѣхали.

Самъ покусъ робилъ, але роботы што разъ менше было. Предъ самымъ войномъ слабо шла работа въ Америку.

Неодолго прѣѣхала и жена съ дѣтми, самама бойсами. Найстаршому было 10 лѣтъ, наймолдшому три. Треба было свое газдовство закладаци, кормити семеро люда, а ту работа барзъ слабо шла, три дни въ тыжини шпиткого. У жены было дести роботы дома коло кухни и коло дѣти.

— Знашь што, Ганю, побѣду я въ Канаду, тамъ дають землю за даромъ. Ужь дуже нашихъ люде поѣхало.

И взялъ половину отасженыхъ грошей, а другу половину оставилъ женѣ и поѣхалъ.

И дали му земли деств, ажъ 160 акровъ! Вывели го далеко отъ люди, отѣвряли и поѣли, же коли очистить 30 акровъ, то цѣлы 100 переходять въ его вѣчне владѣние. Земля была зарослена, треба было корчувати дерева и крякы.

Никколи не ставлять хижки а тамъ доразъ взялся до роботы. Пастиналъ друковы, связалъ, обложилъ и прикрить деризми и за три дни хижка готова, хоць на хижку не была подобна. Водай предъ дождемъ и вѣтромъ хоронилла!

Взялся до роботы, до корчувания, до чисення, бо треба было ници того року данто посеѣяти. Сердечно ся взялъ до роботы! Палилъ, копалъ, тигалъ, а кусъ земли было не заросеной, зрылъ того и пимарилъ инееницу. Потомъ купилъ корову и пустилъ ся пасты, а такъ написалъ по жену и дѣти.

III.

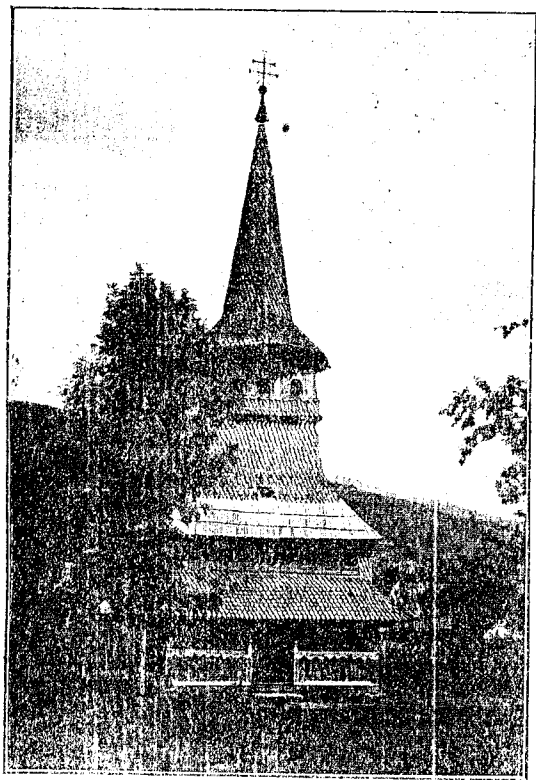
За три роки нашъ Демко сталъ на ножи. Ужь сто акровъ сѣялъ, 6 кони, 4 коровы, инееница за войны выпила въ гору, такъ, же лѣшне не треба было желати. Ужь му давали за фарму пять тысячъ. Але Демко бы и за десять не продалъ. Буде ся зась поневерати по свѣту и глядати роботы?

Недалеко псколу выставили, дѣти ходили до школы, шпитко такъ ся сложило, якъ лѣшне не треба было. Што продалъ инееницу, то докладалъ до газдовства: Накунилъ статку, пришло агентъ, нагварилъ го на машины, взялъ машины на силату за два тысячи. Взялъ ници другу фарму до корчования.

—«Разъ емъ потрафилъ, думалъ Демко. — Не будеме бѣдовати и роботы глядати, слава Богу роботы деств, и для дѣтей и внуковъ!»

Такъ раховалъ Демко. Вѣдпый не зналъ, же то никколи чловѣкъ не може выреховати. Сегодня у чловѣка богатство, здася му.

же школы не mine, же не земь до смерти му старчить, але и дѣти и внуки будуть въ достатахъ жизни, а завтра таке може на человекѣ притц, же мусить куса хлѣба глядати.

Старая русская церковь въ Карпатской Руси.

Такъ вышло и Демкови. Демко накупиць статку въ дорогомъ часѣ, бо думалъ, же школы не стаиць. Пришолъ на несчастьи планый рокъ. Наши бракло, зима была остра, половина статку пронала. Демко платилъ за корову по сто долларовъ, а давали му по десять. Такъ, же коли за его фарму давали му предъ двома роками пять тысячъ, теперь за два раза такой мастокъ не давалъ никто и два тысяччи. А ту за самы машины козь явохъ тысячь долгу. И то все долину шло и долину. Крунилъ Демко, глядалъ ратунку, не было никакто. Ници «текесь» такій заложили, што не годень ниць выкрутити.

Канадѣ были нужны наши русски люде земь пачо, жебы корчи повытягати, а коли грунтъ выробеный, то и сами будуть знати газдовати. Не земь съ нашимъ Демкомъ така исторія вышла, але съ многими нашими фармарами галичанами и буковинцами. Нашихъ фармеровъ въ Канадѣ такъ притиснули, же вельо нашихъ люди опустили фармы сами, а котры не опустили то ихъ выганяють компании за машины и банки за долги. Наша тяжка работа переходитъ въ руки хитрыхъ англичковъ правѣ дармо.

Переняла и нашого Демка фарма, десятилѣтна тяжка работа отца съ дѣтми. Ани Демко не могъ снамитатися. Былъ у него великий мастокъ, котрый малъ забезпечити спокойне житыя ему и его родниѣ. Ни легкомерно не марилъ, ни не вилъ, працювалъ тяжко, працювали дѣти и все пропало! Пришли и забрали цѣлый его мастокъ, цѣлу его роботу и повѣли, же ници мало! Свои машины они знали добрѣ оцѣнити, а Демкову роботу, тяжку роботу не цѣнили ничъ. Фарма для державы мала вартость, бо держава наложила такой «текесь», што не годень былъ доробитися, а работа не стоила для державы ничъ.

— «Не такъ то на свѣтѣ, якъ бы мало быти, думалъ Демко и да малъ голову, якъ бы то мало быти. — Та ужъ най бы собѣ тоту фарму брали, а най бы земь мѣ за работу заплацали, хоць по 50 центовъ денно».

IV.

Приѣхалъ Демко до мѣста глядати работы. Дѣти ужъ знали по английски, ани до русского не признавалися. Розлетѣлися доравъ ани адресу не подали. Мусѣли найти работу, але родичами ся не старали.

Та ци вы видѣли таке чудо, жебы американизованы дѣти старались своими родичами? Або пачъ помагали? Земь дай Боже, жебы ихъ родиче подховали, а даьше и слѣдъ по нихъ пропалъ! Ници коли родиче данто мають, то часомъ отвидитъ и шару словъ по английски напшиуть, але коли родиче ничъ не мають, то и слѣдъ по дѣтихъ пропаде!

Такъ и съ бойсами Демка ся стало. Пропали, ни адресу, ни слѣду...

А Демко и Ганя сѣли въ мѣстѣ и глядали работы. Але работы не было. Была работа, але для такихъ, на котрыхъ не видно, же чужинцы, котры добрѣ по английски бесѣдуютъ, была работа для своихъ людей, а Демкови и Ганѣ трудъ было работу здыбати. Вседи ихъ отиравали, же мають «своихъ». Отъ часу до часу Ганя вышла ро

ооту на день, на два. Таку роботу, што «свои» не хотѣли робити: Выпрати, подлогу вымти, грубы порядки поробити и съ того жили, бо Демко роботы не находилъ. Старчило на хлѣбъ.

А ходилъ отъ свѣту до змерку, сидѣлъ по офисахъ, але лемъ рушнѣзъ языкомъ, дорави познавали, же то не «свои» и отпраляляи безъ роботы. Ужъ и прикро было ходити Демкови за роботомъ. Але разъ якоси ся му посчестило. Отправляляи на роботу въ лѣсѣ, взяли и Демка. Тяжка робота достъ, але Демко привыкъ до такой роботы. Робяль Демко два тыжани въ лѣсѣ и робилъ бы дальше, може бы да што и заробитъ, та штожъ, коли разъ пришли до «формана» «свои» и просили роботы. Доравъ «форманъ» выбраъ «не своихъ» а и Демка мезъ ними и отправилъ. Ани на дорогу не заробилъ за тоты два тыжани. . .

А коли вернулъ, засъ почалъ глядати роботы, засъ отъ офису до офису, але коли выходилъ рано, то ужъ зналъ, же такъ само, якъ и вчера, верне безъ ничего. Наконецъ прекнался, же роботы для него нѣтъ и престалъ ходити. А коли го Ганя выганяла, то шолъ до загорода, сѣдалъ на лавочку и думалъ. Думалъ о Бозѣ: Надъ Его свѣтомъ, надъ Его людами, повералъ на «своихъ», котры довольны, свѣты, богаты, одѣны, ходять для приѣтности, для забитя часу до вечера, коли для нихъ зачипатся веселе житя. Други «свои» заняты «бизнесомъ», сѣнѣнать, фядять автомобилями, робяль гроши. А третій родъ людей, то «не свои», его краине: Бѣды, занедбаны, сидять по лавочкахъ и роздумують, якъ Демко.

Може не все тоты краине такъ тяжко працювали, якъ Демко, Може декотри и працювали, але пили и прошили, прогуляли, то имъ хоць не жалъ. Але Демко тяжко трудился и честно жилъ и цѣла его робота на марно для него пошла и доробилъ до того, же на кусокъ хлѣба цента нѣтъ.

—«Колы бы мѣ такъ честно за мою роботу заплачли, то по справедливости я ужъ отробилъ до смерти и до смерти бы мѣ можа спокойно жити. Самой фармы сто акровъ виробити, то будь-кто не здолять. И взяли мою роботу за «тексъ», за податокъ. Ктоси лемъ буде мати користь съ моей роботы. . . А теперь ужъ мя ани до роботы не потребують. А може бы мѣ и дали нову пустыню, жебы имъ фарму виробити? . . . Нѣтъ умру съ голоду, а не буду выпраляти, бо засъ заберутъ!»

V.

—«Знашь, Ганю, то не такъ на свѣтѣ иде, якъ бы мало шти.

То не Боже дѣло. Або Богъ цѣлкомъ свѣтомъ не интересуеся, або Бога нѣтъ».

«Не шеть-же и не грѣшь, бо ты Богъ скаре!»

Такъ, мене Богъ ужъ скаралъ. Икакъ ми ници може скарати? Та ты не видишь, же мы о сузомъ хлѣбѣ, а наробилисе ся достъ! А прошто насъ Богъ каре? И молимсея и въ церковь ходиме, а намъ зле на свѣтѣ. А такимъ, што въ Бога не вѣрять, ся лѣвие поводитъ. Ты бысе ничому кривды не зробила, кари Божкой ся боишь, а други ся не боить, лемъ насъ кривдять! И не вѣрю, жебы тоты свѣтовы порядки отъ Бога походили. То выгико походить отъ хитрийныхъ людей: Люде дѣяются на свѣтѣ на хитрыхъ и не хитрыхъ. Хитры жыють працомъ не хитрыхъ, выкорыстуютъ ихъ, якъ выкорыстуютъ коней, ослави, воловь. . . Ты знаешъ, Ганю, кельо мы заробили до того часу? Я вчера обраховалъ и вышло, же мы заробили ужъ ту въ Америкѣ около 15 тысячъ долларовъ. Столько стоить наша робота. Мы выдали на себе янихъ 5 тысячъ. А где тоты 10 тысячъ? У когоси лемъ они суть! Они у хитрыхъ. Она не пронала тоты наша робота, она есть, але корыстатъ изъ ней хитрийний отъ насъ. И за хитрийниого ся и право заступитъ и Богъ му нежитатъ, а не хитрому все бѣда. . . .

Такъ Демко розговлялъ съ Ганьомъ до позной ночи, а завтра встать и засъ за роботомъ ся выбраъ. Такъ бы робилъ сердечно, солодко, най бы была, яка хотѣла тоты робота. Безъ роботы тяжко.

Колы была робота, то Демко былъ и здоровниий и сильнѣиий, а днесъ ледво ноги за собомъ волочитъ, блѣдый, худий.

«Ратуйте, дайте роботу!»

—«Ни ужъ вся робота на свѣтѣ зроблена? Чомъ-же нѣтъ для мене роботы? Чомъ есть для «своихъ», а для мене нѣтъ? Зле на свѣтѣ, не такъ бы оно мало быти. Злы права. Ни они не добръ тоты большевики хотять? Може и добръ. Такъ такъ на свѣтѣ не може быти. То лемъ я безъ роботы.»

Таки мысли приходили Демкови въ голову.

До днесъ Демко безъ роботы, але то ужъ не тотъ Демко, який былъ предъ рокомъ. Отъ якисой «сусайды» платять му 6 долларовъ на мѣсяць, на выживу. Демко ужъ не глядять роботы. Вечерами заходить въ клубъ, тамъ где сходятся и други товарниши.

Демко ужъ говоригъ, же нѣтъ Бога, знае, што то таке кашгалъ, буржуй, пролетаригъ, коммуна, революция. . . Свѣтятся очи нашому Демкови. . . .

ГОДИНАРЬ.

I.

Жилъ на Маковици мудрыйъ газда. Цѣле село звало го Годинаремь. Не звался такъ его отецъ, або дѣдо, а и нашъ Годинарь, коли му пришло данто отъ «бирова», або съ данкого «гиватаду», то пиванне писали. Писали такъ, якъ его пивнови. Але мало кто въ селѣ зналъ, якъ му писати. Аки самъ рыхтарь думалъ хоць-коли, до того бы что писмо было? Ажъ тотъ, што почту розносилъ и припоминать рыхтарови, же то до Годинара. . .

—Правда, то Годинарь такъ ся пише! припоминать собѣ рыхтарь.

И то пици давно, якъ насъ, такъ го звали. Годинарь, та Годинарь. Вы то знате, коли на селѣ дакого назовуть, але такъ насовно, то пропаде съ него въ селѣ родне имя и крестне имя. Забудуть. Такъ и Годинаря родне имя пропало въ селѣ, слава Богу, же пици въ «гиватазахъ» остало.

А назвали Пильки, бо му на крестѣ Пилько дали, назвали го Годинаромь протѣ, бо першій въ селѣ купилъ годнику, пици яко хлопця. И никто пици въ селѣ не знался на годницѣ. А Пилько влапилъ веси куну, ни вхора, други сварить, же то была видра, продалъ и купилъ годнику.

Вшитки въ селѣ десь по когутѣ знали, коли вставати, а въ дѣтѣ по солнцѣ. Кудъ когутъ былъ добрый, то на минуту ся не помышлялъ, але даякій когутъ, то свѣвали, якъ самъ хотѣлъ! Коли была погода, го въ дѣтѣ мѣжь было познати часъ по солнцѣ, але якъ было хмарно, то никто не зналъ якъ далеко до вечера.

А Пилько мершій купилъ годнику и тримался часу ведля годника. Коли Пилько Годинарь гналъ стаюкъ до лому, то и други гнали, коли выганялъ, то и други выганяли.

—Стара, корови донти! Въ Годинаря ужъ доять!

—Мамо, бети! Въ Годинаря ужъ фдять!

—Вставайте! Въ Годинаря ужъ свѣтять!

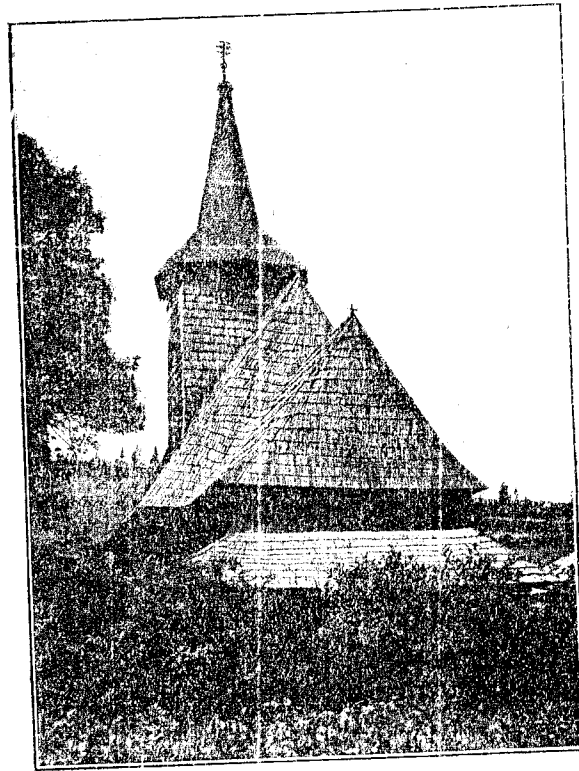
—Идме спати, въ Годинаря ся не свѣтять. . .

Вшитки такъ смотриси на Годинарову хизку, на Годинаровы взгляды, якъ на годнику. А Годинарь, не десь же першій купилъ годнику, але и поправити собѣ самъ зналъ. Не десь зналъ собѣ годнику поправити, але што взялъ въ руки, вшитко зробилъ. И самъ такій былъ, якъ годника.

И не чудо, же го назвали Годинаромь, не чудо, же хоць Годинарь ужъ дасъ осемь лѣтъ въ гробѣ лежалъ, а въ селѣ иначе не повѣдать, десь: —Зберайтеся до церкви, бо Годинаровы ужъ идуть. . .

II.

Чудный то былъ газда Годинарь! Мало было такихъ на Маковицѣ, а въ селѣ, то ужъ ани одного такого не было! А новинки читалъ, а въ селѣ, то ужъ ани одного такого не было! А новинки чи-

Видъ русской церкви въ Подкарпатской Руси.

тадь и книжки читалъ. Не десь тоты до молитвы, але таки свѣтени. Приходили му азъ десь во заграцины, съ далекыхъ краевъ, во свѣта.

Прихожу я разъ до одного села на Маковицѣ и звѣдоюся, три мають въ селѣ дакого человека, што читать новинки и книжки. —Человѣка такого нѣтъ, жебы ся занималъ новинками, або книжками, але кому «глупавому» Янскѣ приходять новинки, а и книжки читать. —гварить една стара кума.

Прихожу я до «глупавого» Янка, а оно ся показуе, же «глупавый» Янко наймудрѣйшій въ селѣ. . .

— Чомъ то васъ, Янку, называютъ въ селѣ глуптавымъ? —

— Та, бо видите, читаю новинки и книжки. . . Наши люди такого иначе не назовутъ, земь «бортакомъ», «глуптакомъ», не сполна розуму. .

Але Годишара такъ не называли, хоць читалъ новинки и книжки. Годишара почитали и боялися. Земь позерали, якъ Годишаръ накручалъ не земь свою годишку, але и свое газдовство. Хоць грунта други по больше мали, але никто въ селѣ не малъ такихъ коней, ни коровъ, жебы ся такъ дошли. На Годишаровыя полѣ и родилося лѣшине, якъ на суевѣдскихъ поляхъ. Годишаръ менше посеялъ, а больше зобралъ. Заходилъ газдове въ голову, отъ чого то ся му такъ родить! Не видѣли, жебы ся за дуже моили, а што ся тичить посту, то были газдове, котры постили крѣпко, а тоты старши, то якъ фли, Боже прійми, въ Великій Четверъ, то не фли ничъ, а якъ свяченичу на Великденъ. Въ цѣломъ селѣ не смастился никто въ интырохъ постахъ канкомъ мотика, а Годишаръ, кролѣ Великой Пятници, все съ мотикомъ. . . То ужъ никому не подабалось, ани папу превелебному.

Вшитко въ газдовствѣ и дома ходило у Годишара, якъ колечка въ годишкѣ и дѣти были якъ годишки. Чисто мали дома, чисто фли, чисто ходили. А инкоан не скаралися на роботу, бо и не паробилися, якъ други. Годишаръ никого не вагалия до работы. Каждый дома зналъ, што кому робити. Не смыхалъ одинъ на другого. Никто не чулъ, жебы у Годишара была даяка сварка, або бійка. А нѣтъ большого несчетья, якъ незгода въ роднѣ. По другихъ хижкахъ бійки, сварки, процессы, а въ Годишара, якъ въ церкви.

А газдовалъ Годишаръ такъ, якъ въ книжкахъ стояло. Спочатку смѣялися съ него люди. Таке выраблялъ, што ници никто въ селѣ не видѣлъ. То зукы борошили, то папу сѣялъ, то зрки на поле брали. Першій въ селѣ кушилъ мучку, посеялъ и зародила му коничъ. Смѣялися моде, коли Годишаръ мучку сѣялъ, чудовалися, коли Годишаръ збералъ и возилъ до стодола возъ за возомъ. Але засъ ся смѣяли, коли другій коничъ приралъ.

— Што то тотъ Годишаръ выраблять! Таку красъ папу до земли загриобъ. Штоси оно му бракуе колечка въ годишкѣ. —

А Годишарови на пріораной наниѣ зародила пшевица, якъ стѣна. Засъ ся не могли начудовати.

— Не може быти, жебы онъ данто не зналъ, гварили стары бабы. — Весѣдовали, же Годишаръ «хованиця» приховалъ, котрый му вшитко зписеть. —

Але покусь люди брали собѣ примѣръ съ Годишара. Ужъ и муч-

ку сѣяли и зрки брали и зукы борошили. Ужъ въ цѣломъ селѣ лѣшине роки Госнодъ Богъ давалъ.

Ш.

И ходила Годишарова годишка долго. Есе о однимъ часѣ накручалъ, келя разы самъ поправилъ и ужъ Годишарови было недалеко 70 лѣтъ, а годишка все ници шла. Правда, кусть часъ позвѣстие показовала и тому не могъ Годишаръ порадиити, земь треба ю было каждый день рано о полѣ годишны впередъ ихнути, а потомъ о годишу.

Але пришлоъ такой часъ, што годишка стала и ници накручовали, ници дошхали ей не пологан. Запосъ ю Годишаръ до мудрѣйшого годишара, до Пряшова. Але и тотъ повѣлъ, же ужъ съ той годишны ничъ не буде. — Добра, гварить, годишка была, такой годишны ани теперь не кушитъ за ници трони, але того ужъ зробити не можъ, жебы она. Вычухане ужъ вшитко. —

— И якъ ужъ не велю хибитъ — думалъ Годишаръ. — И я выстану преодолга. .

Теперь ажъ му на мысль пришло, же то ужъ и онъ старшій. Ужъ никий годишаръ не поможе. И почалъ ужъ Годишаръ выставати. Ужъ не такъ рано вставати, вчасѣйше воль спати, а коли всталъ въ руки косу, ужъ оставалъ за другими. Другій три покосы, а онъ земь два.

И такъ го силы опускали съ каждымъ рокомъ и ужъ престалъ на поле ходити. Позавералъ часомъ, якъ дѣти и внуки працюють, порадили, поправилъ, але самъ съ молодыми до работы не ставалъ. А хоць часомъ, коли работа была слѣшная, на дождъ ся запосило, ставалъ до работы разомъ съ молодыми, дѣти и внуки выбирали му зърукъ грабли и не позволяли робити.

Але пришлоъ часъ, коли и старому Годишарови вернулася сила молодого. Пришла страшна война. Потерѣло и наше село на Маковицѣ. Велю родиня осталоса безъ даху надъ головою. И Годишаровы будынки рознесло, а цѣла родина въ пивницѣ сидѣла. Молодыхъ забрали на войну, а въ дома оставили земь стары, бабы и дѣти. И коли война кусть дальше одлигла, треба было взытиса и старымъ до работы. Добылъ остатнихъ силъ и Годишаръ, жебы земь дакъ поправити газдовство.

Ажъ ту нова бѣда на Маковицу, горьна отъ войны. Отъ бискупа Новака пришлоъ такой приказъ, же все русски свята касуются, а руспани мають святити католици свята.

Ани громъ съ ясного неба бы такъ не порушилъ маковицкій народъ, якъ тотъ вѣсть:

— Якъ то? Тотъ Новакъ, лобай мадыарскихъ пановъ, осмѣлит-

ся намъ свята касовати? —Пречь съ Новакомъ!

И коли бискупъ Повакъ прѣѣхалъ на Маковицу автомобилемъ, въ своихъ «шпорть»-ногавицахъ и «шпорть»-кани, народъ прогналъ го. Народъ святилъ дальше русски свята, а на католицки робилъ. Но коли въ русскій празникъ злоде поскодился до церкви, церковь была замкнена на ключъ. Поны позамыкали.

Пришла хмара мадыарскихъ жандармовъ на Маковицу. Почали бити народъ, святи въ русски свята до роботы въ поле, а въ латински свята въ церковь. Тѣмъ, котри сопротивлялися, накладали кайданы на руки и притавляли до Прянова, до крымшалау.

IV.

Ту то вернулись молоды сыны паному Годинарови. Коли на самы Великдень свята замкнули церковь, народъ собрался передъ храмомъ. Божкамъ, розбили церковны двери и съ сплачомъ и рыданіемъ навели въ церковь. . .

Провадялъ народъ старый, якъ голубъ сивый, Пьлко Годинаръ. Коли народъ собрался передъ домомъ. Божимъ, Пьлко Годинаръ забралъ голосъ и такъ преновѣлъ:

«Сусѣде и Братя! Вы стары и Вы молоды! Такой гашьомъ, такой певолы не переживала ниц паня Маковица! Вельо она презлала, замемтрѣлася она достъ на муки паного русского народа, видѣла она и страшну панску певолу, ходили панци отпы и дѣлы отработи панске, мусѣли дѣлится съ паномъ не земъ роботомъ, але и томъ маленькомъ часткомъ, котра припала на ихъ долю. Голодувала Маковица, роскомшували мадыарски паны. Роскомшували паномъ певоломъ. Поневолене было наше тѣло, оно належало до пана, оно належитъ ниц и днесъ до него. Наше мясо и кровь не паня и теперь, оно мадыарске. И мы не противимся пану, же панимъ мясомъ и паней кровью хранивъ свое добро. Имъ того мало. Имъ того мало, же посѣдаютъ наше тѣло, они захотѣли и нашу душу посѣети, захотѣли нашу душу поневолити! «Сусѣде, Братя! Не о свята ту иде. Ни имъ того не шкодить, же мы русски свята свитиме, ни намъ бы не шкодило, хоць бы мы и святили тоты свята разомъ съ католиками. Не ото иде! А иде имъ ото, жебы они того силомъ дощали, жебы мы ихъ силѣ поддалися и тѣмъ доказали, же мы признаеме ихъ силу и надъ дуномъ панной Маковицы.

«Моя душа принадлежатъ Богу и русскому народу, а мадыарскимъ панамъ николи принадлежати не буде! Пѣтъ такой силы, котра бы могла поневолити мою душу. Того не доушети и цѣла Маковица. Чую я, же буде терѣтъ прото паня народъ, але ужъ не долго. То бу-

де остатне гашьомъ дѣло мадыарскихъ пановъ надъ нами. Педалекій ихъ конецъ.»—

Заберали голосъ и други газдове молодши и старши, говорили и жены. Одна жена найтѣмне възъ вѣхъ повѣла. Такъ повѣла, же ажъ газдове загашьомбилися, бабы почали плакати, а молоды не вытримали и въ завязоты выламали церковны двери.

И коли народъ почалъ пѣти Христосъ Воскресе, уже мадыарски жандармы входили въ церковь, били людей кольбами и выганяли пречь съ церкви. Пьлка Годинара вывели за доате сиве волося передъ церковь, тамъ били переть вѣмъ народомъ, потомъ ледво живого закули въ кайданы, высадили на возъ и повезли до Бардѣва, а изъ Бардѣва до Прянова и посадили въ крымшаль.

Съ плачомъ жегнало село Годинара. И не лемъ Годинара взяли. Взяли и другихъ газдовъ, бо злоде въ другій день Великденныхъ святъ не хотѣли въ полю робити.

V.

И не лемъ Годинаръ и его сусѣде нашлися въ Пряновѣ въ крымшаль. Были тамъ злоде съ цѣлой Маковицы. На цѣлой Маковицѣ русскій народъ выступилъ въ оборонѣ своей русской вѣры. Не было тамъ шкого молодого, бо молоды были на воинѣ, виштки старши газдове были, были и газдяни, але найстаршій меакъ вѣмъ былъ Пьлко Годинаръ.

Тяжко было вѣмъ въ крымшаль, били ихъ, штуркали до нихъ мадыаре, але найтѣмне били и кривдили Пьлка Годинара. А Пьлко не лемъ же самъ терѣтъ, але и другихъ въ терѣтъи крѣпиль и во тѣпаль:

«Виштко то преиде. И панци муки преидутъ и мадыаре преидутъ, бо така держава остати на свѣтъ не може. И мы преидеме, але наша честь останеса. Най не повѣдятъ о насъ внуки, же сме свою русску вѣру продали, а пай берутъ примѣръ изъ насъ, якъ треба за свое столти.»

Приходила часами до арестантовъ родина, приносили имъ ѣсти, бо мадыаре и голодомъ ихъ морили. И до старого Годинара пришла внука на Вознесеніе. Але дѣдо ужъ не могъ ся ничѣмъ поживити. Ужъ познати было, что его мугамъ буде пеодолага конецъ.

А ту не дали имъ спокое на Вознесеніе. Видно, же мадыаре лемъ того чекали. Погнали вѣхъ на роботу за мѣсто мадыарски жандармы. Погнали и старого Годинара.

За арестантами шла ихъ родина, жены, дѣти, котры ихъ пришили отвѣдѣти и плакали. Шла и внука Годинара.

—Дѣду, Дѣдусю, мучать васъ, мучать! Допчуть нашу вѣру, допчуть! Скаже ихъ Богъ, дѣду! Онъ видитъ ваши муки, видитъ нашу кривду!»

Замучила Пѣлка Голшара. На другой день отдалъ Богу душу, чисту, бѣлу, честну душу.

Вы служили въ Австрiи при войску? Коли сте служили, то знаете якъ было въ Австрiи при войску. Можете и не читати дальше. А коли сте не служили, або вы, што сте служили, сте радѣ знати, ци мѣ, ци вамъ лѣше стъ новодило при войску, то читайте, якъ мѣ ся поводило.

Не думайте, же найдете ту дашто о войнѣ. На войнѣ я не былъ, лемъ чулъ о войнѣ отъ тѣхъ, што были на войнѣ, же съ того войска, котре Австрiя готовила на Россiю предъ войномъ, не остало ничѣ. Виштко москале забрали.

Взяли мя до войска. У насъ гварiя, же остригли, хоць мене цѣлкомъ не стригли. Я маю право на одиорочника. Написали мѣ въ паперахъ, же «фрайвилантъ», значить доброволецъ, охотникъ, хоць я ни доброй воли ни охоты при войску служити не маю. Але така было право, же человекъ мусилъ мати добру волю и охоту, хоць той воли и охоты ани слѣду!

Коли отъ насъ брали присягу, же будеме служити цесарю на землѣ, на водѣ и на небѣ, стояли за нами жандармы съ багнетами и додавали намъ охоты. Бесѣдуютъ, же присяга не важна, коли присягаются примусово, но то лемъ такъ бесѣдуютъ.

Проселъ я ся во Вѣднѣ, въ столицу, недалекю самого цесаря. Позволили. Прислали карту, жебы на первого октября явитися «Ландверъ regimentъ номеро айницъ, Вишь».

Сѣлъ я и прiѣхалъ первого октября, але ажъ въ ночи и ледво трафилъ въ касарню до 3 години по полночи.

Показали мѣ нашу цимру. Намъ цуксфиреръ и два напы фрайтры грали ниш въ карты.

—Сервуеъ — гварю и подаю руку. Они на мя посмотрили отъ головы до ногъ и засѣ гравтъ. Я поляйкалъ по плечахъ нава цуксфирера и звѣдуюся по пѣмекки, где я маю спати. Намъ цуксфиреръ вытрянцилъ очи, натеремтеталъ штоси, але я съ того ничѣ а ничѣ не розумѣлъ. . .

Тенерь я лемъ понялъ, же хоць я учился дакъ десять лѣтъ по пѣмекки, читалъ пѣмекки книжки, а по пѣмекки не розумѣю! Пѣмецъ и пѣмецъ то велика розлука! Вѣденчикъ и берлинецъ, то якъ небо отъ земли! А все они говорятъ по пѣмекки и учатся такого языка, якъ и я учился. Цуксфиреры, капрале, фрайтры говорятъ

такимъ языкомъ языкъ ихъ мамы, значить, «материнскимъ», а офицеры говорить языкъ такимъ, якого училися въ школѣ. Достъ на томъ, же я ихъ материнскаго языка не розумѣлъ и приходило трудно. Офицеровъ розумѣлъ.

Наконецъ нашъ цукерфиреръ показавъ пальцомъ, где мамъ спати. Съ одной и другой стороны хранили камералы.

—Но, слава Богу, теперь буду спати. Двѣ ночи не спалъ. Теперь коло четвертой, пята, шеста, сема, осма, до девятой ся высплю.

Правда, сильно твердо было ночь головою, але подложилъ пясть и доразъ змикло и уснуть солодко, солодко, такъ солодко, языкъ земъ при войску можъ спати.

II.

—Габть ахть!

—Ажъ то свиная каси, не дастъ спати—думаемъ сообѣ, а очи не отвераю, земъ прикрыватъ и голову.

—Габть ахть! — Чую ужъ другій голосъ. Якъ я ся не зорву:

—Ты свино! — гварю по русски—та не знаешь, же я спати хочу?

—Смотрю, а ту предомномъ самъ нашъ фельдвобель стоять и ажъ ся му некры етъ очи съноты. Я ся заганыбнать, бо делъ, въ гачахъ и крытницъ виситъ и то виштво въ рукахъ тримаю. Тай сконилъ скоро пазадъ до постели и прикрываю съ головою. То ужъ нашу фельдвобелью было за вельо, сконилъ зорвалъ съ мене деку, хватилъ за каркъ, поставилъ на ноги и крикнулъ мѣ до уха:

—Габть ахть!

Несчасе того мое «габть ахть» было. Гачи не было чѣмъ при-тримати, счасья, же ници конеля была достъ долга. Смотрю, а ту ужъ виштки одѣты въ мундурахъ, вынуцованы, готовы. А коли нашъ «старшій» веталя, то съ мене почали смѣхъ. Я сообѣ съ того ничъ не робилъ. Помаленьки убрався до своего цивила, вынулъ хлѣбъ съ торбы и ѣмъ. Чекаю, што буде дальше. Приходитъ до мене еденъ камерадъ руснакъ и гварить, жебымъ шоль до фельдвобеля, винтурилъ му пять корунъ, то мѣ выбере лѣшній мундуръ.

—А ты свій за пять корунъ досталъ?

—За пять, гварить.

А до ничого малъ мундуръ! И шапка земъ ся на великихъ ухахъ емерла и съ рукавовъ земъ кончики пальцевъ видно. Будешь ты видѣль отъ мене пять корунъ! Вишткаго пять корунъ мамъ...

—«Фергатерункъ».

Идутъ виштки на «гофъ», а ѣмъ хлѣбъ. Не иду, бо не мамъ мун-

дуру. Приходитъ до мене самъ нашъ фрайтеръ. Иду съ нимъ. Казали стати въ рядъ, стаю. Виштки въ мундурахъ, а въ цивилу. Не пасовало. Казали ити до фельдвобеля за мундиромъ. Иду, прихожу. Звѣдуся, што хочу. «Мундиръ», гварю. Чекаю, а я ничъ, тилъ чекамъ. Видитъ, же съ того ничъ, вырвалъ, языкъ у него былъ наибольширѣшій, на вярость и пмарилъ. Ани цивила не треба было снимати земъ поверхи мундиръ надѣти, але цивила треба было отдати.

Убрался. Рукъ не видно, и ногъ не видно. Лядверекій канелюшилъ, чудо! Двѣ когуты косички и тсты зламаны. «Вафенрочокъ» шике колѣны. Буде тепло въ зимѣ...

—Пасеть?! —звѣдуся.

—Пасеть! —гварю.

Але колнимъ вышоль на гофъ, зробили смѣхъ. Трудно ся было обертати въ момъ мундирѣ, але не одола привыкъ.

А треба вамъ знати, же по року мали сме офицерами выхидити. Але могъ выйти офицеромъ земъ тотъ, котрый пасовно приоберался, за свои трони. Служити, ници, доплачовати. Вера, не буду!

III.

Вечеромъ читали въ «бефелю», же завтра буде въ Вѣднѣ бельгійскій король и всеъ маме «единствфрай». Каждый може ити на мѣсто, але земъ въ «параде-мундирѣ»...

Было пасъ дастъ пять русскихъ и мы трималися разомъ. Правда, же половина были украинцы, але то ничъ не никодило. Ледво сме дочекали до завтра! Такъ треба было видѣти Вѣдень! Мы уже чули, же такихъ бѣдняковъ, якъ мы, долго въ столицѣ трывати не будутъ.

Рано поуберали сме ся до нашихъ «параде-мундировъ», попятили бѣлы рукавички и канелюши съ косицами. Другимъ ници было кусъ видно кончики бѣлыхъ рукавичокъ изъ рукавовъ, але мѣ не было видно ничъ. Они мали по три косички за каланомъ, а я земъ двѣ и таты сломены. До канусты сме виштки были суцы, але не на парадъ...

Вышли сме на уаицу, перешли на другу, на парадѣшину. На никого такъ люде не позерали, якъ на насъ. Ани на бельгійского короля такъ не позерали. Позерали и смѣялися. Одинъ подлемець такъ ся реготалъ, якъ конь. И самъ такій былъ, якъ конь, земъ го запрягати.

Зашли сме и тамъ, где робили парадъ для бельгійского короля и веляи ихалися на передъ, жебы сме виштко видѣли. Цѣла парадъ почалася смѣити и самъ бельгійскій король, земъ «ляндверъ» черво-

иблись. Наконецъ взяла насъ патруль и отвела въ казармы.

На **другій день насъ отпустивали геть изъ Вѣднѣ**, въ якии кутокъ, на Мораву. А тамъ на Моравѣ ужъ были сами такі, што гроши не мали, аѳо не хотѣли выдавати на австрійскій мундиръ. Веѣ были добровольцы, але веѣ служили съ мусу, кромѣ кельохъ поляковъ въ «украинцевъ», которы при помочи Австрій хотѣли розбити москаля.

На другій день при рапортѣ новий панъ капитанъ звѣдовался каждаго, якій его материнскій языкъ. Чехи говорили, чешскій, сербы сербскій, поляки польскій, а коли пришло на руснаковъ, то еденъ говорилъ, же ругенскій, другій украинскій, третій польскій. . .

А бодай ете си въ землю запали, думамъ себѣ. . . — Та таку каныбу приносете своему народу.—

Колн пришии предъ мене и звѣдалися о материнскій языкъ, якъ кривну:

—Русскій!

—Ширококози онъ дають!

—Русские!

Ту ужъ очи наша капитана вышли на верхъ, панъ лейтнантъ престушилъ съ ноги на ногу, а панъ фельдвобель брешмуть шабломъ и позрѣлъ на наша капитана, ци мѣ може «дати въ морду»? Але панъ капитанъ звернулася до наша лейтнанта и наша фелдвобеля:

—Научте того «фрайвелька», яке его «мutterншрахе»!—

IV.

И почали мя учити. Што я зробилъ, то было зле. Панъ фелдвобель зазрѣлъ въ люффу моего «гевера».

—Моргенъ цумъ рапортъ!—

Иду рано до рапорту со своимъ геверомъ. Люффа была чиста, якъ шоба! Панъ капитанъ посмотрѣлъ въ люффу, гваритъ же нечиста. «Вычистити и завтра до рапорту». Я не рушилъ «гевера» и рано иду до рапорту съ такимъ самымъ, якъ вчера. Панъ капитанъ посмотрѣлъ и гваритъ, же лѣшше, але ници не добрѣ. «Дошестити и завтра засъ прици!» Я не рушилъ. Прихожу рано, гваритъ, же теперь ужъ добрѣ, «такій чистый все мамъ мати». . .

—Та вы такъ учате. . .

Быль ници еденъ, котрого учили, але не, долго. Чудакъ былъ жидокъ! Вѣдний, сыитъ прекунки въ Чернивоцахъ. Самъ ученый, инженеръ, але «совѣянета». Службу робилъ порядно, помагалъ и дружить. Мое хабава все мѣ помагалъ чистити.

И разъ выразился, што коли бы пришло до войны, то стрѣляти до людей не буде. Довязался, закликали до рапорту. При рапортѣ

такъ само повѣлъ, же належитъ до такого общества, што не уонвають людей. Дестъ, же на другій день ужъ го не было. Где го дѣши, ни-кто не зналъ.

Я думамъ, же жидъ съ хитрости то робилъ.

И другихъ учили, але мене найлѣшше. Ужъ емъ знати винито, што каждый австрійскій воякъ знати. И въ никовѣ, котру съ нами вечеромъ тримали, будь-што я зналъ, чего други не знали.

Зробили разъ аширма. Передъ тѣмъ насъ учили, што треба робити, коли затрубятъ аширма, якъ си треба понатяяти, што во себѣтъ орати. Словомъ вишкѣ, што волкови до война потребно.

Затрубили. Винитки си зорвали, каждый ханать винито и летитъ на гофъ. Я поверамъ и вижу, же никто хлѣба не бере. «Изапны вы волки», думамъ себѣ. Позберать я винитомъ хлѣбъ до мѣника, еденъ не вывѣзъ, та взялъ до зубовъ и такъ выгнось на гофъ. Винитки ужъ стояли въ рядѣ и ждали бити ремиця, он веѣ винитко мають. Ажъ я ту выхожу съ хлѣбомъ. Зробили сѣхъ и самъ капитанъ зареготалъ. А мене вадцали на 24 годичъ, хоць я си не смѣлялъ. . .

Привели насъ разъ до «шнестета». Каждый малъ влестрѣлци по десять патроновъ въ гѣль. Въ середниѣ быто тале маленьке колечко, коло него больше и што разъ больше, а около веѣхъ уже тале велике, якъ небо. До того маленького, въ середниѣ ници не трафилъ ни-кто, якъ стояла тога «шнестета». Паници были до того великого. Коли пришло на мене, вымѣрилъ, выстрѣлялъ першій разъ въ жизнь. И якъ думате? Поналъ до того найменшого колечка, до котрого ници никто не поналъ. Веѣ мя поздравляють, а самъ панъ капитанъ лемъ почервелѣлъ. Тото колечко лемъ пачо было, жебы мѣряти до него, але понасти ници никто не поналъ.

Не вѣрьте тому николи, же дакому добрѣ при войску. Были у насъ такі, што говорили, же имъ добрѣ, а потомъ крутили, якъ быто выйти. На сердце наибольше крутили, сердце найневиѣшше. Выходили чехи, поляки, нѣмцы, на сердце. Розумѣси, до сердца треба было давго додати докторони, даюку стовочку.

А у мене ни стовочки, а мому сердцу браковало тельо, же не любило австрійского войска!

А знате, што мѣ помогло? Никому николи того не помогло, а и не разъ неходило неодному и мѣ самому, а при войску помогло. Помогло мѣ того, же мя тримали за твердого русского, за москаля.

Австрія отъ давна приготавлилася до войны съ Россіей. Въ паницихъ казарнахъ по мурахъ полно было намамеланыхъ русскихъ козаковъ, русской пѣхоты и были представляны, яко наши враги, съ

Первая жертва.

котрыми намъ треба буде битися. Учили насъ, же война не буде тяжка, бо то люде дурыи, п'ять у нихъ такого оружія якъ у насъ, и намъ буде и самъ Богъ помагати, бо мы католики, а они схизматики. . .

Но regimentъ рознеслося, же есть москаль въ regimentѣ. Волячки приходили смотрѣти на мене, якъ на чудо, що то за звѣрь. Шматцы и поляки отгражали мѣ, а чехи камерадомъ звали и все компанію зомномъ тримали.

Але чудна тога чепска компанія была, не така, якъ наша русска.

Коли у мене была якій центъ, заблукать я чеховъ камерадомъ, зѣли сме, выиски. О, и чехи кликали.

— Подъ семь, гварить, Русу!

Иду. Якъ не пти, коли братъ чехъ просить. Приходиме.

— Ты што будешь, гварить, фети?

— Я буду того фети, што и ты брате.

— Я буду кнедлички съ омачкомъ.

— И я, реку, кнедлички съ омачкомъ.

Хотѣлъ я учить чеха. Не радъ я ихъ кнедлички, чехъ ся втрачати, треба учить ихъ народне фдло.

Зѣлиме кнедлички съ омачкомъ.

— Ты цо будешь, гварить, птти?

Я, реку, ся ванью того, што и ты, брате чеху. —

— Я буду птти пильзнера.

И я, реку, пильзнера. . .

Розказалъ два пильзнера. Пиво было добре. Розказалъ другій и третій разъ. Розобрало насъ. Ажъ сме плакали и надъ чехами и надъ русами.

Але коли приняло платити, чехъ заплатилъ за свои кнедлички и за свои пива. Я демъ очи вытритилъ! Остатки центъ лишилъ за кнедлички! Жебы хочъ пироги, та бы такъ жалъ не было, але кнедлички. . . Ани на «ваксь» не остало. А чехъ малъ гроши. Лемъ му вчера стовочка пришла.

Але зато чехи любили мя.

Такъ видите, того «русени» мѣ помогло, якъ другому стовочка. Лемъ я повѣлъ докторови, же сердце мѣ бье надто, доразъ выслали мя съ писмами до высшихъ докторовъ, а тоты панли мое сердце и повѣли, же оно не бье. И долго чудовался, якъ я жию и по свѣтѣ хожу. Повѣли, же не дозго миѣ жити и по свѣту ходити. Такъ и написали въ панерахъ.

На другій день дали мѣ тикетъ до дому.

Василій Чмилъ, сѣдой, но еще крѣпкій и бодрый мужикъ, косилъ на своемъ луку въ глубинѣ небольшой дубовой рощи сѣно. Солнце уже поднялось надъ рощей и его косые лучи падали на загорѣлое лицо нагапаного вдоль покоса старика. Чмилъ былъ бѣдный забытый сельянинъ, всю жизнь прожившій въ кругу своей семьи, въ предѣлахъ своего села. Онъ мало съ кѣмъ разговаривалъ, отъ своего жалата хозяйство почти не отходилъ и остальнымъ широкимъ міромъ вовсе не интересовался. Былъ онъ къ тому же неграмотенъ и къ газетамъ даже не прикасался. А между тѣмъ въ мірѣ разразилась неслыханная война и воля ближайшаго города Врды уже стоялись австрійскіи войска, готовясь отсюда начать свое хвастливое наступленіе вълубь русскаго государства, а Чмилъ продолжалъ жить своимъ трудовымъ извнью.

Было чудесное утро. На листьяхъ и на травѣ осѣдшими алмазами сверкала роса. Въ тѣнистой гушинѣ дуновъ и въ кустахъ звонко шибетали и пили птички. Съ востока подулалъ тихій ветерокъ росы. Извѣдка въ бездонной синевѣ небесъ проносилась облочившая облака. Чмилъ продолжалъ мѣрно размахивать своей косой и широко вдыхалъ въ себя пріятные запахи лѣснаго утра. Чередуя новой полойкой онъ остановился, чтобы передохнуть и поострить косу. Поднять голову и, къ своему крайнему изумленію, въ концѣ поляны увидѣлъ двухъ вѣзиковъ въ военной формѣ съ желтыми вышивками на брюкахъ и жуванкахъ. Вѣзики тоже остановились и пѣли, выходящие кони ветериванно зафыркали и забѣли подъ ними о землю копытами.

— Что бы это значило? — сталъ соображать Чмилъ, внимательно разсматривая направившихъ ему ширмакъ лошадей. Вдругъ онъ вздрогнулъ: надъ самой его головой прокукала пуля и въ глубинѣ лѣса двойнымъ эхомъ отдался ружейный выстрѣлъ.

— Неужели война? — холодомъ обдала Чмиля страшная мысль.

Точно по командѣ, вѣзники сорвались съ своихъ мѣсть и вихремъ понеслись къ Чмилю.

Ноймали! Ноймали! — тихо закричалъ по-мадьярски одинъ изъ гусарей. Весь багровый отъ ярости, онъ выгналилъ изъ кобеля блестящую саблю и ударилъ ею Чмиля по головѣ. Василій слезла стнатууд

ся, соломенная шляпа свалилась съ головы на землю и сквозь сѣдья космы волосъ просочилась свѣжая кровь.

— Ага, русскій шпионъ! — завизжалъ другой гусаръ и, подлѣхавъ къ Чмилю, началъ бить его паличкой по плечу. Чмиль совсѣмъ растерялся. Глаза заволокло слезами боли.

— За что вы на меня напали? Въ чемъ я передъ вами провинился? застоналъ онъ, рукавомъ рубахи стирая съ лица струйку крови. Въ отвѣтъ Чмилю гусары сиротнули съ своихъ лошадей, повалили беззащитнаго старика на землю и тяжелыми сапожниками стали бить его по головѣ. Черезъ минуту все лицо Чмиля покрылось багровыми пятнами и кровью, одежда — прорвами, а зеленая трава вокругъ — ключьями свѣдыхъ волосъ. Чмиль лишился сознанія.

На галицко-русскомъ мужикѣ семь шкуръ. Не одно, а цѣлыхъ шесть столѣтій невзгодъ и страданій вынесъ онъ на своихъ плечахъ. Знаетъ онъ, что такое жиды, ляхи и австрійцы, а въ минувшую мировую войну узналъ онъ, что такое и мадыарскіе гусары. О, это народъ горячій и русскихъ онъ не шадитъ.

Когда Василий очнулся, гусары еще находились возлѣ него. Они приказали ему встать и слѣдовать за ними. Старикъ съ трудомъ поднялся и направился было къ своей соломенной шляпѣ, но одинъ изъ гусаръ загородилъ ему дорогу и опять яростно зароралъ на него. Чмиль попурилъ израженную голову и побрелъ за гусарами. Кровь на лицѣ и на рукахъ уже подсохла, но раны мучительно горѣли.

— Милые мои, — заговорилъ Чмиль къ гусарамъ, молитвенно сложивъ морщинистыя руки — во имя Христа отпустите меня домой. Тамъ у меня жена и восьмеро дѣтей. Они безъ меня пропадутъ. . .

Мадыары разразились страннымъ хохотомъ и пальцами обвели вокругъ своихъ шнѣй. Въ смертельномъ ужасѣ замерло сердце Василия.

— Боже, неужели виеблнца? — простоналъ онъ. Мысли снуталась въ его головѣ. Онъ пробовалъ молиться и — не могъ.

Доставили Чмиля въ Броды, гдѣ все уже воинственно было настроено и волновалось. Тамъ онъ впервые почувствовалъ всю свою слабость и беззащитность и передъ лицомъ грубаго насилія совершенно растерялся в палъ духомъ. Его передавали изъ рукъ въ руки и всюду осматривали грубой бранью, угрозами и побоями. До вечера его держали въ мѣстной тюрьмѣ, а ночью, вмѣстѣ съ другими мужиками, отравили во Львовъ и бросили въ ужасную Бригидскую тюрьму. Эта тюрьма была мрачна и тѣсна и давила смрадомъ и

гнилью. Чмиль повалился на голыя доски желѣзной койки и судорожно зарыдалъ.

— Боже, за что на старости лѣтъ такое безчестіе и такая неправда? Схватили и заперли здѣсь. . . И въ какое время? Когда дугъ еще не скопелъ и жнива не убраны. А вдругъ отсюда не выпускаютъ живымъ — повѣсятъ?! Что тогда ждать семью? — Она при мнѣ едва сводила концы съ концами, а безъ меня навѣрно разорится и пойдетъ по міру съ сумой.

Старикъ смертельно затосковалъ по своей семьѣ и родной хатѣ. Онъ какъ-то сразу осунулся, совсѣмъ поблѣдѣлъ и лишился сна.

Что было причиной его темеренныхъ бѣдъ? Только его русское имя. . . Къ такому убѣжденію Чмиль пришелъ послѣ долгихъ тягостныхъ размышленій въ тюремномъ заключеніи. И вспоминались ему рассказы его дѣда о томъ, какъ и для какихъ цѣлей поляки заключили съ мадыарами союзъ. . . Идти вмѣстѣ на русскихъ. А позднѣе и отецъ не разъ говорилъ, что непременно вспыхнетъ ужасная война и русскія войска придутъ вырвать изъ ланскихъ цѣпей русскихъ галичанъ.

Въ тюрьмѣ Чмиль буквально переродился. Проснувшись стихійная любовь къ несчастному родному краю, къ своей русской вѣрѣ, къ своему многострадальному народу.

Иногда выдался онъ въ сладостное забытіе. Тогда чудился ему плескъ родного Стира; точно на яву, зеленѣла передъ нимъ знакомая роща съ невыкошенной полянкой. А въверху, словно проснувшееся дитя, ему улыбалось утреннее солнышко. Выливали изъ свѣтлой дымки безконечно милыя лица всегда озабоченной жены и еще неокрѣвшихъ дѣтей. И слезы огненной тоски текли по морщинистому и израженному лицу Василия, а могильную тишину тюрьмы тревожила старческой стонъ: Боже милосердный! Неужели ихъ я больше не увижу?

Моліей несмелъ по Галицкой Руси, къ сѣдому престольному Львову, доблестныя русскія войска, а всюду и всегда битые австрійцы изо вѣхъ сять отъ нихъ убѣгали. Потерившимъ поражение нужны были оправданія своего позорнаго отступленія — и вся вина пала на русскихъ галичанъ. Военно-полевой судъ приступилъ къ дѣйствіямъ и первой жертвой оказался Василий Чмиль. Въ поданномъ мадыарскими гусарами рапортѣ старикъ обвинялся въ томъ, что былъ нойманъ ими въ рощѣ, — слѣдовательно, былъ шпионъ.

Свѣтало. На улицахъ сѣлого Львова было еще безлюдно, но

въ Бригидекой тюрьмѣ уже запылали жизни. Железныя двери однопольной камеры съ визгомъ разошлись и въ камеру Васнѣи вошелъ польскій генералъ подъ сѣрной профосою и двухъ кандаловъ.

Отъ стука Чанль ошуделъ и при видѣ генерала слѣзъ со своей койки.

— Стыдъ мой! — съ жалостной грустью въ голосѣ и во взорѣ заговорилъ генералъ. — По приговору военно-полевого суда тебя должны сейчасъ казнить и я долженъ въ тебѣ съ послѣднимъ утѣшиться. Не желанно ли ты передъ смертью попенювдываться?

Неповинимъ съ невѣроятности движениемъ генерала поднялъ надъ Чанлемъ гретье...

Возврату Васнѣи Чанль на ксендза, потомъ на вооруженныхъ профосою и кандаловъ и побѣдилъ. Сердце словно оборвалось; по слѣду пробѣжала земная тьма. Не приснилось ли ему все это? Чанль провелъ рукой по губамъ и глазамъ и опять посмотрѣлъ на ксендза.

И? На смерть? На такую? И за что? — переспросилъ онъ тихо.

Кивкомъ головы ксендзъ указалъ старику на ламповый крестъ, а псаломъ обѣщалъ вернуть пеню.

Смирися, покотися и прими Святое Причастие, посоветовалъ Чанлю ксендзъ.

Но старикъ гдуть выпрямился, подошелъ почти вплотную къ иезуитскому униатскому ксендзу и твердо заговорилъ:

— Мою предмертную несовѣдь выслушаетъ лишь одинъ Господь Богъ. А переть, тобою — слугою жи и шенля — козля, а не преклоно.

Ушало прозвѣзѣть колокольчикъ; ксендзъ удалился.

Съ нескрываемымъ удовольствиемъ кандалы связали Чанлю руки и длиннымъ корридоромъ завели его во дворъ къ мусорному мѣсту. Тамъ на фонѣ розоваго изба уже чернѣла висѣлица. Взаминулъ Чанль на железный крестъ и — согнулся, точно этикъ крокоатъ его ударили по затылку. Закружилась голова. Потемнѣло въ глазахъ. Судорожно вкинулъ голову вверхъ, чтобы еще разъ полюбоваться солнцемъ, но оно еще не взошло, а во дворъ тюрьмы никогда и не заглядывало. Въ послѣднюю минуту Чанлю почудился надгробный плачь дачи. Онъ трында истоно перекрестился и сталъ поворочь, какъ ревенюль.

Палачъ приказалъ старику войти на стулъ и пашнуль ему на латорьную кораннелую шеню пестю.

Не смотри на ранній часъ, у тюремныхъ воротъ собралось много австрийскихъ офицеровъ и городетой шьяхты, желавшихъ насладиться казнью перваго русскаго «иниона»...

Загорѣлось сердце старика и изъ всѣхъ силъ онъ пль крикнулъ:

Ой, вы! — наша поляна! — и вы! — шьмы! Думали смертию загнать русскаго человека... Знайте же, что сейчасъ не такъ мѣлъ жаль жены и дѣтей, какъ жаль того, что почти всю жизнь я продалъ слѣвнымъ и не жаль, едѣ правда. А теперь знаю, что си жаль итѣ и не было, но се несудъ насъ вместе съ достигавшею свободой родныя русскія войска. И, ох! жаль сторбитъ душа моя, что этикъ войска я не увижу.

Палачъ посѣвнѣлъ выбить изъ подъ ногъ старика стулъ. Чанль повнесъ въ воздухѣ, захрипѣлъ и затренихался. Рубанка на грунтъ растегнулася и наружку выпростался крестникъ съ стеклянкомъ.

Когда тѣло Чанля спали, одинъ пль шьманъ, оказавшися украинцемъ, приложилъ стеклянко къ глазу. Въ срединѣ крестника онъ прочелъ вслухъ:

«Клеветъ мать русскыхъ городовъ»...

В. Баррикъ.

СИРОТЫ

Однѣ изъ тѣхъ старшихъ священниковъ на Лемковщинѣ, которыя стояли по сторонѣ нашего народа, за что томилась въ Талергоффъ — оповѣдалъ мнѣ такіи исторіи: — Въ 1917 году, 8-го мая, я возвратился въ мою русскую Лемковщину, за которую 3 мѣсяца тосковалъ въ талергофской тюрьмѣ за то, что устроивалъ въ своемъ селѣ представленій. — построилъ приличной громаднѣйшій склепъ и читальню Качковскаго, заложилъ хоръ. Понятно, что за такіи представленія страдало въ тюрьмѣ множество русской интеллигенціи и крестьянъ.

Что дѣялось въ моей душѣ, когда я возвратился въ пречудныя наши Карпаты въ мѣсяцъ мая, когда въ то время вся природа уже была въ полной радости воскресней весны, — я не въ состояніи разсказать. Словомъ, я чувствовалъ то, что чувствуетъ ничтожная птичка заперта лѣтомъ въ тѣсной клеткѣ, коли вылетитъ на свободу.

Въ домѣ не засталъ никто; родная, страха ради наступающими врагами, ушла въ Россію. Домъ приходскій былъ совершенно разбитый, перебитый кулями, где-куда только была пшеница въ окнѣ, — а въ дверяхъ ни одного замка, съ рѣчей по 22 лѣтнему господа дарствѣ не осталась ни иголка.

Хотя я въ арестанской сорочкѣ и плащяхъ очутился на родной землѣ, и хотя былъ даже подъ надзоръ полиціи и жандармеріи, но когда нахлесталъ русскаго воздуха въ своихъ горахъ, среди моихъ братьевъ лемковъ, — я чувствовалъ въ душѣ великую радость и благодарилъ Богу, что не оставилъ мене въ талергофскомъ цинитарѣ, где невзирая лягло параню два тысячъ русскіхъ, переважно лемковскихъ мучениковъ.

Чистой, здоровой воздухъ, плывущій съ нашихъ яловыхъ лѣсовъ, былъ мой лѣкарствомъ на потеряныя силы среди постоянного смороду, голода, зимы, незанятій и мученій душевныхъ въ Талергоффѣ.

Вѣднѣй, голодный, ограбленный народъ, которому еще не встали выгнати русской душѣ съ груди, — то было другое лѣкарство, подкрѣпляющее мене до дальней борьбы. И то все! Тѣмъ жилъ, тѣмъ только дивился въ надеждѣ на будущность. Горе человѣку, пострадавшему все, живущему только одной надеждою изъ-за идеальной любви къ брату — крестьянину, позабавленному праву, отданному хищникамъ въ рабство!

Тѣмъ больше то горе выдвигалось, тѣмъ ближе я приглядывая новоявленной жизни моихъ прихожанъ и всей Карпатской Руси.

Начну оповѣдати о событіяхъ которыхъ до смерти не забуду по которыхъ воспоминанія возму съ собою за гробъ, чтобы тамъ были свидѣтелями кривды моего народа. Вѣдь тамъ справедливость, вѣдь тамъ «трудящимся и обремененнымъ» обѣщано Царство небесное, — тѣмъ больше, что нашъ народъ съ такою покорюю, съ такимъ запертіемъ своего достоинства и силы, терпеливо зношилъ и до сегодня страдаетъ, мучится, плаче, проситъ, благае о справедливость, но кромѣ тишины изъ всѣхъ сторонъ, — среди которой слышно только громкое заставленное штыкомъ — «давай шкуру русине», — не чуе больше ничего ни не ждетъ отъ свѣта правды, — дае, дае всею, всею — и жизнь — врагу!

— Какъ бы-оте признан, отецъ духовный, скорѣ, пожалуйста не дали забрати послѣднее зерно на войну а и зноши. Власть установили у насъ за шапдарей обоихъ жидовъ нашихъ, корчмарей, и они позберали всей хлѣбъ по сыпанцахъ до крѣпости, дѣтвонки вѣсти хотѣть, а ту ни бандурки посадити, ни хлѣбца посѣяти, а весна прекрасна, все забрали на войну — а здѣваются надъ бѣднымъ русскимъ народомъ тотъ жидове, которыхъ мы выгодували тяжело заправочаннымъ центомъ за налюнку соль и нефть и гварять, что ужъ руснаковъ не буде а и церкви позапераютъ и кто буде ся молити по русски, тотъ «пойде тамъ где вапъ потъ!» — Плакали бѣдныя люди въ поторганыхъ лахмапахъ, плакали дѣти наполю паты, опущены.

— Чи правда то отче духовный? — Съ боку приступилъ войтъ до мене и каже: Питался нашъ вахмайстеръ, какъ ся вы отче ту справуете, чи не бунтуете народа противъ власти и войны и нѣго на казано повѣдате. — Я сказалъ што ся добре справуете и нѣго на казано ничъ таке не повѣдате.

— Ага, подумалъ я тогда: въ назурахъ я у кога!

— Не знаю я мои добри брати чи то правда, что руснаковъ ужъ не буде, — а знамъ што еще суть а чи будутъ — то у Бога, — иначе не могъ отвѣтити на такой запросъ войта.

И начался опять мученія для душъ.

Одного разу я принужденъ былъ итти въ сусѣдное село до священника выпросити не много муки на просфоры. Переходити я мусѣлъ черезъ село П., совершенно спаленное мадярами. Сердце замѣло во мнѣ коли я приблизился къ селу. Предъ войною богатый былъ нашъ лемко, тамъ, прекрасну имѣли школу, въ которой училъ

отъ долгихъ лѣтъ старшій русскій учитель, училъ не для зыску, не для хлѣба, а съ любви, ваялъ всю свою душу въ бѣдливый народъ, бо онъ шире его любилъ. За то переѣхавъ въ Талергофъ 3 лѣта, а по возвратѣ съ горы польскія власти не дали ему учить, бо бытъ русскимъ и народу по русски учить. Изъ школы остались только муры; также такъ съ приходскимъ домомъ и читальнею — а съ многихъ хатъ ани слѣду не осталось. Такихъ селъ у насъ на Лемковщинѣ насчиталъ я около 36.

Иду съ горькими думками. Приказую собѣ, якъ ту съ вѣду шеніемъ народъ устраивалъ, представлялъ, якъ учился въ читальнѣ, якъ свѣвалъ хоръ, якъ радовался народъ, кони пришла наша газета «Лемко» въ село, иль съ рукъ до рукъ ходили русскія газеты каравин и съ Америка, якъ жадно читали и старшій и молодшій, якъвъ начекалн поплакали на русскую будущность. — съ явнымъ энтузіазмомъ, взялися до бѣдны великой мурованой читальни, якъ изъ всѣхъ сторонъ збѣгалася народъ на вѣча, увальовано воеда закладати кооператива, банкъ свой и т. д. Велика надежда поддерживала всю лемковку Русь. — а ту — теперь — пенель, нишета, плачь и осызходное отчаянное положение. Руины читальни, школы, свѣдчатъ только о трудѣ и волѣ бѣдливыхъ людей, котормы самовольно отобрано всю дорогую жизнь ихъ души. Мимоволь стигнувши зюма въ ротъ и чуть не заикавалъ и голодно еслибъ не свѣжій образъ страданій предсталъ менѣ предъ очима: громадка дѣтей отъ 1 до 13 лѣтъ, полунагихъ о прикритахъ чорныхъ, звичайно только въ ольчатыхъ свѣблѣхъ поторганныхъ, всѣ босы, безъ шапокъ, или хустивяты на гологахъ, — ходили отъ згорница до згорница съ костюрами въ рукахъ — шаркали въ носель и отъ норы до времени, знаишони что то, кланн въ голоды ротика. Я егаль, задумался. . . И я бытъ голоденъ, и я бытъ одеревый, и я бытъ позабавеный правъ радоватися родной землен и ей богатствомъ, — и моя душа была беспрочена, пригноблена, отдана въ назуры врага подь на дворъ, но я бытъ виноватъ — я бытъ русскій! . . .

Дѣти отъ 1 до 12 лѣтъ. . . Вѣдь ихъ только русская мать родила, и они только русскую кровь есали и они на русской земли русскими руками обрабляемой земли, за то забрано имъ отцевъ на войну, за то еналено имъ ихъ достоиніе, за то они сегодня шаркають по еналенекахъ, чтобы знати пошну, для заспокоеня голода — пошну которая въ огни провала съ мести, чтобы Русь стерти съ лица земли.

Дѣти зверю: ни свои очи на мене. Отець духовный пѣтъ О.

прошептывались одни съ другими. — Я приступилъ ближе и пощуповалъ ихъ, — они мене повизли. Тогда пришла есикая для мене хвилья, котрой я не въ состоянн ту оповѣсти. Дѣти надали во нѣгѣ цѣловали руки, ноги, обнимали колѣна, тузились до мене иль до матери, заивали вопросы, плакали и радовались а мои слезы падали на ихъ головы, и я не бытъ въ состояння пробесѣдовати съ нимъ слова, только просилъ у Бога благословенія и милосердія для нихъ въ безмелвинъ роздертой души.

— Что вы мои дѣточки глядите на тѣхъ старыхъ старинахъ спросилъ я.

— Бандурокъ поваленыхъ, отецъ духовный.

— Таль то не доброе и не здоровое, каку имъ. — На то е выиль одель хлончннн яъ за «назухъ» жѣбину еналеного бобу, твердого якъ камень и одну бандурку на котрой только осталась грува

Свящ. В. Курилло съ своимъ сыномъ и родственниками въ интернаціонномъ лагерѣ въ Талергофѣ.

еислена душа. А отъ отецъ духовный, насоли — видите того вме. Я взялъ то до усть, но раскусить не бытъ въ состоянн.

Извѣсть вы то грывете, спросилъ я, а они менѣ хоромъ отвѣтили, что они не грывуть бабамъ, но драмо цѣлн поивкають, чтобы заепокоити голодь.

—А гдежъ вашнн родичи? спрашиваю. —На то отвѣчали: однимъ отцы были убиты, другимъ матери умерли отъ нужды и холода, когда послѣ пожара всю зиму середъ постоянныхъ военныхъ боевъ въ «Дукля-пассѣ» кочовали въ лѣсахъ, безъ даху, ѣдла, а даже и воды. Иппн вновь указовали ямы за яркомъ въ берегѣ, где ихъ матери съ другима дѣтми скрывались.

За много — подумалъ я — на бѣдный русскій народъ! Въдъ въ одну мнлю нанередъ насъ, живутъ поляки, тамъ ни одна хата не спалена, тамъ достатоки, тамъ весело, все иде по старому якбы николи войны не было! Что то такое? Познѣйше я спрашивалъ польскихъ хлоповъ, чому то такъ? — а они менѣ однаково отвѣчали, что у нихъ только войска переходили а войны не было, что война велась только въ Карнатахъ при границахъ, и что русскн войска давали имъ и ннду и одежу и они рады ихъ милости до днесъ сыты и одѣты. А у насъ въ горахъ? и у насъ спасали русскн войска людей отъ голодовой смерти, но когда отступили пришли пѣвцы и мадяре, а позже поляки забрали все подареное русскими войскамн у нашихъ селахъ и въ додатку мучили а на польской сторонѣ оставлено все селянамъ.

До смерку я сидѣлъ на спаленску и бесѣдовалъ съ тѣми сиротами — и потѣшалъ обѣтницами, что выстараетъ для нихъ у «панѣвъ» о хлѣбъ, хотнй не вѣрилъ самъ въ мой обѣтъ. Дѣти складали рученятка за груди якъ до молитвы, чуючи мой обѣтницѣ.

— А коли наши няню съ Талорофа прнѣдутъ — спросила одна дѣвчнка.

—А якъ тебе зовутъ? — пытаюсъ. — Марта, отвѣтила. — Я собѣ пригадалъ якъ тяжекно ей отецъ коналъ на тифусъ въ Талергофѣ и плакалъ за дѣтми, якъ позже его забрали въ тое званое пекло шнгалемъ холерныхъ отъ куда уже ннчто свѣта не обачнлъ. — Тамъ скончнлся и нянюко Марты.

Поступовой челевѣкъ, русскн патрнотъ, — тамъ положилъ голову за св. Русь, оставляючи любимую семью въ рукахъ враговъ. Сирота не знала о томъ, она надѣялася что нянюко верне и прнтучитъ ей до любнцей теплоѣ груди, — но нянюко тулилъ уже до себе сирую землю, а только духъ его уноснлся надъ сиротами и быти можеть шнталъ молитву отпущенн за ихъ и Руси крнвды.

— Не знаю мое дѣта — съ прискорбнємъ отвѣтилъ я.

День клонился къ концу, я уже не пошолъ за мукой а съ громадкою дѣтей голодныхъ повернулъ къ моему селу, куда они мене добрый нмать дорожи сопровождали.

Повернувшн до дому, — я всю ночь не спалъ, думал о всемъ, что возлѣ мене творилось.

На другнй день возвали мене неговѣдати якую то умирающую дѣвчнну, также круглу сироту. И вотъ новнй образъ терпѣнн: у недавно закнтомыхъ селянъ межнть въ коморѣ дѣвчншка лѣтъ дванацать умираюча. Увидѣвшн мене, слѣзнула руки, востхла и промовила «о Возннку прнѣди, — я така сирота».

Я высповѣдалъ невншнюю русскую душу и совершилъ обрядъ послѣднего наутетвн, началъ спрашивать, что ей такое. На то она открыла пернцу и указала на ногу въ колѣнѣ, которое было обвито брудными шматами.

—Что такое, спрашиваю, случилось? Она начала оговѣдати: — Я сирота, мама моя давно умерла, отца взяли шандаре на Венгры за то, што они служили у отца духовного Николая, который былъ, якъ повѣдали «кананѣ» и што нянюко также съ шма тримали, но я не знаю што то такое, бо они ани писати ани читати не знали и потомъ прншла вѣтка, что нянюко на холеру умерла въ великой бѣдѣ на Венграхъ, а я служила у Василя и якъ насъ во села воляки выгнали, тогда мы были въ лѣсѣ цѣлу зиму, и прншла куля прасла мене въ колѣно и оно гнило, гнило, а потомъ Василя съ женою забрали мене до хижъ и я лежала аякъ до того часу. Коли русскн войска огуцали паню Демковннцу, Василя съ роднною поили съ войскамн деси на Великую Русь, а я осталася въ хижѣ сама, — аякъ добры тотн люди прншли до мене и взяли до себе и я ту лежу ужъ 3 лѣта а пога чнмъ разъ горне твѣ и болнть и я уже не маю силы терпѣти и видку, што Господъ мя забрати хоче, тамъ хотѣла на вѣчну дорогу Христа прнннати. Замкнула ледво смотрнвшнн очн настала хвнля тишнцы, — она думала нару минутъ. Въ тое время, покотнлись слезы горохомъ по ей знемонѣломъ личку, хора была такъ слаба, что не была въ силѣ подннати руки отерти слезы. Добра милосердна газдннн Ксеня, когра 2 лѣта уходила за нею сама заплакана, отерла ей очн и поцѣловала въ чело, та спытала, чога она плаче. — На что хора отвѣтила ей: «плачу съ радости, что моя доля сироча ужъ ся кончнтъ».

Ксеня мала сына одинака на воинѣ, за ннмъ она тосковала 4 лѣта и очн отъ плачу за ннмъ не уснхали, бо отъ 2 лѣтъ не мала отъ него ннякой вѣсти, тому всю свою любовь влила въ бѣдную сироту памятая, что она заступаетъ самого Христа.

Дни за днями ншли — война еще не уставала. — Слабости, голодъ, нужда, вкореннлись чѣмъ разъ больше въ наше русское се-

ло. И выходила часто до ѳбдной Марты перевязывать рану на козырь, которое вздулося въ величину доброго тарбуза, — страшно было дивиться на терпѣнныя сироты, которыя она сносила спокойно и съ покорюю.

Однажды поздно въ осенѣ позвали мене до Марты. — Когда я вошелъ въ комнату, где она лежала, первое ей слово было:

«Отче, уже конецъ приближается» и указала менѣ на ногу которая завинчена въ панцир лежала на скринѣ. Нога постѣ 3 лѣтнего гнила отпала отъ козбы совершенно, язь дозрѣлое яблоко съ галузи яблокъ. Мене обнявъ дивный страхъ, она то позвала просила чтобы я ей почать руку которую она обняла своими высохшими до костей пальцами и цѣловала обливаячи слезами пробесѣдовала: «Якъ я умру, язь тогда скажете Ксеиѣ что я бачила. — Я бачила той ночи — когда менѣ нога отпала, — я бачила Ксеиѣ Ванѣка, мене ховались и за порогомъ читали Евангеліе надо мною, а ты Ванѣко съ войны пришелъ и сталъ надъ трумпюю и зацѣкалъ, а Ксеиѣ обняла его за шюю и мошно съ радости тѣбѣ плакала, аже то знакъ есть отъ Бога видно. . . . А теперь молитесь за мою душу въ духовный отче, я пду далеко — благословте» — склонила головку на постель и отдала Богу духа, но пальцы ей въ судорогахъ сильно стискали мою руку. Я прикичалъ Ксеиѣ и ей мужа, они вошли и съ плачемъ благословили трунь сироты.

Духомъ родевался въсть о смерти Марты по есду и хата Ксеиѣ наполнилась народомъ, и всего больше дѣтми оплакавшими мученическую смерть любимой подруги. Третьего дня состоялся величавый похороны, живши не похвалитесь наибольший достойникъ. Не только что все люди отъ мала до велика отводили на вѣчный покой тѣло усопшей, но видно было что сердца ихъ покрывъ глубокой жалъ и сочувствіе страданію умершей.

Когда я началъ похоронное шествіе и сталъ предъ дверми отчитати Евангеліе, послышавшись неожиданно за мною радостны восклицанія Ксеиѣ. Я отвернулся и узрѣлъ дивный образъ блаженства ѳбдной матери, которая обнимая своего сына Ванѣка, цѣловала и плакала съ радости. Ванѣка по 1 лѣтней службѣ на войнѣ которого явля за пропавшого уже, появился — появился такъ якъ предсказала умирающая Марта. Съ нами пошелъ и Ванѣо до церкви и на цементарѣ пританъ съ нами бесѣдничъ цѣлованиемъ сироту.

Не покупила-ли тая сироты своимъ страданіемъ сына Ксеиѣ? Не выблагала-ли Ксеиѣ своимъ милосердіемъ до сироты своего сына? Боже послушайте: Ванѣо быть русекій патриотъ о томъ знали

все и власти военны. За устойчивое приращеніе — — — — — родившѣ, онъ былъ высланъ въ тюрьму или солдатъ — — — — — позже на фронтъ и то самый опасный. Когда же цѣловали войска въ Карнигахъ были приповелены отступати предъ русскими арміей, его рѣшено повѣстятъ, но онъ скрылся въ одной деревнѣ и они его не могли найти а удирати треба былъ сторо перезъ цѣлованиемъ русскую армію и оставили его. Тамъ онъ пересѣдѣвъ глубоко въ ступаѣ, отъ куда вода не брится. Съ бы мало и плоти бывае — а по прибытію русскихъ войска вытѣвѣ, благодушно зашли въ русскую пѣть а по окончаніи войны — — — — — достали до родного села. Все тое дѣялось съ нимъ когда Марта страдала предъ смертію а Ксеиѣ надъ ней плакала. Ванѣка сына Христа Спасителя. Также аще панюать единаго отъ малыхъ съ — — — — — студия соды — — — — — во имя учителя, амвѣ платого вамъ съ поубитъ аже сироты.

Когда я началъ съ Ванѣкой — — — — — рассказывали менѣ мои люди о томъ и такъ — — — — —. Но пересѣдѣвъ русской арміи подъ Горлицами, весь народъ съ — — — — — страдалъ съ ствы, то съ цѣлованиемъ русскими войска — — — — —. Народъ съ — — — — — разной нации — — — — — утѣбали даже и велики — — — — — дѣла, обѣа въ — — — — — возахъ и толна тая разнообразная прет — — — — — тѣбю — — — — — челоно убоинаго, нужденнаго, о неопредѣленной прет — — — — — болше економовалъ народъ — — — — — выдѣтъ, наши сельскыя дорѣ — — — — — представляе и черныя горы въ напирѣвъ на Даліеву и Буковину — — — — — тѣхъ — — — — — арміи отъ Сибера заставлены были уже австрийцами. На — — — — — австрийской сторонѣ была и ята то мать кажетъ съ — — — — —, австрий — — — — — утѣбала предъ австрийцами вразъ съ — — — — — нами — — — — — народомъ чер — — — — — село. У — — — — — былъ на рукахъ 2 лѣтняя дѣвчанина, но вѣдо что дѣтныя сѣла съ — — — — — в дорозѣ, она босадила съ — — — — — въ нагорѣ крестьянина Василия и пошла съ утѣбаниемъ — — — — — на востокъ. Господарей не было въ дома въ той часъ, — — — — — въ дѣвѣ. Народъ перебили все войска австрийскыя — — — — — на — — — — — вбирати по порожкамъ хизахъ все что застали. Народъ съ — — — — — стороны сѣла съ спокойно на — — — — — выдѣдъ неопредѣленной — — — — —. Вечеромъ начались сходить люди съ — — — — —

пританъ и Ванѣо съ — — — — —, поизво не застали въ дома ни ку — — — — — еки — — — — — дѣтны — — — — — въ — — — — —, во — — — — — давно была забрана. На то — — — — — место — — — — — одну головку — — — — — плетомъ а то, тую сиротку — — — — — за — — — — — за — — — — —. Принесши, посадивъ на столъ, спрашивали язь ей — — — — —, но она — — — — — плача на — — — — —, ничего не знала о собѣ сказавши. Тогда — — — — — той хаты каже: — — — — —. Аже насъ Господь — — — — —, до — — — — — годичу и ѳбды, еще — — — — — дѣтны — — — — — плетомъ — — — — —

— и когда то слово выказалъ въ ту самую минуту влетѣла черезъ окно карабинова куля и перенесла голову сиротѣ на сквозь не укалѣчивши шкото въ хатѣ... И такъ Богъ взявъ невинное дѣтя до себе, освободилъ ея отъ всѣхъ мученій новосенныхъ въ которыхъ страдаемъ сегодня...»

Народныя строи на Лемковщинѣ. На образку семья Илька Чухты въ селѣ Ждыня, Горлицкого повѣта.

„БРОКЪ”

Предъ 30 лѣтами прїѣхалъ въ Америку съ угорской страны, съ Липника, ци съ Якубянъ, лемко, Янко Подпенка. А треба вамъ знати, же тоты лемки синшаки, то барзъ люде хитры, промысловы. Орябинскихъ «клямфперовъ» носить по выпиткихъ странахъ свѣта. А такъ выучены, же никому не дадутся опукати, а сами жада опукать.

И Янко Подпенка былъ тугій въ разумѣ, хоць и не Орябинанъ. Прїѣхалъ до Америки лемъ съ двома руками, на котрыхъ малъ по пяти пальцевъ. Прїѣхалъ и нашолъ доразъ роботу. Ускладалъ гроши, не велики гроши, але даякій «бизнисъ» можъ было почати. Почалъ готелникъ невеликій. И добрѣ му плю, бо у Янка была голова на карку, спинска голова.

За три роки у Янка былъ ужъ и свой «гаузъ» и ници «иреперти», а за десять Янко первый богачъ на «плейзѣ». Выписалъ и жену съ краю, Крѣпина. Крѣпина была проста баба, але голову тымъ мала на карку, бо коли прїѣхала, то Подпенкамъ ници больше почало богатство рости. Лемъ ея обое порадытъ, ужъ данто кунитъ, а што кунитъ, то два разы заробятъ. Чудовалися ихъ счастью люде.

Доншло на плейзѣ ужъ до того, же никто ничъ отъ никого не можъ кунити, лемъ отъ Янка, бо коли данто на продай было, то все Янко мусяль кунити, а кому того треба было, то мусяль отъ Янка откупити.

А Янко съ Крѣпиномъ лемъ рахують, до великихъ капиталовъ дораховалсея! Ужъ почалъ и не спати, лемъ все рахують.

— Знать ты, Янку, — гваритъ разъ Крѣпина — та мы ужъ таки богаты, же бы сме могли цѣлу синиску столицу кунити. Та для кого же мы ея тельо съ тымъ рахунками мучиме? Дѣточоль не маме, а сами хоць бы сме и тысячь лѣтъ жили и гроши розметовали, то сме не годны розметати. Та мы ужъ и не можеме обреховати, кельо маме!

И стратила Крѣпина синиску голову, стратилъ и Янко. Почали жити безъ рахунку. И добрѣ ея имъ жыло. Купили два армобици. Крѣпина барзъ уважала на моду. До полудни обое спали, бо въ ночи все «гучъ таймъ» мали. Потомъ пообѣдали, та Крѣпина до зеркалаця ея взерала, а Янко подписевалъ, што му до подписания подали.

ПІЯКИ.

Обое выдѣляли, помагудѣли. Коли шли презь мѣсто, то все голову въ гору трямали и по странахъ не поперали. Такой панской осллады набрали, такого смаку, такого руху, што чужь.

Крѣпша шель не рошла, а Янко лемь подписовать; шитку шину роботу робити слудѣла.

Паразь чути, же Янко «брокъ». Странше того слово «брокъ». Въ краю страншыхъ слова веце: «жанцармъ», «автономія» «коблн-ка», «кроковина», але ани едно не таке странше, якъ въ Америкѣ «брокъ». Страншѣше оно, якъ тамъ шитки разомъ! Въ край такъ на «висѣлка» не хотѣть зазерати, якъ въ Америкѣ на «сброкованого». . . А каждый лемь жалуде, а въ душѣ тѣшится и смѣе. Я на никого шци не ходилъ зазерати, а на Янка Подпенку поѣхалъ зазерати хоць тикать столѣ. 10 долларовъ.

Янко посивѣль, сторбила, якъ старій «клямфнеръ» съ Оряшиной; не смотрѣль въ гору, а на свои лѣтшцы «шусы». Крѣпша не чесана, не бѣлена, зацѣлана, постарѣла на дватцѣть лѣтъ.

Пронала у обоихъ панска осллада, панскій смакъ, панскій рухъ. Каждый могъ познати, же то Янко Подпенка во Ошина и его жена Крѣпша, лемь же ужь синшеск головы потратили разомъ съ богатствомъ. . .

Итъ каждый «брокъ», такъ и Подпенки стратилися съ того шлейзу и съ того шейту. И якъ отъ каждого «сброкованого» трудъ ся адресъ дознати, такъ и отъ Подпенковъ поведѣдатеся.

Я знамъ адресъ отъ Янка Подпенки, але мя барзъ просилъ, жебымъ никому не погѣль. Робать обое, але ужь безъ синшеской головы и безъ смѣсты. . .

Вань Гунянка.

Старій Порфирій лѣтъ около 60, переходилъ возлѣ шаны и двѣи громадами лѣтаси около чего и кричали: «смогте ле ушко аждѣ и лапаты». Старій обганиюлся то въ ту то въ другу сторону кричалъ: «а фрасъ бы на васъ лапаты» и вновь плюнулъ напередѣ себе и махнулъ обома руками въ воздухъ. . . По звонокъ никольшій далъ знати, что панза кончилась, лѣтъ еще разъ на пращаніе зарѣвѣли за «уйкомъ» и скрылися въ яколу. Ушко малъ звичай плювати сквозь зубы и одновременно лапяти синю. Порфирій былъ уйкомъ Февроны, вдовы, котора терѣла ему довѣи лѣта только для того, что у ней не было силъ робочихъ и «уйко» держалъ хозяйство. Порфирій былъ заводовымъ няпцей, — деше и двѣ квартиры палыки было ему мало на угашене жажды. Былъ то человекъ комачный зъ природы, не большого роста, немного горбатый, на малыхъ ногахъ съ великой якъ гарбузь головою, на голоѣ калачъ столѣтний, угорскій съ двубакомъ на передѣ и такъ замаченый и твердый, что в куля бы ся отъ него отонла. Но надъ все то, что безобразало его, были ненатуральны довезени руки, которы сгали по колѣна. Уйко жвалъ дугачъ разъ вразъ и плювалъ.

По уконченію войны, у насъ, на Лемковинѣ, было много гостей такихъ, якихъ предъ войны не было видно. Розманга зволичъ пхалася въ наши горы, бо то при угорской границѣ, где чи ту, чи тамъ, можна было чи дезертиру, чи якому пробѣднѣшту укрытися на часъ въ нашихъ скалахъ и лѣсахъ.

Въ одень чудный юльскій день, явился у мене человекъ около 40 лѣтъ съ прошеніемъ о милостино. Я его погостилъ, далъ на дорогу нару цѣтговъ а онъ представилъ мнѣ, что онъ съ роду польскій шляхцицъ, але на войнѣ все пострадалъ и глудас работы.

Зле, сказалъ я ему, если работы глудасе, но я вамъ ей не дамъ, такъ якъ видите я не газдую, бо уже война мнѣ перегаздувала все — но вы можете работу знайти у нашихъ селяни, котрымъ силнове еще съ войны не вернулись а теперь якъ разъ сбнокосы. . . На тое панъ «шляхцицъ» отвѣтилъ мнѣ, что онъ хорошо знае косити — и повогъ.

Дивлюсь за нимъ сквозь окно и вижу, что онъ занелъ до хаты Февроны где жилъ уйко. Не множокъ мене то затревожило, бо панъ шляхцицъ имѣлъ достаточно червеный носъ и чути было отъ

него прошипацию, — как говорил, косити зналъ, а у уйка было много лукъ и по берегахъ сѣно некошеное.

Какъ было не знаю, но слышала я, что погодился уйко съ плетичомъ косити за 6 златыхъ, харчъ, но и дачто «на зубы». Косили 6 день. Въ то время была у мене Феврона нару разъ съ жалми, что оба косари потъ окаляно и что уже и пряжу ей выкрасли и до Хуны за горѣлку отнесли. Скарана съ нима година — оповѣдала. — Прийдуть пьяны съ корчмы, принесуть собѣ оковиты фляшку — двѣ, шотъ, кнутъ, бормочать и спѣвають одень: «Зъ тамтей стропы Впелы компала сіе врона. . .» а другій «якемъ ишолъ зъ Дебречина до дому. . .» и такъ ся поѣмають оба и танцуютъ, ажъ доки не подають середь хижы, а коли я на нихъ кричу то кричатъ: «морду тримай» и еще говорятъ та обѣщаютъ ня зарѣзати, какъ ся нимъ буду мѣшала до ихъ интересу.

Нѣсколько времени позднійше, пришла до мене Феврона вечеромъ перестрашена такъ, что ледво духъ въ ней былъ живый, сѣла и трасучимъ отъ вопенія голосомъ промовила: «Отче я ледво смерти отъ пѣяковъ не пожила!»

— Что такое пытаюся, а она оповѣдае:

— Днески свята недѣленька, оба мои пѣяки нили цѣлу ночь, рано скоро ся одобрухали, нополь уйко до сѣней, вытанцилъ велику бутлю палѣнки и каже: давай обѣдъ. — Я обѣду еще не мала, та повѣдаю: днеска свѣтлый день, та можебысте въ церковь пошли.

— На то уйко гварить: тамъ ужъ достъ грѣшниковъ есть и есть кому ся молити, а я никого не забивъ ани не спаливъ, та за што ся буду моливъ, а ты стара грѣшнице идъ, та просъ Бога жебы палѣнка потуяла.

Я нато повѣла же нмъ обѣда не дамъ, кедъ до церкви не пойдуть. Они позасѣдали и продолжали дальше пити и спѣвати и танцувати. Я пошла въ церковь а кедъ-еменя вернула, они оба какъ бараны спали едень на лавѣ, а другій, выбачте, какъ несъ подъ столомъ. Въ хижы вшитко поперевертано, а даруйте, наблювано и срадь какъ въ корчмѣ. Што я бѣдна, думаю собѣ, теперъ почшу? Пошла я то сусѣды тай то оповѣдамъ, жебы човекови злекпало, але сусѣды какъ сусѣды жаловали на, но и смѣялися съ моею бѣды, а рады не дали. Пришламъ подъ вечеръ до хижы и смотрю, а они зась оба потъ, але ужъ таки пьяны, что и себе не познають. — Я легла на постель подъ перину и плачу, а они заводятъ такую бесѣду: повѣдаютъ уйко, знашь што Мацьку, нѣ, гварить, не будеме гевъ панамц, докля ся съ бабовъ не справиме.

— А якъ? пытается Мацько.

— А такъ, же мы ю зарѣзати мусиме а пакъ вывеземе до лѣса въ парю, имариме, и буде спокой.

Мацько покрутилъ головою, засмѣялся, потеръ руки и повѣдалъ: маце рехтъ, уйко, намбугъ безъ зась муви, — а чимъ заржнемъ?

На то вуйко плюнувъ, всталъ и бухнувъ до дверей, а какъ сами ся отворили и до сѣней, — а пьяный Мацько какъ котъ, позерать за нимъ и самъ не зна ниго то буде. Всталъ, вставать, а какъ zobачивъ, што уйко съ косомъ иде, та ховѣвъ жебы такъ выновокъ жебы мя не збудивъ, почавъ махати руками и пальецъ до гамбы пхати але утриматися не мотъ и впавъ на столъ — столъ — ся посуцувъ, а онъ какъ долгий на землю цаннувъ, — уйко дале за нимъ на ратунокъ, завадивъ о шафникъ, што съ вѣдовъ стоялъ нѣля дверей и сѣвъ такой до воды ажъ по хижѣ вода ся разбрзгала. Зорвався едень и другій. Мацько гварить: дайце косе, я беде ржюль, бо высеце пьяны. На, повѣдаютъ уйко, далъ му косу и гварить: я буду тримавъ за голову а ты рѣжь. . . Пустилися де мене въ затачки, а я за той часть скачавася подъ постель. Вуйко лапъ за перину и за заголовокъ, кричатъ, ужъ ю мамъ, а ты ляку рѣжь. Какъ зачне Мацько рѣзати рѣже, рѣже геть перину, ажъ нѣри до мене летить.

— А кровь идѣе? пытается Мацько. Уйко ся нахиливъ плюнувъ и гварить, нѣ не иде, какъ ты рѣжешь свинтуху! — А Мацько што силы фалатать ажъ до соломы и по перинѣ и по заголовку.

Я на тотъ часъ нмъ по подъ ноги и рачки безъ хижы до дверей тай до зась. — Ходѣтъ, ратуймо, бо они геть порѣзали перину, заголовокъ та еще яку бѣду сстворять».

Какъ баба то оповѣдала, а ту чую на дорожѣ, за столою смѣхъ такой какъ на весѣлю. Дивлюся черезъ окно и виджу куну народа надъ потокомъ где звичайно плавуютъ конѣ. Смѣются ажъ ся по котѣнахъ бьютъ руками, ажъ ся заходятъ.

— Что то такое? Вылѣтаемъ съ бабою на зарынокъ и безъ путь надъ воду и вотъ что? Оба пѣяки коли ся спостерегли, что баба нмъ утекла, выбѣгли до сѣней за нею и вмѣсто до входовыхъ дверей, пустилися на заднѣ двери, котори выходили просто надъ воду на берегъ, котрый не былъ загороженный. А что хага стояла надъ водою досить высоко и близко воды, та коли пѣяки вылетѣли черезъ заднѣ двери, не могли ся зорѣнтовати где сугъ, погнали напередъ себе и одея за другимъ бухъ, бухъ, до воды тамъ где конѣ кунаютъ. Обомъ нмъ вода была по пахи — и ажъ ту познали где

они суть — и починаи святкувати «ратуй Маньку, ляху окаянный, фрась бы ти... ратуй!»... и хланчуть воду, — бо ноги не годни стояти спокойно бо вина оба. Народъ збѣгаея и хохоче; якъ добре ся нахлентали воды тогда вытягли ихъ хлопцѣ и якъ барановъ съ процесіями и ованіями завели до хаты. Вуйко хотай оезъ дунѣ уакъ, все еще плюють и махаль руками та бормоталь «фрась бы ти»...

За хвилю поночь и я за другимъ видѣлн тую комедію до хаты Феврона.

На нецу лежали оба пияки якъ безъ души, только отъ часу до часу, то оденъ то другій храниувъ та постогнать. Зъ неца вода лялася якъ съ даху. Чи хланъ по столѣ, лавахъ, по волицѣ самое пѣрря якъ енгус коло рождества. На постелѣ ширина, затоловокъ, плахта, ажъ и солома на сѣчку погаратаны, а пияки оба на нецу, якъ по войлѣ, по твѣжкнхъ трудахъ отпочивали.

На другій день еще предъ остатнымъ спѣвомъ когутовъ, ляхъ утѣсь съ хаты Феврона такъ, что никто не зналь, коли и где пополь. Старій уйко 3 лнн еще лежалъ на нецу выгрѣваючи розмочены лахи и кости и разъ вразъ плюваль, не визнаая на то где плюе, чи на хлану, чи на сѣбну, чи Февронѣ до горца передъ ватрою.

Колдунка на Лемковщинѣ.

Стара Параска ходила за прошенымъ хлѣбомъ, а люде странноли невѣ свои дѣтиска. Якъ котрой заплакаю, то заразь мати странноли:

«Цыть дитино, цыть, бо ти Параска возме до мѣха»...

И дѣтина заразь втихла, бо видѣла ужъ Параску, якъ ходила зъ мѣхами и торбами и заразь тулилася до мамы та повѣдала:

То въ тыхъ мѣхахъ она носить дѣти?

— А якъ же, дѣти, — повѣлае мати, — котрой плаче, то заразь Параска его заберать.

— А што она робить съ тима дѣтми?

— Вынесе до мѣста и продасть жидамъ, а жиды зарѣжуть...

— А на што жиды зарѣжуть?

— Бо жиды ѣдятъ нашу кровь, на великденъ трою иль навои крови до наски...

И по такой науцѣ дитина жебы не знать яку гризету мала, жебы не знать якъ плакала, то якъ лемъ еѣ мама повѣла: «Тихо, бо ти Параска возме» — то ужъ не плаче.

Мене знатъ Параскою странноли и я такъ ей боивей, же ужъ мѣ пштери розы было, якъ я ниш ховавей до поны въ сѣно, такъ лемъ Параска дорогомъ переходила.

Потомъ, якъ я выросъ бочый и ужъ гонивъ коровы пасты, и Параски не боивей, лемъ чудувавей, же она така мудра, бо имѣла розны дѣла оповѣдати и шитки люде ей слухали.

Наибольше оповѣдала она о антихристѣ, о концѣ свѣта, и о вѣчномъ жидѣ. А мы слухали и водосье намъ дубомъ стае зо страху.

Во то не жарть.

Приде «антихристъ» на землю, а люде не будутъ знати, же оны найстарій чортъ въ некли, бо оны ся не дасть людемъ познати, лемъ буде голосивъ свою науку, свою вѣру и хто ся на его вѣру наверие, то уаль пронаде на вѣки, бо поиде до некла на вѣчны муки.

А приде тотъ «антихристъ» акураць передъ самымъ суднымъ днемъ при концѣ свѣта. И розонле своихъ чортовъ мекли люди и шитки будутъ ѣднымъ людемъ голову завергати.

Счастливыи тотъ, хто не поиде за антихристомъ! Ва, але якъ ту розпознати посланиковъ антихристовыхъ, жебы имъ не датися зѣмати на ихъ науку?

Ва, лемъ, найбільши гризота наша овалъ, бо повѣдала Параска,

же тоты слуги антихриста будутъ барзъ солодкими словами до люди бесѣдувати, же мы не будеме знати, хто зъ нами бесѣдуе, ци Христовы слуги, ци антихристовы.

А потомъ яки то странныи часы настануть! Люди будутъ барзъ недобры, едентъ на другого повстане, отецъ на сына, сынъ на отця, братъ брата буде ненавидѣтъ, а потомъ на ровнишѣ подь лѣсомъ, надь берегами Вислока — буде странна война, кровь потече Вислокомъ ажъ до моря и приде конецъ свѣта. На той долниѣ вадъ Вислокомъ буде странныи судъ.

Або зновь, якъ зачне оповѣдати Параска, за вѣчного жидѣ, то шиткы люде ажъ плачуть и жегнаются:

— Нехъ Господь Богъ заваруе каждого хщеного отъ такои бѣды.

Бо то и съ тымъ вѣчнымъ жидомъ не буде жаргу.

Де онъ зъявится, тамъ приде поморъ на люди и худобу, тамъ не буде хѣба, тамъ — градъ и огонь, тамъ рожня неспасти.

— А тотъ вѣчный жидъ ходитъ по цѣломъ свѣтѣ и носитъ во собомъ страхъ и гризоту...

— Такъ, такъ, люденыкове Воскы, — повѣдать, бывало, Параска, таку вару мае тотъ жидъ, же буде до судного дня такъ ходити по свѣтѣ — и шиде не буде мати притулку, бо шиткы его отъ свои хижы отганяють, такъ ажъ онъ Христа одогнавъ.

Бо вы може не знате якъ то было. Тотъ жидъ бывъ молодой и файный хлопъ, мавъ наречену и маму, (тата ужъ не мавъ, бо му вмеръ) и мавъ нову файну хижку. Якъ Исусъ Христосъ шповъ на гору Гольгофту съ тяжкимъ крестомъ, то акурать переходивъ коло хижы того жидѣ и хотѣвъ си о его плоть оперти свой крестъ. А жидъ выскочивъ зъ сѣни и крикнувъ на Христа: «Иди отгаль, кади твоя дорога, ту не будешь коло мою хижку спочивати». И Христосъ повѣсь далъ свой крестъ, а жидъ вергать до хижы, а тамъ мати его кричить: «Я не маю сына, — иди отгаль, я тебе не хочу знати!» И замкнула передь нимъ двери. Пошовъ тотъ жидъ до своей нареченой, а тота здалека ужъ повѣдать: «Ты геретнику проклятый, я тебе не знаю, иди отгаль геть!» Пошовъ тотъ жидъ до сусѣдовъ и тоты го выгнали, потомъ пошовъ на други села и мѣста и садывай передь нимъ люде вѣкали и ништо его не хотѣвъ подь свой дахъ прийати.

И такъ ходитъ тотъ жидъ по цѣломъ свѣтѣ и ништо его не хоче знати, шиткы его женуть отъ себе, бо де лемъ ся тотъ жидъ затримать, тамъ якеси нещастя муситъ ся трафити и люде муситъ его отъ себе выгнати.

Такъ дива оповѣдала по хижкахъ стара Параска, а мы слухали и кожде еи слово врѣзувалося намъ глубоко въ памяти.

Якъ въ часѣ бурѣ и громомъ, мама брала фляшку съ іордансковъ водовъ и кронила наоколо хижы, то я собѣ заравъ мысляю:

— Ага, то певнѣ на то, абы вѣчного жидѣ або антихриста одогнати.

Або, якъ де кому корова згнула, ци яке нише нещастя ся стало, то я собѣ мысляю:

— Тамъ певнѣ жидъ вѣчный почувавъ.

Минуло дуже роковъ. Я пѣшовъ въ свѣтъ, тай забывъ за стару Параску.

Ажъ недавно скорѣбло мене повѣдати домовъ, поздрѣти ници бодай разъ на родну стрѣху, на наши горы, на Вислокъ, тай побесѣдувати зо своимъ людемъ.

— Приходжу до села — и ани знаку нема зъ того села, котрой я малымъ хлопчикомъ будучи — лишивъ. Правда, де-не-де розвалены господарства, слѣды войны, але село не то, што перше. Новы хижы, крыты даховкомъ або бляхомъ; повѣдають, же газдове повертали зъ Америки, вывезли досъ пѣвизы, тай газдують. Нова церковь, нова школа, читальня, поступъ великий!

Шитко не такъ, якъ перше. Въ одномъ земь нема змѣны. Ници же стара Параска и матери ници страпати невъ свои дѣтиска, а стары вѣрятъ въ неи якъ въ Бога... А оповѣдаи о конци свѣта и антихристѣ ници глубше закоренилось.

Што больше, я довѣдуося въ моиъ селѣ, же конецъ свѣта ужъ за плечамы, бо шитко такъ было, якъ оповѣдала стара Параска. Шитко ся ужъ сповнило што до слова!

Бывъ въ селѣ вѣчный жидъ, бо мерли люде и худоба гинула; были въ селѣ послы отъ антихриста, перебрали за германскихъ воляковъ и мадыяровъ, обѣщывали людемъ рай, а живцемъ закопували до землѣ, была и страшна война и то на томъ самомъ мѣсци надь Вислокомъ де пророкувала стара Параска, было ужъ шитко, якъ Параска ворожила, лемъ ници конци свѣта и странного суду не было.

Але тотъ день ужъ недалекко...

И ту мене едно дивуе. Перше, якъ земь злила бесѣда на антихриста и конци свѣта, то люде торбують ажъ страхъ, жебы го не впасти въ чорговы свѣты тай не пойти за антихристомъ на вѣчныи муки.

А теска спокійно бесѣдуєть люде о странномъ судѣ, шитки суть невини того, же нхъ уже аницхристѣ не введуть на блудну доругу.

— Во шиткыме позвали, яка доруга веде до правды — повѣдать ми сдѣнь тавда, шитки знаме, документиф, хто намъ добра личить, а хто зло, и уже не боямса ани конця свѣса, ани страшного суду.

Гр. Ганулякъ.

Народный лемковскій строй на Подкарпатскои Руси.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Колѣ открывали Америку, Россія стояла уже близко, занимала половину Евropy. Колѣ Соединенна Штаты близили о свою независимость, Россія за Екаторина II была пачеальнѣйша держава міра. Колѣ С. Штаты починають свое життя, Россія грозить 12 язовковъ Наполеона.

За 100 лѣтъ С. Штаты выдвинули жезла въ свѣтъ: безъ сомнѣній гражданами Америки найлучше живется, можно смѣло сказать, что Америка диктуєть свою волю другимъ странамъ свѣта.

Скажуть социалисты, что то все правда, но въ Америкѣ капиталъ дуєть рабочихъ горше, якъ въ другихъ странахъ и потому въ Америкѣ зло. Мы вновь думаемъ толь, что зло въ томъ, где людямъ легче жити, выгоднѣйше, тамъ и лучше. А капиталъ былъ нуженъ для устройства той лучшей жизни. А колѣ придетъ то время, что капиталъ станетъ на дорогѣ американцамъ для лучшей жизни, и увѣрять, что онъ будетъ принужденъ уступить.

Россія начала свою жизнь сотни лѣтъ передъ Америкою. Въ Россіи богатствъ земныхъ два раза больше, чѣмъ въ С. Штатахъ, а якъ видно, въ Америкѣ далеко лучше жити, якъ въ Россіи. Русскій народъ эмигрируетъ въ Америку.

Вся причина въ томъ, что въ Америкѣ развита промышленность, а въ Россіи нѣтъ. Вся причина въ томъ, что Россія вывозила свои суровы богатства за границу, где ихъ обрабали и привозили оброблены въ Россію и тамъ за дороги гроши продавали тотъ самъ русскій матеріалъ, только оброблены. И русскій человекъ даже часто ѣхалъ за границу обрабати свой русскій матеріалъ, чтобы прокармантиса. Прямѣромъ англичане, живутъ собі на островѣ, привозить изъ Россіи суровый матеріалъ, обрабляютъ и назадъ въ Россію отвозить. Все зарабатываютъ. И английскіи капиталысты и перевозовы компаніи и работи на фабрикахъ, а зарабатываютъ все на русскомъ народѣ, бо русскому народу нужны нѣтъ фабрикъ, тотъ а въ Россіи нѣтъ подѣ достаткомъ природовъ, нѣтъ фабрикъ, тотъ суровый матеріалъ обробити. То и называется, что въ Россіи не развита промышленность. Россія была бы сегодня первая страна въ мірѣ по богатству. Въ Россіи жало бы си сегодня найлучше. Въ Россіи не было бы революціи.

И не виноватымъ тому русскій народъ. Русскій народъ талант-

ливый, промысловый народъ. Если русскій народъ могъ такъ велики пространства колонизовати, если на Руси могъ существовати Новгородъ Великій, самый промышленный городъ въ среднихъ вѣкахъ, такъ Россія могла быти первая промышленна страна въ мѣрѣ.

А виноваты тому русски правительства, которы рекрутовались съ незнакомой русской аристократіи, съ незнакомаго русского дворянства. И то самое лучшее доказательство, что они не знали, что въ Россіи не развита промышленность. Старое русское правительство продавало русскімъ богатства за границу, англичанамъ, французамъ и нѣмцамъ, а не старалось о то, чтобы тѣ богатства перерабляли у себе дома, дали заработокъ своему русскому народу, а такъ переработаны уже продавати за границу.

Мы видимъ еще сегодня три степени культуры: Кочовничья, земледѣльческа и промышленна. Менше культурны народы живутъ кочовничю, значить занимаются только скотоводствомъ. Переганяютъ скотъ съ мѣста на мѣсто, не ставятъ постоянныхъ жилищъ, а только такъ, чтобы могли легко переносити за своимъ скотомъ, который идетъ тамъ, где больше пашни. Еще предки русского народа, стары славяне, станули на вторую степень культуры, на земледѣльческую и русскій народъ стоитъ на ней до сегодня.

А тѣмъ часомъ народъ множится и не только что нужно больше хлѣба, но великой одежи, приростовъ, которыхъ уже безъ машинъ здобити трудно. А и само земледѣліе безъ машинъ, то уже то само, что выраблать одежу своими руками, много работы, а мало хоспа. У насъ, въ Карпатахъ даколи цѣлу пріодѣву только руками вырабляли, а сегодня нѣтъ такой хаты, чтобы фабричного не было. А культурнѣйши англичане велики гроши платятъ за свои стары ручныя виropy, если у кого найдутся изъ старыхъ часовъ. Сегодня у нихъ и слѣдъ затинуть. Все машины. А земледѣліе не возможно сегодня безъ промышленности. Мы видимъ, что въ промышленныхъ краяхъ земледѣліе далеко висше стоитъ, якъ въ непромышленныхъ. Промышленна Сѣверна Америка вывозитъ за границу велики миллионы токъ хлѣба, хотя и своего населенія у ней не много меньше, чѣмъ въ Россіи, а землѣ въ С. Штатахъ меньше чѣмъ въ самой европейской Россіи. А намъ здается, что Америка промышленная страна не земледѣльческа. Въ томъ то и цѣла мудрость, что при промышленности земледѣліе само собою развивается, оно миситъ развиваться.

И якъ долго въ Россіи не будетъ развита промышленность, такъ долго будутъ мужики-арестьяне битися за землю, такъ долго будутъ

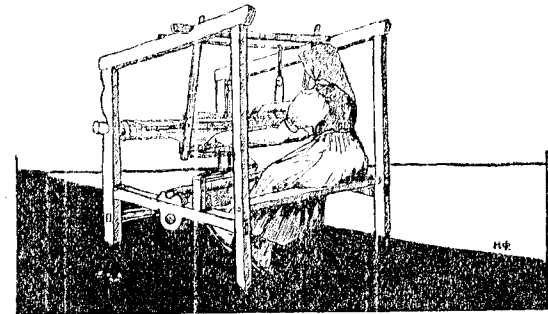
о землю процессы, такъ долго будутъ умерати безъ хлѣба на найбогатшій хлѣбной землѣ. И то русское правительство, чи будутъ сидѣти въ немъ коммунисты, чи буржуи, чи монархисты, будетъ записано золотыми буквами въ русской исторіи, котрому удастся направити Россію на промышленну дорогу.

Революція устранила изъ дороги стару аристократію и дворянство, лѣннivu русску касту, котора не была способна образовати народа и развити богатства Россіи. Задачи народнаго правительства то поправити.

Мы крѣпко вѣримъ, что то правительство скоро будетъ первая страна въ мѣрѣ.

А мѣсто первое принадлежить Россіи и по своему земному богатству и по своему географическому положенію и по своему духовному богатству. Тасихъ богатствъ и такого положенія нѣтъ у другого народа въ свѣтѣ.

Лемко.

Модель вросень, на котомъ выраблываютъ полотно въ русскихъ селахъ Карпатской Руси.

Максимъ Торба продавалъ корову въ Тыличѣ на ярмаку, а Гавріиль Корба куповалъ. Максимъ Торба хвалить, а Гавріиль Корба гонить. Корова не была ни перша ни остатия. Якъ корова на ярмаку? Найлѣвше никто съ облыти не выведе. Пару коровкъ расеяло на чуже, ажь ся молоко цѣдело на торговницу. Максимъ Торба передъ ярмакомъ не казалъ корову донти.

— Не зацанте, не мизайте такъ. Я вамъ руку, кричить Максимъ Торба хвалить. Ты дѣвца корова! Два зойбонь молока дае, а ужь по половинѣ. До самого телите ся донти, ани на дель не престане. Волкъ быль дѣвку на ярмакъ вывезти, якъ мою руку, але впожъ, коли за дѣвку гроши никто не дастъ, а ту на подаломъ треба, а и хижу зарыти претрисовати.

Стари коровинско, ажь свѣтъ! гварить Гавріиль Торба. Зубы збала доиритъ. Бѣтъ рога и кто-ли то може знати чи тивка. Не познати ничъ. Ты черепокъ не зорова! Повѣсте же, доеврии человекъ, кольо бы сте хотвалъ такъ заправду за не ваяти?

Триста миллионбай, сыду!

Триста миллионбай не гроши, гварить Корба, але на триста миллионбай тресъ парова!

А моя дружана ине? Не корова? Въ цѣлнхъ парахъ, ет кой не панете! Диво, не врова! Хвалить Торба.

Черепъ, не корова гонить Корба. Гварте, за жельо ей дате, остатие слово.

А жельо бы сте дали?

Сто осемдесеть вамъ дамъ.

Жаргуйте съ Воровъ, гварить Торба. Але потомъ вахннлеса до уха Корба и пещуль.

Кѣбы сте мѣ дали дочыра, то быль вамъ латъ за 20

Дамъ вамъ Ъ писане Корба.

Но доятнхъ пещтаняхъ вяля Корба корову за 17 долларовъ, але малъ справити «литкунь».

Вышли софѣ. Не жалувалъ ни едець ни другій. Казалъ Корба, казалъ и Торба. Разохотанси. Дозиванси едець отъ другого винитко: Торба былъ съ Перунки, Корба съ Рѣнокъ. У Торбы были доллары и у Корбы были. У Корбы были свинъ та оженцино, а у Торбы дѣвца на выданю. Попозерали едець на другого.

А жельо бы сте дали съ дѣвкою?

Та дати дамъ данто, ажь же не дати, такъ моя дитина гварить Торба.

— Но але повѣсте, жельо? заперать Корба.

— Дамъ сто долларовъ, корову и весѣля справю.

— Не робте же смѣхъ. Дамъ ужь триста долларовъ, а я съ не поцагаймъ брати. Дайте пятето, волъ, корову и поцлатите винитки кельчича, та може съ того данто быти...

Долго торгуванси. Корба поцуцалъ, а Торба причиналъ. Ету добили торгу: Торба давалъ триста долларовъ, волъ и корову, а Корба малъ зависати невѣстѣ половину грунту.

— По сынку, и ваявалъ жену для тебе, а ала тебе, старъ, невѣсту, гваръ Корба, коли приноль съ ярмаку.

— Яну, отпалъ? мѣдуеся стари.

— Ала, съ Перунка. А ала, будеме знати, коли ю привеземе. Того гавда дѣвца, што и тотъ корова.

— Але жельо такъ дѣво, ажь корова, то але гварить стари.

А свинъ ужь ничъ не гварилъ, бо коли старій Корба съ вперъ то прочалъ! Знали, же треба съ буде женити.

Въ цѣлнхъ повѣсть Корба, сваты, и молодий. Пѣкли винитку. Молода въ коморѣ свѣдла. Тѣсть ажь жельо съ гинило. Молоды старилея съ до они посмоервалъ, але молода все отъ гинило говору отвергала.

На други дѣнь повѣхали до жинсу. Зависалъ Корба половина грунту и вяль триста долларовъ. Зась ваявалъ.

Тай оновѣди и весѣля. Торба весѣля справитъ воре: Дружба софѣ руку отерѣвалъ, диво, съ побило, ажь ихъ жандарны вични и пѣтанамъ басы потривали...

Молода ударила челою о стонць и шобла гудз... Заявила ла голову. Молоды ходилъ ажь струтнн. По, слава Богу, весѣля конецъ. Вяли отецъ невѣсту, а свинъ жену и повѣхали до дому.

Дома почалси невѣстѣ призерати. Невѣста была приглуха. Але то ницъ ничъ. На одну ногу кузала. Але то ницъ ничъ. Праве око мала блде, ажь молоко. Вѣлнмо, видите. Не возабалси ни винитки, ни мамѣ, ни суѣдамъ.

Кѣды бы до Америки пуцкали, то молодий Корба бы ашнлсъ винитко и повѣхалъ. Але «жвота» несечсна! Мусить привикати. Е привикне! До виниткого человекъ привикне.

Здыбалси старій Корба съ Торбомъ на ярмаку:

— Такъ ты мѣ дѣвку съ бѣльномъ дамъ! кричить Корба.

— Та цѣ ты данто шедотъ? Дѣвка не корова, жельо ей облымо инкодило. На ярмакъ не поведень! гварить Торба.

Ванъ Гуцннла.

ЗА 100 ЛѢТЪ

Никто изъ насъ не дожилъ до 2025 года. Далеко для людей, однако близко для человѣчества. Скоро буде 2025 годъ, такъ скоро, какъ недавно былъ 1825. Еще живутъ люди, котры родилися тогда.

А однако эта сотка лѣтъ принесла намъ велики перемѣны на свѣтѣ. Если бы передъ столѣтiami говорить людямъ о аэропланахъ, о радио, о телефоны и телеграфѣ, не повѣрили бы.

Въ первой мѣрѣ за сѣхъ сто лѣтъ взросло народонаселение. Передъ сто лѣтами Соед. Штаты не числили больше, чѣмъ 10 миллионъ людей, а сегодня далеко выше 100 миллионъ. Россія передъ сто лѣтами не числила больше, чѣмъ 30 милл., а сегодня около 150. и т. д. Такъ что за сто лѣтъ взросло население земли 4 до 5 разъ.

Когда Наполеонъ выступилъ въ походъ противъ Россіи съ полъ милл. войска, была то передъ сто лѣтами величезна армія, какой никто, кромѣ великого Наполеона, выставити не могъ. За сто лѣтъ выставляютъ державы по 12 милл. армін. а во войнѣ берутъ участіе десятки миллионъ лѣтей.

Великими силами природы завладѣлъ человѣкъ за сто лѣтъ. Чудесны машинны выдумалъ, чудесны выгоды; однимъ словомъ чуда человеческого ума видитъ человѣкъ въ 1925 году.

Хотѣло бы съ насъ знати, что наши внуки увидятъ въ 2025 году? Не будетъ-же человѣческой умъ стоять. И если свѣтловы завѣрухи, войны, революціи, зна-нибуль высши силы не задержать того развитія, то наши внуки увидятъ велики чуда на землѣ, о котрыхъ никому и не снится сегодня, какъ не случилось передъ сто лѣтами нашимъ дѣдамъ о шаянхъ радіяхъ, аэропланахъ и т. д.

Въ первой мѣрѣ будетъ много новыхъ машинъ, чѣмъ разъ меньше будетъ потребный человеческій трудъ, рабочи руки. При томъ челоѣчество помножится 4 до 5 разъ, если не будетъ уничтожатися само. Однако того не треба боятися, что для людей будетъ мало хлѣба, бо умъ людскій, науки, найдетъ способы вытягнуги изъ земли столько хлѣба, что голода на землѣ по причинѣ численности населения не буде. Чѣмъ народъ густѣйше, то онъ ухитрится больше хлѣба добывать на томъ самомъ пространствѣ.

Но тутъ приходитъ въ голову, уже теперь острый во свѣтѣ, рабочій вопросъ. Ясно, что если людей будетъ больше, съ одной стороны, а съ другой стороны машинъ, котры будутъ заступати рабочи руки, то за сто лѣтъ пришло бы велике безработье. Миліоны лю-

дей остались бы безъ работы. И если бы до того часу осталось то самое державное устройство, таки самы соціалны законы, какъ до сего часу, то одни, власнители тѣхъ машинъ и богатствъ будутъ роскоповати, а другій станъ людей будетъ мери съ голода.

Но и того не можетъ быти. За сто лѣтъ мусятъ быти совершенно други законы, котры обезпечать хлѣбъ каждому человѣку. И мы видимъ уже сегодня, что тѣ законы перемѣняются. Мы живемъ какъ разъ въ такой часъ, въ котромъ идетъ борьба о новы законы, таки законы, котры бы обезпечили за каждымъ человѣкомъ трудъ хлѣбъ. Если тѣ законы выберетъ собѣ народъ въ парламентахъ, то будетъ велике счастье для человѣчества, если же противники будутъ уператися, то народъ возьметъ собѣ тѣ законы силою, революціей, а каждая революція стоитъ громаднхъ жертвъ, какъ стояла Россія.

Въ Россіи революція совершенно други плоды принесетъ, какъ думаютъ большевики. Если иѣтъ еще мѣста въ Англіи или въ Германіи для коммунистическихъ законовъ, то его не можетъ быти еще и въ Россіи. Въ Россіи будетъ для такнхъ законовъ мѣсто тогда, когда они будутъ заведены въ густо населенныхъ промышленнхъ странахъ. И потому не хочется вѣрнати, чтобы въ Россіи остались у власти коммунисты. Однако русская революція поддала и вкоренила въ народы ту мысль о новыхъ законахъ и потому имѣетъ велике значеніе для свѣта.

Минувшихъ столѣтъ освободило народы отъ личной неволи, отъ нащны. Будущихъ сто лѣтъ дастъ народамъ новы законы, котры обезпечать каждому человѣку трудъ и хлѣбъ.

Лемко.

МАКОВИЦІЙ ПАТРІАРХЪ

А. Н. ПАВЛОВИЧЪ.

Слухай, русскій человѣче,
Духъ народа тебе кличе!
Смотри быстро, спроси тѣло,
Ступай впередъ, кравай сѣбло!
Слунай впередъ, русскій брате,
Предъ тобою дѣло свѣта!
Тебе зове духъ народный,
Ты долженъ бити свободный!

Такъ кличе до своей Маковицы А. Н. Павловичъ, маковицкій патриархъ, стихотворецъ.

Родился о. Павловичъ на Маковицѣ, въ Селѣ Чарне 1819 г. Отецъ Иванъ и мать Анна изъ Елѣдывовскихъ скоро умерли, а нашъ Александръ остался круглою, четвероюдною сиротою. Переходилъ изъ руки въ руку, изъ школы въ школу, изъ бѣдный сирота. А наша каринато-русска дитина- сирота два раза несчастливѣйша отъ другихъ сиротъ свѣта. Не только, что стратитъ родительское тепло, но и не дадутъ ему тепла своей русской школы.

Такъ и нашъ сирота Александръ кончилъ народную школу во Львовѣ, польску школу, отъ тогда у насъ въ Галичинѣ все по польски было и наша т. е. интеллигенція и наши помы, все по польски говорило. На другой сторонѣ зновъ, где Павловичъ кончилъ высшю школу, все по мадырски, по латински или нѣмецки, только своего русско-го слова не было чути.

А однако молодой Павловичъ почалъ думать о своемъ родѣ еще въ школь. А коли пришла весна австрійскихъ народовъ въ 1848 году, то Павловичъ уже былъ русскій священникъ и патриотъ, преданный душою и тѣломъ своему бѣдному, каринато-русскому народу.

Но что же! Учили Павловича всѣмъ наукамъ, многимъ языкамъ, а того, что первое для русскаго человѣка, русскому языку, его не учили.

Помогали себѣ Павловичъ, какъ могъ, все, что хотѣлъ, писати гзидкамъ русскимъ, киничнымъ языкомъ, выходило неотесанно, лило. Напротивъ, что писати по маковицѣ, по лемковскѣ, вышло коротко и мило.

Умеръ о. А. Н. Павловичъ, яко приходникъ Свидницкій 25 дек. 1900 на 81 году жизни.

Передъ самой смертью написалъ «Прощаніе» своей возлюбленной Маковицѣ и маковичанамъ:

Близится кончина жия,
Я одйду съ того свѣта. . .
Духъ олетитъ до вѣчности,
Гробъ закрѣ тѣло, кости.
Остаи съ Богомъ Маковица!
Не увижу Твои лица,
Престану Ты обіймати,
Тебѣ пѣсеньки свѣвати.
Я Ты любилъ, Ты то знала,
Мнѣ насущной хлѣбъ давала,
Кормила и приодѣла,
Никъ сына мене любила.
Будь здравъ, милый Роде Русскій!
Отнеси тѣло во гробъ узкій,
Дабы тамъ снова смерти спало,
Судного дня ожидало.
Прощайте, Вы, Браты стары,
Молоды сложте на мари
Тѣло нашъ-отца старого
Несте до гробу темного. . .
Вы дѣточки, любви, мило,
Отпровадте до могилы,—
Помолятеся за нашего
Небожника духовного.

То было послѣднее стихотвореніе нашего маковицкого патриарха, Александра Павловича.

Любилъ онъ свой народъ, свою Маковицу, любилъ до самой смерти.

Глубоко любилъ о. Павловичъ и весь русскій народъ и свою любовь къ единой, недѣлимой Руси, высказывалъ въ своихъ стихотвореніяхъ, якіи остались по немъ на вѣчную память.

ЗА ПАНЩИНЫ — А ДНЕСЬ.

Ахъ тяжше ту жити было
 Предъ штр'радцеть роками,
 Коли панске ся робило
 Ужь мало его тямить.
 Панщину робили дармо —
 Оралъ, косилъ,
 Потомъ зерно повозили
 И вымолотили.
 Свое зерно десятый спонъ
 Намамъ отдавали,
 И отъ доедного пеца
 Три златыхъ давали.
 Мусли рубати дырва
 И съ лѣса возити,
 А пацъ до сягъ покладати
 До пеца тѣпити.
 Што оречный панъ розказалъ,
 Паншаре робили,
 Писарь, гайдукъ ся збыткувалъ,
 Бѣдний людъ трапили.
 Отъ тыхъ, котры невладали
 Панске отробити,
 Отняли отъ нихъ ореки
 Мусли пречь идти.
 Тяженько панске робили
 Бѣдигтка дѣдове,
 Але они такъ не шли,
 Жгъ теперь газдове.
 Ореки вамъ дотримали,
 Панске неробите,
 Вы ся дали до напою,
 Ореки маршите.
 Ужь бы теперь была бѣда,
 Псога превелнка,
 Кебы вамъ не помогла
 Тога Америка.

ПѢСНЬ РУССКОСЛАВЯНСКАЯ.

Славянскы роды, дѣти свободы,
 Цѣлому міру свободы желають,
 Но горды люде, жестоки роды,
 Общей свободы духа убивають.
 О люде братья! міра народы
 Отворите храмъ общей свободы!
 Шестую часть земного міра
 Дѣти матушки Славы занимають,
 Плачевно гремитъ славянска лира.
 Враги свободы Славянь оскорбляють.
 О люде братья! честны народы
 Соединитесь въ храмъ свободы!
 О люде братья міра народы
 Вамъ братску руку славянство подаеть,
 Духомъ всеобщей святой свободы
 Васъ поздравляи, щиро обнимаеть.
 Пропало рабство, свобода жгеть,
 Въпецъ свободы славянство виеть.
 Провадеть гордыхъ повладѣніе,
 Равноправности цвѣтуть нѣжны цвѣты,
 Воплощается уже миѣніе:
 Долженъ человекъ, человекомъ бити!
 Побѣдную пѣснь поють народы
 Да славословлять Бога свободы!

ДВОЕ НИЧЬ.

Кедь ты мамъ ничь,
 И я мамъ ничь, —
 Та двое ничь маме,
 Спаруїме ихъ,
 Та ихъ въ пари
 Мы скорше продаме.
 Якъ тварили,
 Такъ зробили:
 Доразъ спарували,
 На другій день
 Тыхъ двое ничь

До Стройковъ загнаши.
 На ярмарку
 Черезъ цѣлый день
 Дарьмо купца ждали,
 Предъ вечеромъ
 Тыхъ двое ничь
 Назадъ домовъ гнали.

Одомашу
 Тамъ не было
 Имъ ся хотѣло идти, —
 Та мусѣли
 На Выдумѣ*)
 До корчмы вступити.

А тамъ сообъ
 По три деши
 Дати розказали,
 Якъ выпили,
 Та они ся
 Домовъ поберали.

Корчмарь скричалъ:
 „Не можете
 Отъ тале геть идти!

ДРУГИЕ НАРОДЫ — А МЫ.

(Отрывокъ «изъ Пѣснь дьяка»).

Разумъ допомагати
 Нашей людской силѣ,
 Маме прикладъ въ книгахъ,
 Плугахъ, косахъ, пилѣ.
 Съ клиномъ и найтвердне
 Дерова стинаме,
 Тверду землю съ плугомъ
 Легко борыкаме.
 Коса косить зерно,
 Голить траву съ луки,
 Пила перерѣже
 И найтвердши суки.

*) „Выдумомо“ называли давнюю корчму при до-
 ровѣ между В. Оранкомъ и П. Мирошовомъ

Ужъ разумъ вынашолъ
 Чудесны машины,
 Суть паровы возы,
 Корабли и млины.

Французы и таки
 Ужъ приправы знаютъ,
 Же съ одной крашны
 До другой лѣтають.
 Справятъ легку хилку,
 До ней посѣдають,
 Въ той хилкѣ въ новѣтрѣ,
 Якъ птахы лѣтають.

Проевѣщенный разумъ
 Барзъ далеко сягати:
 Огонь, вода, нара
 По сто возовъ тягати.
 Барзъ чудесны рѣчи
 Люде вымудрують,
 На сто миль по дрогахъ
 Съ собовъ бесѣдують.

Мудры люде себѣ
 Облегчаютъ працы,
 Мы про глупость нашу
 Простаци, жебраци.
 А мы добры люде!
 Что мы вымысляемъ?
 Кедь есть дакій крайцарь,
 Якъ проити маемъ.
 Якъ едны на другихъ
 Маемъ подводити,
 А жебы ся при томъ,
 Палѣнки нанити.

Где ся гнѣть человеце,
 Веляды давай нити,
 Несчастлива палѣнка
 Веляды должна бити.
 При свресинахъ, свальбахъ,
 Крестинахъ, погребѣ,
 Паленка единѣ

Намъ есть на потребѣ.

Родиче барзъ сирости.

Что научать дѣти?

Бы знали, якъ они,

Палоночку шти.

Они суть неукы,

Дѣти не научать,

А прѣто ся люде

Непрестанно мучать.

И будуща всегда

Трангити, мучити,

Докля свои дѣти

Не дадутъ ушити.

Декогря родиче

Звыкли новѣдати,

Же до школы дѣти

Не будутъ давати.

Кѣдъ лянью неукій,

Най ся свѣтъ не ушитъ,

Най оставе спросиль,

Най ся трангитъ, мучитъ.

Якъ бы ся научилъ

Читати, писати,

Та бы укъ не хотѣлъ

Тяжко працувати.

Хотѣлъ бы выгодно

Вес на свѣтѣ жити

Читати, писати --

А ничъ не робити.

Съ читаня, писаня,

Якій хосень буде?

Кѣдъ на хлѣбъ робити

Перестанутъ люде.

А кѣдъ не будеме

Орати, сѣяти

Учене мудерство

Должно перестати.

Нацерь, церо тшита,

Хлѣба намъ не дадутъ,

Безъ плуга, безъ косы

Народы пропадутъ.

Земля наша книга,

Вшиткихъ людей мати,

Съ плугами по земли

Должны мы писати.

А пакъ тое письмо

Зерномъ посѣпати,

Съ косою косити

А въ снопы вязати.

Луки покосити

И запрячи волю,

А возити зерно,

Пашу до стодолы.

А пакъ взяти цѣпы

Зерно молотити,

А съ того мудерства

Будутъ люде жити.

Выживность намъ вшиткимъ

Давать земля мати,

А учмесе землю

Маму познавати.

Каждый мудрый человекъ

За правду узнавать,

Же вшиткимъ выживность

Земля намъ подавать.

По при земскихъ працахъ

Кто матъ свѣтлы очи,

Все лѣшше, якъ сиростыѣ.

Знать собѣ помочи.

Орудя мудры

Люде вымысляютъ

Працы земледѣлцевъ

Тыми облегчаютъ.

Съ добрымъ плугомъ землю

Легко поорати,

Съ добрымъ серпомъ легко

Траву, зерно жати.

Добру косу добръ

Треба выклепати,

Та буде легонько
Траву, зерно брати.
 Кто ся вшелякнихъ
 Способовъ научитъ,
 Доразъ меньше робитъ,
 А меньше ся мучитъ.
Тамъ гдѣ ужъ развитый
Люде разумъ мають,
При каждой работѣ
Себѣ помагють.
 Легче собѣ жить,
 Безъ труда, безъ працы
 А мы ся тратимъ
 Сиротаца, бортани.
Мудры вшеляки
Чачка выдумють,
Бортакамъ за драги
Гроши продавають.
 Позерайме вьяды,
 Гдѣ нѣмцы бывають:
 Якъ они съ разума
 Хосень вьяти знаютъ.
Львихъ мають майстровъ,
Яки красны статки,
Велики богатства,
Во вшиткомъ достатки.
 Нѣмцы ся о розумъ,
 О школахъ старають,
 Читати, писати,
 Разувати знаютъ.
Свои дѣти дають
Во школахъ учити,
Прото не мучатся
Такъ якъ мы мучити.
 Мають стагокъ, гроши,
 Домы якъ палаты,
 Хлѣба до сытости,
 Чисты красны шматы.
Неле уль ся люде

Разъ оиамятайме,
Милы наши дѣти
До школы давайме.
 Наши дѣти мають
 Чудесны схощности,
 Лемъ же суть нахильны
 Канку къ лѣнвости.
Але кебы разумъ
Во школы розвили,
Геть бы прилѣжливши
Наши дѣти были.
 Други выдумють
 Вшеляки дива,
 Пушта перелогомъ
 Лежати наша шѣба.
Ахъ кебы мы нашу
Ниву обрабляли,
Мы бы ужиточны
Свѣту плоды дали.
 Но мы оставаме
 Въ слѣпотѣ сиростости,
 Якъ бы вымерли въ насъ
 Природны схощности.
Жіеме, якъ кебы
Небо осудило,
А бы намъ мудрости
Солнце не свѣтило.
 Единъ про нашу
 Недбалость слѣпоту,
 Скунуеме вьяды
 Вѣду, нужду, цѣоту.
Доля не зачине
Розумъ розвивати,
Такъ мы непрестанно
Будеме капати.
 БѢДА МАКОВИЦЫ.
Бѣдна, бѣдна Маковица,
Во сиротами вѣдѣвица,

Несчастлива вдова мати,
Трудно дѣточки ховати
 Во што дѣти зарабатють,
 Опекуны розхватають.....
 Ахъ бѣда, бѣда ту жити.
 Тыхъ опекуновъ кормити.
Ужъ ани сами не знаме
Колько опекуновъ маме,
Во што — день приходять новы —
Завертають намъ головы.
 Каждый розказы выдае —
 Теремтегать, грѣшитъ, лае —
 Што — разъ вещей вымагають.
 Новы дачи накладають.
Земли мало — што выдавать —
Хлѣба каждый ровъ не ставать —
Треба намъ хлѣбъ купувати,
А гроши иѣтъ откалаъ взяти.
 На податки превелики
 Ишли гроши зъ Америки,
 Але ужъ переставаютъ —
 Людкове барзъ ся старають.
Докля въ селѣ гроши были,
Вдны другимъ помичили.
Та и хлѣба докупили
И податки выматили.
 Што же теперь чинити.....
 Иѣтъ где гроши помичити,
 Маковица оуцена,
 Плаче, вздыхать розжалена —
 Дѣточки ей охабляють,
 Пречь за море утѣкають.
Опекуновъ дуже маме
Якъ же мы ихъ вытривае?
Каждый хоче гоино жити.
А парадно ся одѣти —
Прото мусить мудрувати
Якбы-где гроши вырвати.
Што ся водить, мы видиме,

Но повѣдати не смѣме —
Во бы насъ до права дали,
А мы бы истно програли —
Ишадаре бы насъ карали.

ДУМКА СЫНА МАКОВИЦЫ, ТАМЪ ЗА МОРЕМЪ ВЪ АМЕРИЦѢ.

Мой отецъ и мати горенько плакали,
Коли въ Америку мене выираавляли.
— Чоже стары люде мы теперь почине,
Кедь нашего сына за море пошлеме?
Буде на насъ бѣда, бѣда превелика,
А чей намъ помочь дастъ тотъ Америка
Что маме чинити, земъ ты выправити!
Мы мусиме дажде гроши помичити.
Треба буде лихву велику давати,
Во жидъ отъ 100 златыхъ, оуде 30 орати.
И кумъ бы намъ може гроши помичили,
Кебы мы кумови дуку заставили.
Но кумъ схотить сѣбно и отаву взяти,
Та иже будеме худобу ховати?
Випелѣвъ родиче тогда размышляли,
Якъ до Америки мене выираавляли,
Теплыми слезами поблагословили.
Родиче обѣдуютъ ту на Маковицѣ,
Блудный сынъ гоинуе тамъ по Америцѣ
Засмученый отецъ, розжалена мати
Не можуть отъ сына ишема ся дождати
Сынови сумлѣня починать шептати:
Человѣче малъ бысь Бога въ сердцу мати
Ой покайся, покай грѣбинный человекче!
Отъ тебе помочи чекають родиче.
 Я русскій сынъ Маковицы
 Роскошную въ Америцѣ,
 Что чрезъ тыждень заираую,
 Та въ недѣлю прогаиую.
 Я паробѣтъ не женатый,
 Не треба ми ся старати,
 Най тамъ тоны ся старають,

Котры жены, дѣти мають,
Мнѣ не треба ся старати,
Най старатся отець, мати,
Жебы доньки отдавали,
А мѣ орекъ догримали.
Ту други центы складають,
Свой заробокъ откладають,
О родичахъ памятають,
Намъ что могутъ, посылають.
Но и я малъ бы думати,
Же стареныи отець, мати
Ужъ не старчатъ працювати,
И должень имъ помагати.
Но най газдують, якъ знають,
Корову, овчата мають,
Можуть худобу продати,
А податки оплачати.
Не могу имъ послати,
Бо ми треба кувовати:
Калаши, камнели и шаты,
Родинку и ланцюкъ златый,
Я ту жию безъ старости,
Уживамъ грѣшны радости,
Съ найтанамъ поѣдаме,
Пошиваме, карты граме,
Такъ то мы ту газдуеме,
Весело собѣ жиѣме,
Карты граме, пошиваме,
А еденть-другого кламе.
И такъ идутъ дни за днями,
Мѣсяци за мѣсяцами,
Тяжко зароблены гроши,
Мы мариме на роскоши.
И такъ зароблены гроши
Идутъ на грѣшны роскоши,
Кебы здравя намъ служило,
Ту бы намъ ся добръ жило.
Стигне человекъ похворѣти,
И не буде могъ робити,
Та тогда чтоже почати?

Ириде съ голоду сканати.
Можно до калѣца прійти,
Руку, ногу угралити;
А то все може ся стати,
О томъ бы мнѣ подумати.
Эй! ужъ бы мѣ розумѣ мати,
Часъ ужъ ми ся покаяти,
Кедь такъ блудно буду жити,
На всю ганьбу мушу прійти.
Завочну розумно жити,
Не буду гроши марити,
Буду ся условати,
Центы ко центамъ складати.
Ахъ тамъ бѣдныи отець, мати
Ждутъ, не можуть ся дождати,
О нихъ я вцалѣ забывамъ,
Не пишу имъ, не посыламъ.
Тяжелько мене ховали,
Помоги ся надѣяли,
Теперь бѣдныя въ старости.
Весь помочи, безъ радости.
Родители любви, милы,
Про мене ся задолжили,
Неогують на Маконицѣ,
И койную въ Америцѣ.
Пашину мамѣ пашьови,
Жемъ обернулся къ Богови,
Буду красно ихъ просити,
Най рачатъ ми пребачити.
Кои мя ту выправили,
200 златахъ пожичили,
Бѣдны, не могутъ вергати,
А жидь не буде ихъ ждати.
Стигне жидь орекъ продати,
Пронлачутъ мя отець мати,
До смерти будуть плакати,
Тому буду виноватый.
Буду ся условати
Во дни и ночи працювати,

А пошло гроши паницови,
Жебы вернули жидови.
Наши люде приплы съ краю,
Ту намъ того новѣдаютъ,
Же тамъ у Вышнемъ Свиднику
Шмайда дзидъ про Америку
Такъ сталося во Свиднику,
Же про тоту Америку
Оректъ отъ Шмайды отняли,
А Рѣфъ Монкови продали.
Землю в хинку продали,
Ваця Шмайду пречъ выгнали,
Тенерь Ева мужа своего
Водить жебрака слѣного.
Ходять, плачуть, наръкають,
Дѣвку Марю проклинають,
Во покличы гроши взяла
А вернути обѣдала.
О Марѣ пичъ не слыхати,
Про не плаче отецъ, мати:
Вацьо слѣпый, Ева хрома,
Шѣтъ орека, ши дома.
Такъ про тоту Америку,
Терягъ пужду превелнку,
Ужъ ниго имъ не споможе,
Змилуйся надъ ними Боже!
Ахъ, страхъ о томъ подумати,
Же про денку отецъ, мати
Па старость мусягъ жебрати,
По людскихъ домахъ клонкати.
Я хоцу ся покаяти!
Боже рачъ помилувати!
Отвори моей души очи,
Боже будь ми на помочи!
Дай ми правду познавати,
Твою волю выполняти:
Честно богобойно жити,
Родителей утѣшити.

(Свидникъ, 1892.)

СИРОТКА СЛУЖНИЦА.

I.

Старамъ я си старамъ
Такъ во дни, якъ въ ночи,
Слезы обливають
Сиротински очи.
Паничку, паничку!
Мамичко, мамичко!
Подте повтерати
Отъ слезъ мое личко!
Придте повтерати,
Къ сердцу притулити,
Мене засмучену
Придте потѣшити.
Отъ маленька мушу
Едностаѣ служити,
А не можу пиякъ
Газдомъ выгудити.
Хоць якъ вѣрно буду
Служити, робити,
Все причину пайдуть
Мене поганити.
Газдове, газдыгъ
Не робте ми кривду!
Вы мате дѣточки —
Богъ знатъ на што выйдуть.
Може ся такъ стати,
Же и ваши дѣти.
Такъ якъ я сирота
Тѣлѣ будутъ служити.
Газдыньо, газдыньо!
Ци вы ужъ забыли,
Якъ вы ся трапили,
Коли 'сте служили?
Хоць вы якъ-найльпше
Газдомъ выгаждали,
Васъ неразь газдыня

Може побухали.

Принюсїте собѣ,
Якъ вагъ тогды было, —
Ахъ кривду терпѣти,
Никому не мило!

II.

СВАДЬБА ЕН.

Ужъ два тыжднѣ — дѣвки
Весело ладкають,
Своей товаришкы
Имя вспоминають.

Такъ дома, якъ въ полю
Собѣрають весело,
И такъ о свадьбѣ ся
Дознають цѣле село.

Отець честный газда
Женить своего сына,
Ужъ съ молодымъ староста
Иде и дружина.

Василь собѣ возме
За жену дѣвочку,
Не даку богату,
Але сироточку.

Она отъ маленька
По службахъ ходила,
Газдомъ и газдянямъ
Все вѣрно служила.

Всядїй где служила,
Хвалили сироту,
Же знала досуду
Газдовску роботу.

ПѢСНЬ СИРОТЫ.

Презалосно сѣввамъ
Слезамъ ся вмывамъ,
Неотный, бѣдный хлопецъ,
Не жїе мой отецъ

Бѣдна, неотна мати
Муситея старати,
Тыжко працувати,
Сироты ховати.

Ахъ мамъ я причину
Горенько плакати.
Мои прегорешки
Слезы розливати.

Плачь надомновъ поле!
Плачте лѣсь, горы!
Бо не мамъ плящика,
Любезной подиоры.

Обыети цуете.....

Кто же го прикрїе? —

Ужъ съ насъ лєтѣть зимати.....

Ктожъ насъ прїодѣ?

Кто же намъ пооре,

Посѣ, покосить?

Ахъ кто намъ на зиму

Домой дровъ навозить?

Всядї отъ насъ просѣть,

Откале же взяти? —

Хнбаль ужъ остатню

Корову продати.

Боже отче съ неба,

Рачъ на насъ позрѣти!

На бѣдну вдовицу

И на трое дѣти.

Ахъ змилуйся Боже,

Змилуйся надъ нами!

Помагай ховати

Три сироты мамѣ!

Люде — братя, сестры

Милосерди майте,

Погинути бѣднымъ

Сиротамъ не дайте.

Бо и вы смертелны,

Можете померти.

А можуть остати

Сироты по смерти.
Не плачте мамонько,
Же насъ дѣти мате,
Ачей ся радости
Вы съ насъ дочекате.

Читати дивсати,
Рахувати знаме,
Мы собѣ во свѣтѣ
Даконь рады даме.

Будеме статочно
Жити, працювати,
А насъ любя мамко
На старость ховати.
Маме здравый розумъ,
А кеди подроснеме,
Даконь съ розума
Ужитокъ возьме.

Что --- кольвекъ не маме,
Може намъ Богъ дати,
И другимъ можеме
Ини помагати.

ВЕСЕННЯЯ ЖУРА.

Ужъ зрѣ пришла, люде вышли орати,
Орють, мають свое зерно сѣяти.
О Боже мой! ахъ я немамъ ничего!
Ани плуса, ани зерна своего.
Свои землѣ люде будутъ орати,
Мои емушки будутъ пусто стояти. —
Мамъ я кума, человека барзъ доброго,
Пойду красно попросити я его.
«Змилуйтесея, прошу я васъ кумичку!
Ахъ зворите мѣ хоць лемъ одну земличку.»
Знамъ же прїїде кумъ земличку зворати,
О зеренце муну ся постарати.
Кумцо зворе. — што же буду сѣяти?
Отъ кого же зеренця бы достати?
Эй буду я наша отца благати,
Они видели помощь бѣднымъ давати.

Вецей бѣдныхъ, якъ богатыхъ на свѣтѣ,
Хоць якъ тяжело намъ бѣднымъ людемъ жити
Але прото не маме мы збуфати,
Просьме Бога, Богъ насъ рачитъ жегнати.

ДУМКИ НАЦЪ КОЛЫСКОЮ.

Ей колынеся колынь, колысочко сама,
Тебе колысати, я ужъ зунувала.
Ахъ! тяженько бѣдна мати ховать дробны дѣти,
Свои дѣти непрестанно должка сокотити:
Не лишъ во дни, но и ночью всегда дозирати, —
Окунати, повивати, дати имъ грудь сеати.

о. Александръ Духовичъ.
авторъ пѣсни -- Я Русинъ есьмъ и буду.

Сумная исторія.

I

— Гей, Анцю, что съ тобою, ходи же разъ до хаты!

— Что вамъ, мамо, и постояти не дасте съ нѣкимъ; уже и житье обридло при васъ, --- отгрызалася Анця дочка Лешка и Варвары Когутовъ.

Лешко былъ честный, тверезый, но не грамотный работникъ. Онъ мало занимался домовыми дѣлами, складаячи всѣ заботы о нихъ на свою жену, Варвару. Дѣтей у нихъ больше не было, кромѣ одиночки Анны. Красавица, какъ кровь съ молокомъ. Анна въ шестнадцатомъ роцѣ своей молодой жизни известна была изъ того, что пренебрегала отцемъ и матерью, и за ничъ ихъ не мама. Мати пестила свою доню, леліяла, свѣта Божого за нею не видѣла, а доця, привыкну до материнской поблажливости, гуляла по вечерамъ, заводила безпознательны знакомства, водилася зъ леда кѣмъ, а на всѣ материнскіи перестороги отвѣчала коротко:

— Вамъ, мамо, ничего до мене; я знаю, что роблю!

Неразъ горько заплакала старая Варвара; болѣло бо сердце матери надъ невдячностію одиночки-дочки, якую она такъ дуже любила, а въ замѣну за тое получала доказательства крайняго неуваженія изъ стороны своей родной дитины. Но передъ мужемъ все она тое таила; не то, чтобы боялася ему все рѣзказати, а больше по той причинѣ, что не хотѣла его грызти, знаячи, что и такъ онъ имѣлъ много турботы въ своей фабрицѣ. И такъ шили дни за днями, уходили, какъ тая тихая вода, что тече лѣпно, но постоянно.

II.

Велика гостина въ домѣ нашего Лешка. Прійшли старосты до Анны отъ хорошого, молодого Романа, який имѣлъ свой шторъ въ сусѣдномъ мѣстечку. Анна согласилася выйти за него, и радость изъ домѣ была велика, бо чи-жъ не радова-

тися отцу и матери, коли Богъ шлетъ для ихъ дитины хорошую долю. И такъ рѣшено было, что за два мѣсяцѣ отбудется весѣлье.

Въ нѣсколько дней позднѣйше, Анна исчезла изъ дому, и не было ей нѣльхъ три дни. Мало изъ ума не сойшли. Варвара, не знаячи, что могло приключитися ей донечцѣ, закуреныи ходилъ и старый Лешко. Уже хотѣли дати знати въ полицію, коли поздно ночью третьего дня Анна вернула до дому.

— А где-жъ ты, доню, была, — пыталася старая мати, но не дождалася нѣякого отвѣта. Она не промовила ни одного слова, и лягла спати, иначе бы ничего не приключилося.

И снова пошшли дни за днями, съ каждою годиною ближе до весѣлья. Стараеця Варвара, купуетъ приданое для доньки, вытягаетъ изъ банка гроши. Хочетъ по Божему спорядити свою одиночку подъ честный вѣнецъ. А сама чогось ходитъ беспокойна, бо что-то злого влѣнуеть ей душа.

III.

Заграли музыки; хлѣбомъ, солью, свитыми образами блапредвчасной смерти отца и горько оплаковала свой нерозумъ. щеникъ повѣнчалъ по Божему, по христіански. Вернили до дому, и всѣ засѣли за свадебный столъ; гостей собралася полная хата, прійшли свояки, сосѣды, и чужихъ собралося не мало; звычайно каждый радъ повеселитися и потѣшити радостію молодятъ.

Наразъ сдѣлалось замѣшанье. Въ хату вошли три полнсмены, а съ ними який-то молодой таліанъ. Коли Анна увидѣла его, она страшно поблѣдла, и о мало что не упала въ обморокъ. Одинъ изъ полицменовъ запытался о Анну, а коли ему ей показали, вытягнувъ який-то паверъ изъ кармапа, и отчиталъ судебный приказъ, силою якого Анну Когутъ слѣдуетъ взяти до вязницъ за — двоеженство.

Не помогли слезы отца и матери. Анну забрали таки въ вѣнчалномъ платью до суду, а такъ въ тюрьму. Гости разбѣглися; остался только несчастный Романъ и о ничомъ несвѣдомы родичи. Романъ побѣгъ до адвоката и съ нимъ пой-

шоль до суду, где дознался о сумной правдѣ.

А именно имъ сказали, что Анна пару недѣль тому назадъ отдалася потайки за одного италіянца, зъ якимъ познакомилася на танцяхъ, и якій до той степени завернулъ ей голову, что нерозумная дѣвчина таки другого дня, не кажучи о томъ никому въ дома ни слова, пошла съ нимъ по лайсенсъ а потомъ до скваера, где они повѣнчались послѣ цивильного закона.

Но уже першого дня всоельного пожитья съ италіянцомъ было довольно, чтобы пересвѣдчитися дурной дѣвочкѣ, якъ нерозумно она поступила. А третьего дня она покинула своего молодого мужа—неробу, и вернула до родичей, якимъ ни однимъ словомъ не сказала о своемъ поступку. И такъ молчала она о томъ ажъ до самого вѣнчанія съ Романомъ, не знаячи, якій страшный пополняетъ злочинъ супротивъ закона. Италіянецъ дознавшись, что она повѣнчалася съ другимъ, взялъ на шо вариантъ и такъ несчастная Анна опинилася въ тюрьмѣ.

IV.

Заходямъ адвоката и при помочи грешей Романа, Анну удалось взяти на поруку изъ тюрьмы на свободу и другого дня она вернула до дому. Но въ дома застала старого отца уже при смерти. Не могъ онъ перенести цѣлого тягару того несчастья и упалъ, якъ косою подтятый на ложе, изъ которого не имѣлъ силы двинутися.

Прійшла Анна до умирающого отца и горячими слезами жалю стала обмывати его руки. Прійшоль священникъ, напутствовалъ умирающого, сказалъ слово утѣшенія всѣмъ присутствующимъ, а вечеромъ того дня церковный дзвонъ сталъ молитися о душѣ бѣднаго нашего Ленка.

V.

И якъ окончилася цѣлая тая «сумная исторія»? Окончилась она такъ, что таліянь за пару сотокъ долларовъ, на якіи сложилися Варвара и Романъ, утѣкъ изъ той мѣстцевости и

не явился на судъ. И такъ Анну оправдали, но цѣлый годъ мушля она ждати, пока судъ не далъ ей разводъ отъ першого мужа. Но въ конци получила она и тое.

Не тая то уже Анна. Она споважнѣла, стала роботяща, шанувала старую матеръ; изъ дома, кромѣ церкви и за конечнымъ дѣломъ, ни ногою не ступить. Она виновала себе въ предвчасной смерти отца и горько оплаковала сво йнерозумъ.

А Романъ? Онъ видѣлъ розкаяніея Анны и ей поправу. И онъ простилъ ей все, и по полученію нею развода, повѣнчалася съ нею на кортѣ, такъ, якъ церковное вѣнчаніе уже было.

Они жиють счастливо и старая Варвара при нихъ. Только смутокъ всегда на лицахъ ихъ: они непаче бы видѣли передъ собою блѣдное лице старого Ленка, якого нерозумъ дочки-одиначки загналъ въ могилу.

VI.

Вотъ простая, нескладная исторія, по просту розказанная. Что она основана на правдѣ, того не треба и доказовати; вся она взята изъ буденной нашей жизни. И нехай исторія тая будетъ перестереженіемъ для родичей и дѣтей, нехай они памятають на четвертую заповѣдь Божию, яка обовязуетъ такъ родичей, якъ и дѣтей.

Свящ. І. Я. Луцькь.

иеромонахъ І. Я. Луцкѣ.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ РУССКОЙ РОДИНЫ

Якъ умиралъ небожникъ тато, то наказовали намъ, дѣтямъ своимъ:

— Памятайте, что вы русскаго рода! Не продавайте народной чести за всѣ скарбы свѣта. Мы бѣдны но и богаты; бѣдны въ хлѣбецъ и потребности тѣла, але богаты пашою душою русскою!

Такъ учили насъ покойный тато, и съ тѣмъ отдали Богу свою чистую, русскую, православную душу.

* * *

Три сыны остались по покойномъ Иванѣ Хлѣбови. Найстаршему было всего дванадцать лѣтъ. Его звали Михаиломъ, середній Лесь имѣлъ девять лѣтъ, а наймолодній Грицуно вaledво шесть лѣтъ. Остала еще и донька, Марта, лѣтъ дванадцать.

Плачеть и побивается Иваниха; остала вдовою, дѣточокъ четверо, а тутъ нужда лѣзеть и дверми и окнами и коминомъ въ хату. Что робити и что почати; ни порады, ни помощи отъ никого.

Но не оставилъ Господь безталанныхъ; бо где нужда наибольша, тамъ помочь Божая наиблизша. Въ бѣдѣ и горю, но жили они якость, хотяи въ голодѣ, но ховалися здоровы и красивы.

Минулъ годъ и другій. Михаилъ сталъ за наймита у богатаго газды, Федоряка. Марта выросла на красивую дѣвочку, она тиха и побожна и примѣрна на цѣлое село.

Лесь учился въ школѣ, якъ не можъ лучше, и за стараниемъ отца духовнаго его приняли въ Львовѣ въ бурсу. А по трехъ лѣтахъ и Грицуно поишолъ за нимъ въ школу, и Иваниха радѣе, тѣшится, что вотъ два сыны выйдутъ на людей, и колись, дасть Богъ, помогутъ и другимъ дѣтямъ и на ню не забудутъ.

Марта отдалася таки въ селѣ и то за хорошаго, досить зажиточнаго молодца. Они жили по божому и Богъ благословилъ ихъ достаткомъ и хорошимъ мальчикомъ, якого при св. Крещенію назвали въ память покойнаго дѣда, Иваномъ.

Настала война. Сворушилось село, то было еще передъ мобилизаціею; но скоро ирѣишли жандармы и стали газдовати по «австріячки». Михаила взяли до войска, Мартинога муча замкнули въ арештъ а послѣ погнали въ Талергофъ. — Плаче несчастная Марта, побивается и Иваниха, бо изъ Львова нѣтъ вѣдомости, что дѣется зъ ей двома сынами.

И ишли мѣсяцы за мѣсяцами, полны страху и болю и слезь, и холода, и голода. Сторѣло пѣлое село, въ земли живутъ якъ звѣры; люди мрутъ, маленькіи дѣти зъ голоду пухнуть и отцы и матери ихъ.

А при томъ приходятъ вѣдомости, что весь свѣтъ загорѣлся пламенемъ братоубійственной войны, что десятки миллионъ солдатъ станули противъ себе; что рѣками и озерами льется людская, теплая, живая кровь, что миллионы мирнаго населенія гибнутъ изъ нужды.

И каждый день все гяжше становится; и все больше и больше страдаютъ всѣ и тоты, что стали битися, и тоты, что остали въ вынищенномъ, пустомъ и голодномъ родномъ гнѣздѣ.

* * *

Напослѣдъ ирѣишло письмо отъ Михаила. Пишетъ, что онъ въ Россіи, въ плѣну, и что здоровый и трудится въ далекой Сибири. Что не знаетъ, коли вернетъ до дому, бо въ Россіи революція и нѣтъ надежды, чтобы скоро насталь миръ Божій въ той то, когда то преславной колибели русскаго народа.

— Нехай васъ Господь Богъ масть въ своей оиѣкѣ, — такъ писалъ Михаилъ, — и Его святая Рука нехай кормить васъ. Я проживаю тутъ въ горю и жало за вами, пока Господь не позволитъ менѣ вернуги до васъ на новое житье». Еще вспоминалъ о братьяхъ чи есть отъ нихъ вѣдомость.

* * *

Въ Ростовѣ надъ Дономъ, тысячи русскихъ бѣженцевъ, сыновъ несчастной Галицкой области. Между ними и оба, молодшіи сыны Иванихи, Лесь и Грицуно. Оба они были зачаты въ плѣнъ разомъ съ многими, и выброшены изъ родной земли и гнѣзда, тутъ, хотяи середь своихъ, въ искони русскаго земли, бѣдуютъ и ледво, что голодомъ не помираютъ.

Оба они наконецъ поступили въ русскую, бѣлую добровольческую армію, оба дѣлили труды ей и побѣды, а потомъ и невзгоды и пораженія. Оба были извѣстны изъ своей храбрости и изъ русскаго духа, який проявлялся въ каждомъ ихъ подвигѣ, въ каждомъ крокѣ. Оба наконецъ передерлися въ далекую Сибирь и тутъ, чудеснымъ образомъ встрѣтились съ своимъ найстаршимъ братомъ — Михайломъ.

А тамъ, въ Талергофѣ, съ тысячами другихъ, мучился мужъ несчастной Марты. Перейшолъ голодовой тифъ, и Богъ чудомъ спасъ его отъ смерти. Терпѣлъ нечувуаны муки и издѣванія отъ звѣрей-сторожей того живого гроба-тюрьмы, молился Богу и ждалъ Его святой воли.

Все мае свой конецъ. Прійшолъ конепъ и войнкъ. Раздѣлася плюгава Австрія, но родная наша Галиція попалася подъ еще лютѣйшее ярмо, — подъ Польшу. Вернули наши узники изъ Талергофа, вернулъ и мужъ Марты, вернулъ на половину живой, обезсиленный, но слава Богу, что вернулъ.

Побудовали они маленькую хатинку; жиють, недоѣдаютъ, въ холодѣ и печали, та и за тое дякують Богу, за Его милосердіе. А то многіи не вернули совсѣмъ. Одни сложили на поляхъ битвы свои головы, другіи опять подъ соснами Талергофа. Имена же ихъ вѣсть Господь милостивый.

* * *

Нѣтъ вѣдомостей о трехъ сынахъ Иванихи. Идутъ мѣсяцы и годы, а отъ нихъ ни слова. Не знаютъ, якъ за нихъ молитися, чи о здоровьи, чи поминати души ихъ, яко усопшихъ. Сгорбилася отъ жалю и грызоты Иваниха, стара стала, предвчасно побѣлѣла ей голова. И только одна ей розрада, то тихая, неустанная молитва о сынахъ своихъ.

Приближилось Рождество Христово. Въ самъ святыи Вечерь, поставила Иваниха свѣчку въ церкви по душѣ своего мужа Ивана и во благо своихъ трехъ соколовъ: Михаила, Леся и Грицуня.

Засѣли всѣ до бѣдной Святой Вечери. Наразъ песь началъ брехати.

— Выйди, но, Марта, поглянь, чи не до насъ то ктось идетъ.

Не успѣла Марта встати изъ-за стола, якъ наразъ открылися двери и на порозѣ станули всѣ три, такъ долго ожиданы, такъ широ желаны сыны.

Была то тамъ правдивая радость и счастье и веселіе. До вчасного ранка, до першого звона розказовали три бѣженцы о своихъ страданіяхъ, о судьбахъ, якъ пѣшкомъ долги мѣсяцы ишли они, перекрадалися до дому.

И ракомъ всѣ они, цѣлы и счастливы, молилися въ бѣдной церкви о душѣ покойного отца Ивана, и о душахъ всѣхъ, який погибли за святую, православную вѣру и за единство святой Руси.

* * *

Не тутъ конецъ разказа нашего. До тижднн обохъ ихъ, Леся и Грицуня, насильно взяли въ польскую армію. Въ ночи напали на хату и спячихъ побудили и повели зъ собою.

Михайлъ остался на грунтѣ. Но въ два мѣсяцы его увязнили, яко подозрѣлого о «большевизмѣ» и замкнули въ тюрьму въ Краковѣ. Тутъ мучился онъ больше годъ, пока его безъ суда не пустили до дому.

Онъ продалъ грунтъ и переселился въ Чехію, где до нынѣ проживаетъ съ старою матерью.

Изъ двоихъ другихъ ей сыновъ, старшій утѣкъ изъ польской арміи, и нынѣ блукается свѣтомъ, шукаеть куска хлѣба и лучшей доли. Грицунъ же поѣхалъ въ Америку и тутъ робить въ майнѣ. Позабылъ на тѣи надежды, який поклала старая мать на его науку, спознали, что ручныи трудъ нынѣ, то найпевнѣйшій путь до куска хлѣба.

Марта съ челоукомъ и дѣтьми горюють въ ляпкой неволи и дальше.

Якъ вѣтеръ полову, такъ розвѣяла судьба родину старого, покойного Ивана. На всѣ страны розбѣглися они, и мучить ихъ одинъ жалъ, одна туга за несчастнымъ роднымъ гнѣздомъ.

Но свято сохранили они завѣтъ умирающего отца. Они памятають, что они русскаго роду. И за скарбы свѣта они не спродадуть русскаго, народнаго чести.

Но сколько такихъ, який спродали ей за пошонку табакки. Сколько то есть такихъ, який отреклися своего русскаго имени и роду и чести и пошли врагамъ на службу?

Богъ имъ судія. У Него мненіе, судъ и кара.

РОДЪ БЕСКИДОВЪ.

Кто знает о Карнатахъ, тотъ знаетъ и о Бескидахъ, а кто слышалъ что-нибудь о нашей Карпатской Руси, тотъ слышалъ и о родѣ Бескидовъ.

Др. Антонъ Бескидь

Теперешній губернаторъ Подкарпатской Руси, Антонъ Григорьевичъ, происходить изъ того славного, твердоруесского рода Бескидовъ.

Бескиды уроженцы самой западной части Карпатской Руси, нашей Лемковщины, Бескиды лемки.

И коли уже здавалось, что мадьяре совершенно сотрутъ въ Карнатахъ русскую вѣру и русское слово, Бескиды подносятъ голосъ, который слышала гѣла Еврона. Мараморонь-Сигетского процесса, коли мадьяре хотѣли удушить остатки русской мысли у карпаторуесского народа, Антонъ Бескидь, тогда посолъ мадьярского сейма, поднесъ громкій протестъ въ сеймѣ, хотя находился межъ мадьярами, якъ пророкъ Даниилъ межъ львами.

Надобнола то заслуга Антона Бескиды передъ карпаторуескимъ народомъ и того Ему нашъ народъ школы не забудеть.

Мы не сомнѣваемся, что Антонъ Бескидь и яко губернаторъ много пользы припесъ бы для нашего краю, но руки его такъ связаны чешскимъ правительствомъ, что Онъ не можетъ перевести своихъ плановъ для добра Подкарпатской Руси. Мы тое видимъ и усравадимъ-вляемъ.

Свизъ Михаилъ Григорьевичъ Бескидь, приходившъ Луковский, шаринской столицы, благородна, чиста, честна русска душа. Великій народолобець и патриотъ, незнающій передъ властями ніякого страха въ защиту правъ русского народа. И не удивительно, что вся околица его любитъ и изъ далека приходять къ Нему за совѣтомъ.

Третій Бескидь, о. Александръ, приходившъ Легнавецкій недавно скончался. Помню, коли мадьяре были разбиты и покидали Карпатску Русь, я встрѣтилъ о. Александра въ Прашевѣ:

— Есть Богъ! Есть Справедливый Богъ! Не дасть насъ загубити!» съ радостью въ очахъ повторялъ о. Александръ.

У о. Александра въ наши каждый листокъ литературы, который когда-либо былъ напечатанъ въ Карпатской Руси, всема дорожать, что только Русью пахло.

Умеръ о. Александръ Бескидь Легнавецкій, умеръ спокойно, ибо дождался освобожденія своего народа изъ неволи мадьярскихъ пановъ.

Хочемъ еще сказать о Бескидахъ тое, что коли ниши наши карпаторуески интеллигенты черезъ признаніе мадьярской культуры на нашей русской земли отдалились отъ народа, то Бескиды всегда были близко народа, остались ему вѣрными, остались русскими демократами, остались живы. А тѣ, которые отдалились отъ народа, приняли мадьярскую культуру, стратили свизъ съ народомъ и закончили.

Дай Воже, чтобы молодіе поколѣнія Бескидовъ было славою нашей земли и нашего народа!

НИКОЛАЙ ГРОМОСЯКЪ

Старый Гедь забралъ нашей Лемковщицѣ заслуженного для ней сына, Николая Громосяка. Кто изъ васъ, дороги читатели, не слышалъ о Николаю Громосяку? Все мы или Его знаемъ лично, или слышали о Немъ. Кто былъ въ Крыницѣ, видѣлъ Николая Громосяка, кто слышалъ о Крыницѣ, слышалъ и о Громосяку.

Николай Громосякъ

Гостинный газда былъ небощикъ Николай. Двоухъ такихъ было въ Крыницѣ: Вл. п. о. Гавриилъ Гватышакъ и Николай Громосякъ. У отца Гватышака все были ворота открыты и все «гостыи»! Коли не своя родина, то чужа, коли не чужа, то своя. Уже такъ такъ, ягъ

то гварять, люде «звыдрилися», же приходили, якъ до своего дому. И коли бы то еще знакомы, але совсемъ незнакомы. Приходили руснаки, поляки и жида. Приходили велики панове, малы панове и подпанки и всемъ давали фети и вичи и то добре фети и добре вичи.

А коли о. Гватышака арестовали, то тоты поляки, которы у Него наибольше събли и выпили, наиболесвѣйные кричали: «Распи! Распи Его»...

Други ворота въ Крыницѣ, все створены, были у Николая Громосяка. Тамъ зась газдове сходилися съ околицы.

Где же вѣче, же собраніе на Лемковщицѣ, тамъ вы вегда видѣли Громосяка и вегда Николай Громосякъ правду говорилъ.

И за тоту правду пришло Му тяжко потерѣти: 3 лѣта тяжкой вязницы во Вѣдно, а послѣ, уже за Польши 6 мѣсяцевъ польской тюрьмы въ Санѣ. Но такъ изъ Вѣденского суда, якъ и санѣцко-го выполь старый Громосякъ съ честью, не выреси русского имени. Такъ въ Вѣдно нѣмцамъ якъ и въ Санѣ полякамъ говорилъ правду въ очи.

И погончиль Николай Громосякъ свое честие житья честною смертью на своемъ газдовствѣ въ Крыницѣ.

За Его труды на народномъ поли, за Его честну роботу для нашей Лемковщицы, най Ему Госнодь Богъ вознаградить.

Вѣчная Ему Память!

НАШИ ПРІЯТЕЛИ

«Не дай Боже грошей, а дай добрыхъ пріятелей» — говоритъ наша народна поговорка. Понятно, что поговорка тая вытворилася на опытъ. — Человекъ, что має вѣрныхъ пріятелей, есть спокойный або знаетъ, что въ случаю потребы, пріятель не опуститъ его. —

Какъ поодинокій человекъ, пріятелей має также цѣлый народъ. — Кто-же есть пріятелемъ русскаго народа?

— Тотъ, кто — сочувствуетъ и по возможности поддерживаетъ идеалы и стремленія русскаго народа, — кто помогаетъ русскому народу въ его культурномъ и политическомъ развитіи.

— А кто есть пріятелемъ русскаго народа на Лемковщинѣ?

— Той, кто не только признае русскимъ лемкамъ право на самоопредѣленность, но также допомагае имъ добитися самоопредѣленности — и воссоединитися съ русскимъ народомъ въ Россіи. — Той, кто заботитъ преемствителю работу на Лемковщинѣ, кто есть членомъ Лемковскаго Комитета, — одинокой организаціи, котора репрезентуетъ Лемковщину и несетъ ей матеріальну и моральну помощь.

Мы можемо повеличатися, что среди нашихъ людей — выходцевъ съ Лемковщины, же много такихъ сознательныхъ людей, якіи не пустыми словами а дѣлами несутъ помощь поработенной Лемковщинѣ и по возможности, прочинуютъ ей дорогу къ освобожденію изъ подъ чужой насильственной власти.

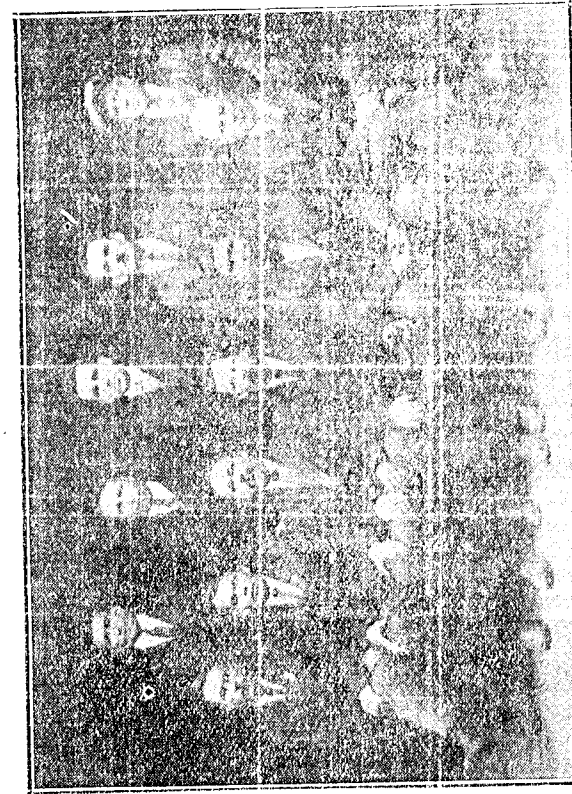
Приступаячи до изданія календаря «ЛЕМКО» на свободной американской землѣ, мы постановили умѣстити фотографіи тыхъ нашихъ выходцевъ съ Лемковщины, которы туть, по возможности своихъ силъ, обстоятельствъ и знаній, поддерживаютъ просвѣтительну работу на Лемковщинѣ, а также нашу лемковску организацію въ Америкѣ.

Въ томъ изданіи нашего Календаря помѣщаемъ нѣсколько нашихъ пріятелей, и ярыхъ защитниковъ Лемковщины, въ той надіи, что въ слѣд. Календарѣ «Лемко» на 1926, мы украсимъ большимъ количествомъ фотографій нашихъ передовыхъ людей.

ЧЛЕНЫ ОТДѢЛА ЛЕМКОВСКОГО КОМИТЕТА ВЪ В. ГАЗЛЕТОНЪ, ПА.

Мы, русскіи выходцы съ Лемковщины, въ Америкѣ не можемо повеличатися организаціоною работою на почвѣ просвѣтительной и политической.

Коліи другіи народы, что жиють разомъ съ нами мають туть великіи народны фонды съ якіхъ запомагають, всѣкіи народны дѣла и

Члены Отдѣла Лемковскаго Комитета въ В. Газлетонъ, Па. Въ первомъ ряду: Василь Сваражъ, Кофратъ Силкоба, Николай Силкоба, Тимко Коцуръ, Григорій Коцуръ и Колянъ Дубошчакъ. Въ другомъ ряду: Филимонъ Палавскій, Юзанъ Велешинъ, Михаилъ Пестовъ, Гедонъ Вацисъ, Ст. Силкоба.

туть и въ старомъ краю, то мы съ трудомъ составили малу организацію — Лемковскій Комитетъ, якіи по возможности запомагае народны дѣла русскаго народа не лемъ на Лемковщинѣ, но и въ другихъ частяхъ русской земли. — Благодаря дѣятельности Лемковскаго Комитета, вопросъ Лемковщины постепенно выдвигается на публичну арену.

Особенно слѣдуетъ зазначити, что русскіи люди съ Россіи, якіи перше почти ничего не знали за Лемковщину, теперь внимательно интересуются судьбой Лемковщины, и можна вѣрити, что той часъ недалекій, коли Россія скажетъ свое рѣшительное слово — въ дѣлѣ Лемковщины и допоможетъ ей освободитися спода власти поработителей.

Для достижения того, мы должны иметь сильную организацию и фонд, — должны иметь и свои газеты.

Къ созданию у насъ народна организациа иде тупо. — Сторганизованы отдѣлы Лемковскаго Комитета проявляютъ слабу дѣятельность.

Къ наибольшимъ дѣятельнымъ отдѣламъ Л. К. належитъ отдѣлъ въ В. Гавлетонъ. Члены того отдѣла все платятъ членскій мѣсячный взносъ изъ котораго оплачиваютъ для каждого члена «Лемковщину».

Лемковскій отдѣлъ во В. Гавлетонъ былъ сторганизованъ 1го Января 1923.

Першими урядниками отдѣла были: Илько Коцуръ — предсѣдатель, Филимонъ Наставеній — секретарь, Григорій Коцуръ — кассиеръ, Михаилъ Шостаъ и Стефанъ Скимба контролеры.

Отдѣлъ, хотѣи невеликій, но хорошо ведетъ организационну роботу и имеетъ свою кассу съ которой закупае народна дѣла.

ЭМИЛИЯНЪ ВАТРАЛЬ.

Кто читаетъ наши русскія американскія газеты, тотъ невольно встрѣчалъ среди жертвователями имя Эмилиана Ватраля. — Изъ такого благотворительнаго дѣла на которое бы г. Ватраль не зложилъ часть своихъ, тяжело заработанныхъ грошей. Онъ на каждый призывъ напечатанный въ газетахъ, сбѣгаетъ съ своею лептою. Присылалъ много разъ жертвы на наши бурымъ въ старомъ краю, — на Лемковскій фондъ, — поминку мученика Сандовича, — для вдовъ и сиротъ по нашимъ народнымъ мученикамъ и др.

Кто не знаетъ лично г. Ватраля, той читаячи ебъ чиселны жертвы, яки оглошаютъ

ся въ газетахъ, подумаетъ, что г. Ватраль богатый человекъ и для того мы тутъ въ короткости печатаемъ коротку биографию г. Ватраля, съ которой читатель переконается, что г. Ватраль то звичайный русскій работникъ, жнчмий изъ працѣ рукъ своихъ, а при томъ искренно любячий свой русскій народъ.

Прибывши до Америки въ 1890 г. Ватраль два роки робилъ въ желѣзныхъ фабрикахъ въ Интебургъ, Па., а затѣмъ 20 лѣтъ въ майнахъ. — Коли тяжка, небезнечна работа въ майнахъ надѣла старому майнерови, онъ поѣхалъ до Савтъ Дакоты и тамъ занялся до работы на фармахъ, где безъ перервы робилъ за 6 лѣтъ, — орали 7 конями плугомъ на три скибы, 6 конями боронили, 4-ма скибл. Девяти годими работи на фармахъ и безнечна праця заставили уже старого работника залинити фермерску роботу и еладати другой, лекной — и пашоль при желѣзной дорогѣ въ ярдѣ, въ Эбершинъ, въ Нортъ Дакотѣ.

Биография г. Ватраля подобна до биографии великаго большинства нашихъ выходцевъ. Почти все тяжело работаютъ, часто переходятъ съ мѣста на мѣсто, — глядятъ лекной работы, но часто въ погоди за «лѣтнимъ» — попадаютъ въ горное и бывае, что обѣхавши все штаты, вертаютъ обратно въ свои первобытны мѣста. При такомъ вандрованно въ погоди за лучшей работой, — за прашемъ, работникъ часто отчуждается отъ своихъ кралновъ, ничимъ не интересуеся — пропадае для народной организаци.

Г-нъ Эмилианъ Ватраль походитъ съ села Лабова, въ Санденкомъ повѣтъ на Лемковщинѣ.

МИХАИЛЬ А. ГАЛЬКОВИЧЪ.

Среди нашихъ старыхъ иммигрантовъ съ Лемковщины, находится г. Михаилъ А. Гальковичъ, почтарь въ Атласъ, Па., — передмѣстѣ Мт. Кармель, Па.

Лодого учителя къ эмиграци въ Америку, къ своимъ однопсельчанамъ, яки въ томъ часѣ поселялися при майнахъ твердаго угля въ Шамокши, Мт. Кармель и ихъ окрестностяхъ.

Г-нъ Гальковичъ прибылъ до Мт. Кармель въ 1887 г. где и до теперь проживае.

Изъ каждому початковому иммигранту, такъ и г. Гальковичу, на початку пришлося также робити на брехѣ за малую платню. Переконавшись, что абы поличити легну роботу, треба знати англійскій языкъ, тожъ онъ съ молодекомъ охотомъ, принялся за изучение

англійського звання і скоро після того получили роботу за кларка

Покончивши нормальну школу, г. Гальковичъ, былъ учителемъ въ селѣ Неяны въ Грѣб. повѣтѣ на Лемковщинѣ, однакъ охватившая въ томъ часѣ Лемковщину эмиграційна горячка, побудила и мовъ компанійчюмъ склестѣ, съ скоро звернууть на себе увагу яко способній и честной клеркъ.

Михайль А. Гальковичъ.

Братство то дѣла О. Р. В. вымагали, абы переселился до Олифантъ, Па., где находилася гол. канцелярія Об-ва. Занималъ оны также въ О. Р. В. должность мѣто-предсѣдателя.

Въ 1922 г. г. Гальковичъ получилъ поновню должность почтаря въ Атласъ и должность тую исполние до теперь. — При почтѣ, оны веде потаріальны дѣла, шифкартовы и грошевы интересы.

Въ нашихъ народныхъ дѣлахъ г. Гальковичъ принимае живое участіе, а особливо въ дѣлахъ относившихся до Лемковщины.

Г-нь Гальковичъ родился въ 1870 г. въ Вогуши, грѣб. повѣта на Лемковщинѣ.

Однакъ работа въ склестѣ не подобалася молодому клерку, оны оставилъ склестъ, а компанія предложила ему другу работу — за боса при брехѣ, где робилъ долній часъ.

Ускладивши не большой капиталъ, г. Гальковичъ поставилъ собѣ хороший томъ въ Атласъ, Па., мѣстоу прилегающюмъ до Мт. Кармелъ, где открылъ свой бизнесъ, який провадитъ до теперь.

За свое честное поведение, его въ 1915 назначено почтаремъ въ Атласъ. Должность тую исполнялъ г. Гальковичъ до 1918 г. Коли былъ избранъ секретаремъ Общества Русскихъ

НИКОЛАИ ХОМА

Среди выходцевъ изъ Прикарпатской Руси въ Америкѣ жить новажное число сознательныхъ патриотовъ, якіи стараются о поднятїе нашего народа на такой степень культурного развитія, на якомъ находится другїи просвѣщенныи народы. — Благодаря усильной работѣ тѣхъ нашихъ поодинокихъ труженниковъ, мы маеме въ Америкѣ добре сьорганизованы организации, братства, парохїи, газеты, парохїальны школы якъ въ гр. каф. такъ и въ православныхъ парохїяхъ.

Къ такимъ четнымъ труженникамъ належитъ ■ г. Николай Хома, уроженецъ села Воли надъ Лаборцомъ, коло Гуменного въ Землинской епархїи.

— Якъ все русскїи дѣти выхаванїе въ данной Мадьярїи, такъ и г. Хома, за дѣтства учился лемъ по мадыарски. Русска буква, русское слово не мали подъ Мадьярїею доступа до русскїихъ школь. Передъ русскими дѣтми закрывано русскїи идеала, русскую исторїю, русскїи нѣсни, традици, ихъ насильно выучано, мадыарскїи идеала, мадыарскую исторїю, мадыарскїи нѣсни. И такъ много русскїихъ дѣтей по плоти и крови, поростали мадыарскимъ мясомъ, зненавиджали все, что ихъ родное, русское и перетворялися въ гонителей, личаровъ своего народа. — Они, коли развалилася Австро-Мадьярїя, оставилъ совсемъ свою родну землю, свой народъ и поили въ Мадьярскую пропасть.

Тотъ, кого судьба вывела въ Америку, доперва тутъ переконалися, что они не мадыары а члены великого русского народа и тутъ начали изучати исторїю русского народа и познавати самахъ себе.

Къ такимъ належитъ и г. Хома.

«Всёгда мол въ старомъ краю, говоритъ самъ г. Хома, не была русскя, была по-молдавчана и по-мадяричана. Ажъ когда въ 1906 г. я прїѣхалъ въ Америку, я познался, что я ани не мадярь, ани не словакъ, а русскій человекъ. Я уже не вѣрилъ словакамъ, же я словакъ греко-католикъ — бо я переконался, что у мене 100% русской крови». И вѣстно и г. Хома 100% не дѣла русской крови но и русской сознательности, что онъ стверждаетъ своими дѣлами. — Такъ примѣрнѣ, коли г-жа Иоанна Гладикъ, собирала въ Виндберъ жертвы на Лемк. Фондъ, то г-нъ Хома, не только зложилъ отъ себе жертву \$10, но черезъ три дни ходилъ съ г-жею Гладикъ по домахъ и много причинился до того, что въ Виндберъ на Лемк. Фондъ собрано поважну суму.

Г-нъ Хома, еще молодой (ему 37 лѣтъ) энергичный человекъ.

БР. СВ. О. НИКОЛАЯ ВЪ ПАССАЙКЪ, Н. ДЖ.

Кромѣ нашихъ великихъ организаций, въ подпольныхъ нашихъ колоніяхъ, находится братство, яки кромѣ хорой запомогн, выплачиваетъ своимъ членамъ также посмертну запомогу. — Къ такимъ братствамъ принадлежатъ и Братство св. О. Николая въ Пассаикъ, Н. Дж., фотографія котораго умѣщена на слѣд. страницѣ.

Членами братства суть майже самы выходцы съ Лемковщины и ихъ дѣти.

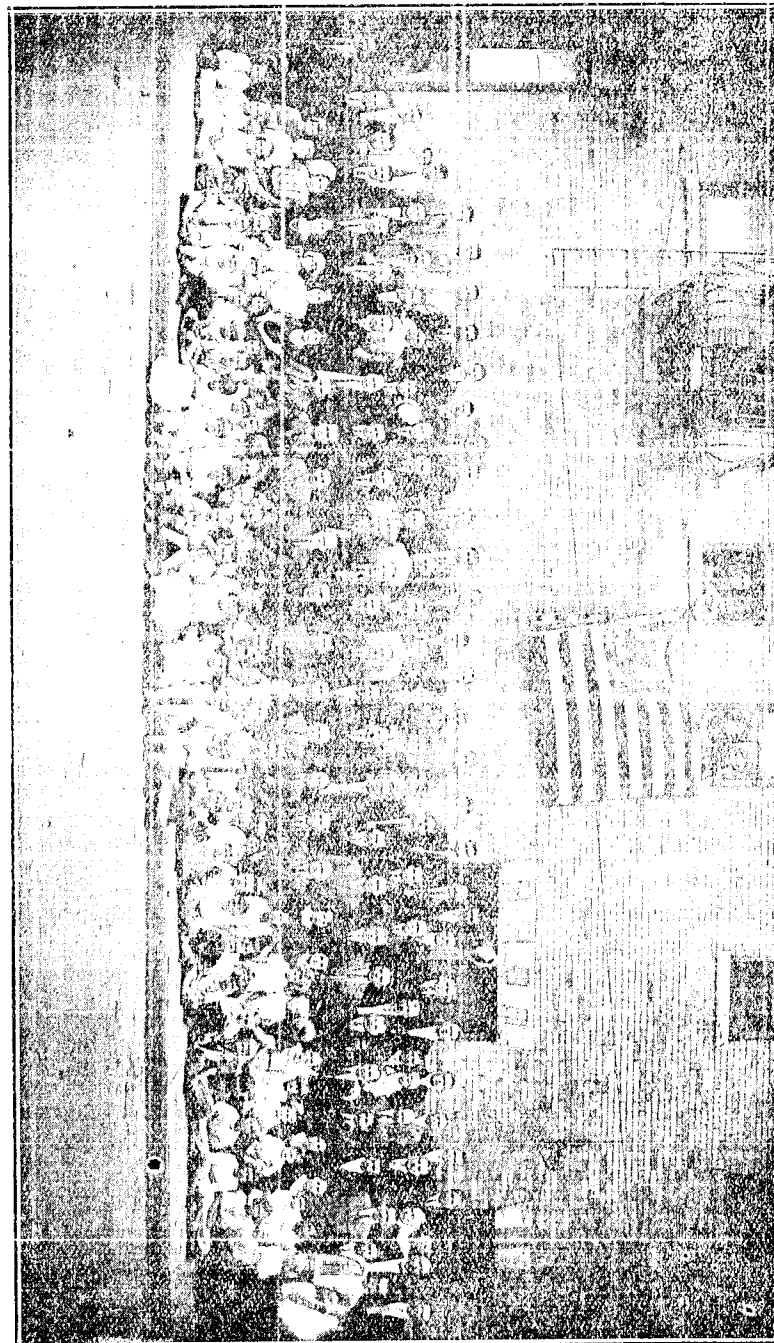
Братство св. О. Николая, має отдѣльный фондъ, выносящій тысячи долларовъ, изъ котораго выплачае посмертну запомогу по своимъ умершихъ членахъ.

Органомъ Бр. св. О. Николая есть «Лемковщина», яку каждый членъ предпочуетъ.

Братство св. О. Николая, отличило себе своимъ жертволюбіемъ на народны цѣли. — Стараніемъ членовъ Бр. св. О. Николая покупленъ въ Пассаикъ величавый народный русскій домъ въ которомъ находится велика галля съ сценою на представления, митинги, балы и прч. — Фотографія Братства снята при русскомъ народномъ домѣ.

Благодаря сознательности и солидарности братчиковъ Братства св. О. Николая, въ Гарфильдъ, яки отъ Пассаика отдѣляетъ только небольшая рѣка, сооружено величавую прав. церковь, при которой находится мурована школа и приходскій домъ. Священникомъ Гарфильдского прихода есть о. Иоаннъ Телень.

Братство св. о. Николая въ Пассаикъ, Н. Дж.

ЯКЪ ПОЧАЛИ БУДОВУ УКРАИНЫ ВЪ РОПИЦІ РУССКОЙ

(Листъ лемка отъ Горлиць.)

Украина для нашего карпато-русского народа, то великое несчастье. Но если бы то была русская Украина изъ надъ Дибра, Украина Сатайдачного, Хмельницкого, Драгоманова, Шевченка пришла до насъ въ Галичину и Карпатеку Русь, мы бы ю приняли и полюбили, якъ свою русскую Украину. Но до насъ пхали не русскую Украину, а «украину» вѣменко-польскую, «украину» Бисмарка и Шенгтыцкаго, «украину», котра мала отдати Русь въ руки Германіи и Рима. Противъ такой «украины» у насъ могла быти только бѣрба, бѣрба на житье и смерть, потому что хотябы и была така «украина», то чи скорше, чи позвѣйше пришла бы въ ней смерть для нашего народа.

Нѣмцѣ чудомъ, мы лемки, удержалися до того часу передъ напоромъ той вѣменко-польской украини, понятіи трудно. И школа ихъ и церковь ихъ и сила ихъ и власть ихъ и пхаютъ намъ, тому украину всѣми силами съ каждой страны, а мы оставили до сегодня здоровы. Во довоенное галшкѣ «украинство», то болѣзнь, котору вичелювали намъ вѣмцы и іезуиты. Теперь мы гѣб ясно то видимъ. И не только мы, но и такъ званы «украинцы» видятъ то и многи вертаются на праву дорогу.

Нашъ народъ на Лемковинѣ вѣрующій. И потому то, чтобъ насадити «украину» уноребили церкви. Шенгтыцкій выслалъ въ Лемковину новыхъ, молодыхъ, военнанныхъ въ его іезуитско-украинской школы, а старыхъ старался перетянуть на свою сторону.

Мало было старыхъ нашихъ лемковскихъ еященниковъ, которы дали бы ся перетянути Шенгтыцкому, однако павилися и такі, особенно, которы считали себе «пьяхтичами», славились своими «тербами» и т. д. До такой «украинской пляхты» принадлежалъ и Кс. В. Менцѣвскій, «аробощъ» на Маластовѣ, Папкой и Ропицѣ русской, горлицкаго повѣта. Человѣкъ уже старшій, за молоду не мѣшался совершенно въ политику а паразъ на стары лѣта захотѣлось ему и «любоми» и политики на стары лѣта захотѣлъ держати ся новой моды напано. Шенгтыцкимъ.

И выставился бѣдакъ на превеликі смѣхъ. Всѣ парохіиные отстрашилися отъ него. При немъ остался лемъ церковныи слуга и гробарь.

Такъ принималось «украинство» на Лемковинѣ.

Я хочу росказать вамъ, якъ «украинцы» открывали читальню «Просвѣти» гъ Ропицѣ русской:

Приходить до мене разъ въ 1913 г. молодець изъ Ропицы русской и говорить:

— Зде у насъ дѣся! На недѣлю будутъ открывати украинску читальню.

— А народъ хоче читальню?

— У насъ есть читальня им. М. Качковского и другой читальни никто не хоче, кромъ пона и учителя. А мы незнаемъ, што робити? Ци намъ итти на того открытыя, ци не итти никому?

Проситъ насъ, штобы мы пришли на недѣлю.

И выбралися насъ трехъ посмотрѣти на «украинску комедію». Запалъ мы въ читальню им. М. Качковского. Народа полно. Такъ старыи, якъ молодши читають, розумють и «украину» и политику, знаютъ исторію Руси. Радость въ такую читальню войти.

Начали радити, якъ поступити при открытію новой, украинской читальни. При видѣ той читальни дѣло стало, что друга читальни не потребна, только войти и учитель старается наслу, противъ воли народа, основати читальню «Просвѣти». А коли такъ, то идемъ всѣ на открытыя. Ааго маемъ право. И коли явился украинцы, то хика церковниог слуги была volna народа. А явился украинцы цѣлого горлицкаго повѣту, все молоды поны, молоды учителя, молоды понады, понадики и учительки.

Не было уже для нихъ мѣста, всѣ мѣста за столомъ заняли газдове.

Менцѣвскій открывалъ собраніе. Хоче учитель говорити, не позволяютъ, требуютъ выбора председателя собранія. Ставляютъ кандидатовъ: Украинцы ставятъ Менцѣвского, а его парохіиные — ропичане газду зъ другого села, Будилка. Розумѣется, что за Менцѣвскимъ голосуютъ лемъ украинцы, а весь народъ, его парохіиные за Будилкомъ. Украинцы завзяти, доаго не уступаютъ съ мѣста, по нашъ народъ еще завзятшій. Сидѣли до полночи. До полночи жандармъ стоялъ на дворѣ подъ окномъ, ничего не выходило. Народъ кричалъ:

Мы не хотимъ украини! Украинцы кричали. «Ще не вмерла».

Были хвили, коли народъ хотѣлъ кинутися и на своего парохана и другихъ вивковъ, но благоразумны газдове повоздержовали.

Въ концѣ украинцы были принуждены уступить и выйти изъ хаты церковника.

Такой былъ початокъ «украинства» въ Роницѣ русской, горлицкого повѣта.

Я вспомнулъ о томъ открытѣи «Просвѣти» гдѣ Роницѣ русской, чтобы показати вамъ, какъ то несчастливы. нашъ народъ. Какъ въ той нашей маленькой Русской Роницѣ, такъ на цѣлой Руси нашей, нашъ народъ стоитъ противъ своей интеллигенціи, а интеллигенція противъ народа. И какъ долго чуждъ будутъ воспитовати, учить нашу молодежь, то мы не будемъ мати своей интеллигенціи, своихъ предводителей, а безъ умныхъ предводителей. народу дуже тяжело жити.

А чтобы намъ землямы легче было жити, мы мусиме дбати о нашу голодежь, о бурсы для ней, о добрыхъ учителей.

Лемко отъ Горлиць

ПОЛЬСКІЙ ШЛЯХЦИЦЬ.

Матка съвѣнта, но за часи — Ани вудка, ни келбасы — Ни цигара, ни шва — То холера сирѣдлива. Портки въ дзюрахи, въ ревку натякъ, — Ноги голе, вни въ чуприньє. Безъ кошули и безъ гатекъ — Польскі шляхцицъ зъ глodu гниє.

За цужъ на насъ така кара — Вина тому хлонъ невяира — Русинъ злодзей знуфъ шанує — Н шляхцица не шанує. Муви, же онъ Польскемъ цаломъ — За табаки шюнекъ кунн — же онъ съ шипекомъ ей хваломъ. Занакує въ козей — носє...

Матка съвѣнта, шисматини — царославицы, грабьєквинки — Угонгайо съєнъ палъ нами — Убогимъ шляхцицами — А ты, Боже — синишъ спокойниє — Шє дбанъ, но то зъ того бендзє — Якъ вни дробне богобойниє — Зъбедомъ Польске по кольєндзє. —

ПОЛЕТИТЬ!

Маленній Джекъ: Мама, ни ангели мають крыла?

Мама: Мають, дитино, мають.

Джекъ: А лѣтають?

Мама: Лѣтають, дитинко, лѣтають.

Джекъ: А коли полетить наша порска Ени, бо тато казалъ ей вчєра, что она ангеликъ...

Мама: Полетить, дитинко, полетить! Завтра полетить! !

СМѢХЪ И ПРАВДА НА 1925 ГОДЪ

Дороги Кралие!

Такъ въ крає, якъ и американе! Иде рочокъ двадцетъ пятый; ктожь Го може знати, ци щєсливый, ци горбавый?

Но дваньстъ четвєртой были рочки смєрти, а дваньстъ пятый, най ся почна щєсавный и богатый такъ въ Америкѣ, якъ въ старомъ крає, жебы намъ было такъ, кєдъ би въ раю...

Але и зо своей страны винчує вєсьмъ американамъ, жебы были богаты:

Министрови Гавуалъ до милліона три кулли деншеати! Вархолєкови, Собиннови, Ковальчикєви, Федорчакови, Гальковичови, не тысячи, а милліоны раховати; а тѣмъ, што рахують стовки, дай Боже тысячами почати...

Вамъ, въ старомъ крає, дай Богъ одъ Польши ся отрясти, отъ шляхты, кєльєндзовъ, отъ нашей касты, податку, обѣды, та и отъ жидовъ...

Вамъ въ Америкѣ, кромѣ бизнесу и политики, дай Богъ розуму съ тѣмъ новымъ годомъ, соединитиєсь, прити до згоды. И дай Вамъ Боже дакує охоты помочи крає, тай до роботы за нашу правду, за руске право!.. Во той роботы дотєнєрь мало... Еденъ съ Васъ въ жменн стєскаєть тысячки, другій засъ варить дома «мѣсячку», третій скупує вєльки проперты, а наши братья, голы обдерты, тихо чєкають своего рочки смєрти: И Польши дусить и чєхи грызуть, ужъ и романє за скору лѣзуть! А мы ничъ не робимє, лємъ снємє и сами ся ѣмє!

Розума намъ, Боже, дай на тотъ дваньстъ пятый, Адамови и Пуцкови и шипкимъ завятымъ! Мы все Тобѣ прєдъ оятаромъ свѣчєчки ставимє, засвѣтъ и намъ, Боже разъ, най ся просвѣтимє:

Засвѣтъ Боже, свѣчєчку редакторамъ «Свѣта», засвѣтъ и «комитєтамъ» и вєскимъ «Совѣтамъ»...

«Соединєнїю», Боже, засвѣтъ и его статутамъ; Засвѣтъ Боже и «Просвѣтѣ» и по другимъ кутамъ.

А такъ винчує жити дома въ згодѣ: мисєнсамъ дрєссовъ по повной модѣ, а министрѣмъ добру, легку роботу и тиху пейду кєжду субботу...

А засъ по смєрти въ пєбѣ кучючєкъ... (Рѣзвый рочокъ.)

Ваньо Гуянна.

ЛИСТЪ ЖЕНЫ
ДО АМЕРИКИ.

Слава Иисусу Христу!

Драгій Мужу!

Насампередъ того листу Ты поздравляю до крокъ триста и цѣ-
лую черезъ воду въ гамбу, чело и бороду. . .

А засѣ теперь Ты доношу (и запомнати прошу), же я пишу все
и пишу, а отъ Тебе ани дыху, ани листу, ани слыху.

Гварилъ еденъ америкацъ, што прѣхалъ до Зубрика, жесъ еи
роснилъ превелико! Што заробилъ, то проилъ и же съ талианкомъ
жѣнъ. А засѣ другій америкацъ, што прѣхалъ до Минника, прека-
зовалъ гевъ презъ воду, жесъ еи вырюкъ своего роду.

Чудны чуда повѣдають! Такъ ми люде погѣнають. . .

Нашилъ же мѣ, мужу милый же то виштво вымыслѣли. . . На-
шилъ, што думашъ робити, ци до краю машъ фхати, ци насѣ ку собѣ
забрати, бо такъ дальне не можъ жити; бо гевъ превелика бѣда, якои
нци свѣтъ не видашь!

Якъ ужъ знань, пронали марки, котры ничъ не были варты, а
«злоты» съ панера лустили, котры засѣ бѣды гевъ наробили. . .
Виштво не злото хтитъ претворити: Лѣсы и поля и виштокъ статокъ,
отъ куръ и яецъ берутъ податокъ. . .

И гевъ не молу ничъ еи кунити, ани для себе, ани для дѣти —

виштки ходиме босы и голы; не знамъ, ци буде лѣшнѣ даколи. . . А
панамъ добръ еи гевъ поводити. . .

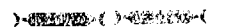
Петрусю златый, возъ насѣ за воду!

Пару долларовъ намъ иршиній скоро на прѣдѣву, а и на ско
бо зима иде, ужъ за плечами. . . Ой Воже, Воже, што буде съ нами?

Та будь здравъ Петре! Цѣлюють Тя дѣти. . . Коли Ты будутъ,
бѣдны видѣти? . .

Твоя жена

Катрена.

ЛИСТЪ МУЖА
ДО КРАЮ.

Дорога Катрено, мила моя жено! Варѣтъ мѣ Ты жаль, же съ
мучилъ въ краю; але собѣ не думай, же мѣ такъ, якъ въ раю
Не вѣрь тому, што тамъ люде плетуть, то лемъ въ краю еи нашивають
а не ту! . .

Ту въ насѣ теперь «прогибинилъ», есть то такъ право, же и
можъ никому пити, же пити не здраво. . . Та можъ пити, не горяч
хоцъ и преварене, але муситъ остынути. . .

Такъ моя Катренио! Америка, край горячий, человекъ мусить пи-ти, а вода гевъ лемъ солена, треба выварити. . . А то така чудна во-да, што гевъ ю вываритъ, то хоць и остыше добръ, то пече и палить и голову такъ заверие, якъ вапа паленка. . .

Такъ моя Катренко!

Што си тычить талиянки, то неправда, вера! Въ Америкѣ на нѣку инцимъ не позералъ. . . А тота, штогъ въ ней на бурдѣ, то не талиянка, але наша богушанка, ци гладышовянка. . . Ни не така ста-ра шни, ани не молода, острѣгла сообѣ волося, якъ теперь гевъ мода, полываеся нахиячомъ водомъ, малое си личко. . .

Такъ то Катреничко!

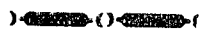
Што си тычить, жебы Ты гевъ, або я тамъ ишлоъ, то пропало моя мила! Гевъ такій «ло» выполоъ, што ни мужа, ани жену до мужа не пускить! Така остра нова «квота»! Не мошь ани кусцокъ. . .

Пивешъ, жебы слаги гроши: Та Ти долларъ кладу, лемъ же-быеъ си преконала, же поляки крадутъ. . . У насъ «квота» для по-ляковъ, въ Польшѣ для долларовъ; не допустять, вера Боже, трачу долларъ даромъ.

Я здравъ, Богу слава, лемъ не можь работи. . . Нашинъ ле мѣ Катреничко, кельо тамъ манъ дѣти? Си мя дакою звѣдують, а я незнамъ «цѣнцо». . .

Такъ будь здрава, мила жено, будь здрава Катренио!

Петро.

ЗА ГРОСЕРНЮ.

— Я чувъ, же твой братъ Майкъ въ джелн!

— Та въ «джелн».

— Та занго?

— За grosерню.

— Якъ то за grosерню? Не малъ «лайснись»? А може про́да-валъ «муншайнъ» въ grosерни?

— Але Боже храни, тото пѣтъ, лемъ отворишь grosерню завча-су, о 3 годниъ въ печи, подробленимъ ключомъ.

«БЛАЖЕННЫЙ УКРАИНЕЦЪ».

Встрѣтилъ я разъ въ Канадѣ, въ мѣстѣ, на улудѣ «украинця». Нашого, галицкого. А треба вамъ знати, же мамъ такій талантъ отъ Бога, што нашего, галицкого «украинця» доразъ познамъ. А по-знамъ го

по очахъ, по головѣ,
по шатахъ, по мовѣ,
по «шпосахъ», по модѣ,
по рукахъ и ходѣ. . .
Въ очахъ тупо
Въ головѣ глуно
Шаты съ другого взяты
Мова — нова. . .

И того я по такыхъ знакахъ позналъ. Молодый щни былъ, а шпоси барзъ загрязеныи:

— Дай, Боже! — реку.

— Добрый вечеръ! — каже. А що вы вуйку, украинецъ?

— Боже храни! Ани я не «вуйко», ани не украинецъ, лемъ ле-мко!

— Такъ то все одно! — каже. — Одна рідня мова!

— А коли една «рідня мова», то повѣчте мѣ паничу, што то та-ке «фрасъ»? —

— А дѣдько, каже, його знае!

— Такъ видите, реку, паничу, же не една «рідня мова». . . А вы паничу давно съ краю?

— У пятинцо, каже, пріѣхавъ.—

— Въ пятинцу? О то зле, паничу! Въ пятинцу Петлюра по-чалъ, въ пятинцу покочилъ. Правда, же зле?

— Не добре, вуйку! А добре, каже, менѣ було въ краю! Мій тато богатый, дуже богатый! Мы маемо велике господарство! Тато пріѣхали съ Америки, то докупили шо поля. А я сыпъ одинакъ дома бувъ и фортеніянь дома бувъ. . . Добре менѣ було! Курки наскучи-ло ѣсти ничо не казалн робити. . . И мамка пригласковали: «А мо-же тобѣ дитинко меду, може масла? Шо будешъ ѣсти на обѣдъ? Ку-рку, чи курьетко?» — Курку, кажу — и була курка. — Добре ме нѣ було. А тато гроши давали, скілько хотѣвъ. . . Не польски гроши, а доллары. — Тато принесли велики гроши съ Америки. Недавно пріѣхали. А татови добре велося въ Америкѣ. Тато були «сукъ-ше-

О Долляре — Доллярочку,
Долляре, Паночку!
Еднимъ даешь за дуже,
Другимъ «дробиночку»
Еднимъ даешь выгоды
И везки роскоши,
А други небораки
Ходягъ голы босы. . .
Еднимъ даешь приемаки,
Ажъ ся отъ нихъ дуоуть,
А други лемъ пахаюгъ
И ся облизуюгъ. . .
Долляре — Доллярку
Предъ Тобомъ и я клошо главу,
Ажъ мѣ трицигъ въ карку!
Дай-же и мѣ дакусъ счастья
Позрѣи милостивымъ окомъ
Дакотрого ранку
На

Ваня Гунянку.

ДУСИЛО.

Иде лемко черезъ лѣсъ,
Позерать на буки:
А на буку, што за бѣсъ,
Висигъ но подъ руки? !
То я, газдо, гублю душу,
Я, цѣганъ Самѣло!
Геть во свѣта зыгити мущу,
Жыгья ся сприкрито. . . .
Добрѣ робиншь, злодѣю!
Выгода памъ буде,
Але вѣнайся за шю,
Жкъ и други люде. . . .
Я за шю ужъ пробовагъ,
Та не добрѣ было,
Могущъ ся мѣ затыговаль
И барзъ мя дусило. . .

Ваньо Гунянка.

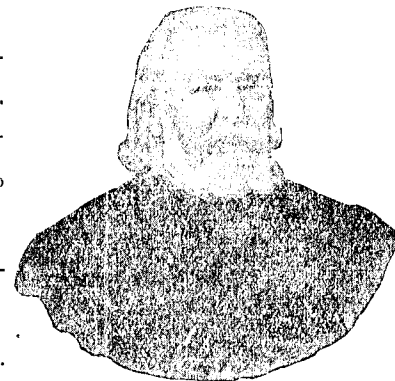
ПЕРВАЯ РУССКАЯ КНИГАРНЯ

имени ИВАНА НАУМОВИЧА

ВЕНЕДИКТЪ М. БРОДА — управляющій

Поручае нашимъ переселеніямъ въ Америкѣ книжки всѣхъ
СТАРОКРАЕВЫХЪ ИЗДАНИЙ,
а также всѣ американско-русскія изданія.

Церковныи Богослужебныи
Книги, Молитвословы, Пропо-
вѣди, Житья Святыхъ и проч.
ДЛЯ АМАТОРСКИХЪ ТЕАТ-
РОВЪ БОГАТЫИ ВЫБОРЪ
ТЕАТРАЛЬНЫХЪ ПЬЕСЪ.
Русскіи старокраевыи и Аме-
риканскіи открытки.
Поты Церковныи и Свѣтскіи.

Каталогъ и цѣнникъ высылаемъ каждому даромъ.

Imported and Domestic Russian Books of all descriptions, and
in different Russian dialects.

Address all communications:

V. M. BRODA

112 E. 7th. St., New York, N. Y.

РУССКІЙ НАРОДНЫЙ ДОМЪ

149 Fourth St.,

Passaic, N. J.

Russian National Organization Home

Въ домѣ находится велика галя на

ТЕАТРАЛЬНЫ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ

и

КОНЦЕРТЫ, БАЛЪ и МИТИНГИ.

Въ народномъ домѣ получите все свѣжи напои: цигары, цигаретни всякихъ сортовъ.

Если идете до Пассайку, то завсѣгда берте съ собою адресъ до Русского Народного Дома, — тамъ о всемъ доведатеса, что Вамъ потребно.

СТЕФАНЪ ФЕДОРЧАКЪ

387 Lexington Avenue,

Clifton, N. J.

Мае первоклассну гросерню съ свѣжими уженинами, печивомъ и овочами.

Федорчакъ всѣмъ намъ знаный

Лемко съ Перегримки,

Между жертвователями на

Патріотичны дѣла

Стоить на передѣ.

Брате русскій изъ Клифтону

А и съ Пассаика,

Честно будешь обслуженый

У гросерни Федорчака.

Tel. Passaic 6019

НАЗАРЪ ТЕЛЪЩАКЪ

72 Mahar Ave.,

Clifton, N. J.

Въ лѣво, въ право,
Въ бокъ чи назадъ
Але памятайте,
Скल्पъ русского бизнесисты
Вы не поминате.
У Клифтонѣ при Пассайкѣ
Тамъ Назаръ Телъщакъ
Мае скल्पъ-первой классы.
Все свѣженъке для ужитну
и на смакъ.

Мясо, шини и кобасы.
Овочи и презервы —
Солонина, муна, кексы,
Хлѣбъ, нава, всяки кеиды.
У Назара все достаенъ.
Лемъ-си адресъ запаматай,
Магеръ звия сѣмдесать два
А не знаенъ, то ся спытай.

СТЕФАНЪ МАЙКЪ

678 Van Houton Ave.,
Clifton, N. J.

Все тримайтеса клича
того:

Покупайте все у своего.

Майкъ самъ товары
выробляе

И дешево ихъ сародас.

Tel. 5443

СТЕФАНЪ ШВЕЦЪ

131 Lake Ave.,
Clifton, N. J.

ПЕРВОКЛАСНА
ВУЧЕРНЯ И ГРОСЕРНЯ,
где можете получить все
свѣже мясо и всякии пе-
чива два разы на день.

JOHN RIZSAK
BANKER,

127 Second Ave., Passaic, N.J.

Подъ контролей банкового и ассекраційного департамента штата Нью Джерзи.

ПРИНИМАЕ гроши яко депозитъ и платитъ интересъ.

ЗАЛГОДЖУЕ всякого рода нотаріальныя sprawy.

ЛЕГАЛИЗУЕ заграничныя документы яко полномочія, контракты и афидевиты.

ПОСЫЛАЕ гроши до всякъ частей свѣта драфтомъ, по почтѣ и телеграфично.

СПРОДАЕ шифарты на всѣ лины.

Наша информация и услуга постоянно въ Вашей распоряжности.
Фирма существуетъ 24 лѣтъ.

КЪ СВѢДѢНІЮ ВЪРУЮЩИХЪ ЛЮДЕЙ.

...Тысячи изъ васъ, братья, уже купили себѣ дома, а для домовъ и мебель. Але чи приукрасили Вы Ваши дома хорошими русскими образами? Чи може и въ новыхъ Вашихъ помешканіяхъ висятъ дешево, отъ часу почорнѣлы паперовы католицкіи образы?

На покупку дома и мебели Вы не пожаловали тысячей дол. Чи не вко-жь Вы пошлуете лемъ 15 дол. за артистичный, олевыми фарбами и золотомъ намалеванный на полотнѣ, або на деревянной доскѣ Образъ Спасителя, або Божіей Матери? Тѣ образы будутъ въ вѣчное благословеніе Вашому дому и Вашей фамилии.

Если Ваша церковь нуждается въ хорешихъ русскихъ образахъ, хоругвахъ, ризахъ, Св. Роспятии, Плащаницѣ, — все тое Вы можете выписать отъ Прот. Ф. въ Ньюаркѣ:

Его адресъ:

REV. F. BUKETOFF, 335 Walnut St., Newark, N. J.

ВИКТОРЪ ПОТОЦКІЙ.

55 Center St., Clifton, N. J.

Ци то въ зимѣ ци то въ лѣтѣ, Все потребны намъ напитки: Пиво, сода, лемонада, Соки съ ягодъ, винограда.	О томъ знайте — памятайте, Потоцкого не миняйте. Онъ напитки всяки мае, На жаданье и до дому достарчае.
--	--

СВОЙ ДО СВОГО!

ІОАНЪ ГАВРИЛИВЪ.

130 Lake Ave., Clifton, N.J.

— ПЕРВОКЛАСНА БУЧЕРНЯ И ГРОСЕРНЯ —

Въ Гаврилива получите завсѣгды свѣжое мясо, удженину, — цукоръ, чай и кафу, мае — Два разы на день свѣжіи печива, — хлѣбъ и булки, — съ бѣлой муни.

НИКОЛАЙ ИВ. ПОПОВЧАКЪ

104 Chesnut St.,
Garfield, N. J.

РУССКА ГРОСЕРНЯ И
БУЧЕРНЯ где получите
все свѣжіе товары по умѣ-
рнованныхъ цѣнахъ.

Tel. Passaic 2677

ІОСИФЪ МОНЧАКЪ

62 E. Clifton Ave.,
Clifton, N. J.

ПЕРВОКЛАСНА
БУЧЕРНЯ И ГРОСЕРНЯ.

Tel. Passaic 4525

ДАМІАНЪ КУНКА

525 Lexington Ave., Clifton, N. J.

Першій русской гуртовый спродавца МЯСА И ДРУГИХЪ СВѢСТНЫХЪ ТОВАРОВЪ. Поручается памятати всемъ рускимъ гросерникамъ и бучерамъ въ Клифтонъ, Пассайкъ и Гарфильдъ. — Свой до своего!

Старый бывший салониста въ Нью-Йорку

ВАСИЛІЙ КАРДАШЪ

359 Midland Ave.,
Garfield, N. J.

Для пріятеля нового
не
забывай
старого.

Мае первоклассный салонъ съ свѣжими и здоровыми напоями.

Tel. Passaic 3775

W. PALUBNIAK

56 Commerce St.,
Garfield, N. J.

Одинока русска фабрика
для výroba хустинонь и
всякихъ хорошихъ вышивокъ,
поручае свои вырѣбы
русскимъ шилепамъ
съ полотняными товарами.

H. ELLMAN

ГУРТОВА СПРОДАЖЪ

Чистого молока, сметаны,
масла и домашной ма-
шлянки.

Молочна стация:

12 Third St.

Контора:

164 Autumn St.
Passaic, N. J.

Tel 4982 - J. Passaic

А. БИЩАКЪ

40 Van Winkle Ave., Garfield, N. J.

Первоклассна русска Бучерня и Гроссерня где получите
каждый день свѣжое мясо и уженину.

Гроссерня все эосмотрена въ первоклассны товары свѣжны и
консервованы.

Хлѣбъ два разы на день съ пекарни.

Telephone 2007 Passaic, N. J.

ПАВЕЛЬ СОВА

180 Ackerman Ave., Clifton, N.J.

Чи съ далека, чи съ Клифтопу

На миняйте ПАВЛА СОВУ.

Онь, всѣхъ радо угощае.

Напои лемъ здравы дае.

РИЗНИЦА АРХИМАН-
ДРИТА СИМЕОНА

Имѣю готовыя священ-
ныя облаченія разныхъ
цвѣтовъ на русскій стиль,
хоругви, плащаницы, ря-
сы, подрясники, камиплав-
ки, скуфьи запрестоль-
ные, деревянные кресты
художественной работы.
Всѣ работы для отцовъ и
прихожанъ исполняю
самъ. Хорошія условія.

REV. S. NIKULNIKOFF,
347 East 14th St.
New York

СТЕФАНЪ Н. ГУМЕЦКІЙ

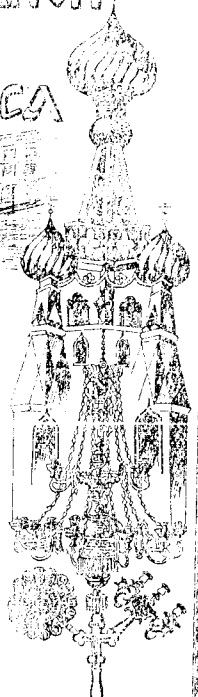
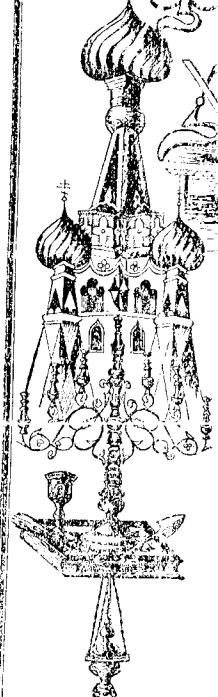
Ассекураційный агентъ.

846 Library St.,
Carnegie, Pa.

Ассекуруетъ людей въ
наибольшихъ американ-
скихъ компаніяхъ. — Кто
желае заасекуровати себе,
свою жену, дѣтей, знако-
мыхъ — Най удастся до
агента своего —

Бо якъ есть свой —
То не лѣзте до чужого!

ФАБРИКА ЦЕРКОВНОЙ
 СТВАРИ
 УАЛЛТОНА БЪЛОВА

Одинокій въ Америкѣ
 русскій позолотчикъ и из-
 дѣльщикъ церковныхъ вещей.
 — Выробляетъ на заказъ
 кресты, подсвѣчники, канди-
 лабры и прч.
 Отновляетъ и позолочаетъ
 чаши, кресты, подсвѣчники.
 Выробляетъ братскіи и ор-
 ганизаціонныя значки.

CHARLES BELLOUS
 203 E. 9 St.,
 NEW YORK CITY,

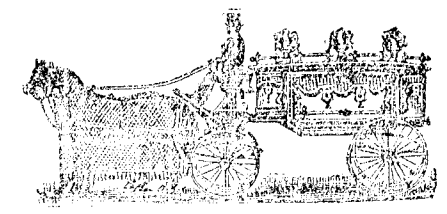
СТЕФАНЪ СКИМБА
 GENERAL MERCHANDIES STORE.

445 Winter Ave., West Hazleton, Pa.

БУЧЕРНЯ, ГРОСЕРИЯ, КРАМЪ, Темперенційны напитки,
 патентованы медицины — все что потребно. — до ѣдженя, до
 одѣня и забавы и отъ болю костей, головы, — все вы въ Шким-
 бы достанете. — Тое добре давно знаютъ — костюмеры, што
 у Шкимбы все купуютъ.

New Telephone 7.

РУССКЕ ПОХОРОННЕ ЗАВЕДЕНІЕ
 ВЪ ОЛИФАНТЪ И ОКРЕСТНОСТИ
 ЛЮБОВЬ СВАЛА

Заведеніе добрезнае отъ довгихъ лѣтъ изъ своей услужли
 вости и точности. — Въ потребѣ удавайтесь до своего.
 Въ потребѣ каждый русскій человекъ повиненъ удаватис
 до своего.
 Достарчае повозовъ и автомобилей на весѣля, крестин
 и великіи оязи. Памятайте на адресъ:
 Mrs. LUBOV SWALLOW
 108-110 Grand St.,
 Ollyphant, Pa

П. ВИРХНЯНСКІИ
 1 Mulberry St. Yonkers, N. Y.

Гей ты лемку старій млодій,
 Якъ глядаешъ ты отрады,
 То зайдь до краяна своего,
 Готельника Вирхнянского.
 Онъ дастъ лѣки на жалъ — б
 Въ него свѣжи софтъ напоѣ,
 Цигаретки и цигари,
 Всякихъ сертовъ до выбора.
 Якъ идете вы до Юнкерсъ,
 То не забудете взяти адресъ
 До краяна, до своего
 Готельника Вирхнянского.

New Phone 755

АНДРЕЙ КИХАРТЪ

Мае первоклассный склепъ съ одежою и черевиками, а также всякіи женскіи и мужскіи приборы.

А. Кихартъ, то одинъ изъ старихъ нашихъ русскихъ бизнесменовъ, — Въ своемъ склепѣ держитъ найновшіи товары.

Andrew Kiehart
700 Poplar St., Mayfield, Pa.

ВАСИЛИЙ ГАВРИШЪ

2 Mulbery St.,
Yonkers, N.Y.

«Старый нашъ салониста» —
Такъ Гавриша называютъ,
Бо довги лѣта
Въ Йонкерсъ люде его знаютъ.
Пиво, саїда, сода,
Цигаретки и цигары,
«Драй» ци «ветъ»
У Гавриша до выбору.
Гавришъ крайнѣ изъ Никловы
Тамъ подъ Карпатами,
Радъ встрѣтитись, погоститись
Со своимъ крайнами.

АЛЕКСѢЙ КОВАЛЬЧИКЪ

116 - 118 Grant St.

OLYRHANT, PA.

Одинокій въ Олифантѣ русский склепъ съ мебелью, фонографами и майнерскими приборами.

Ковальчикъ мае свою бляхарску фабрику въ яной выробляе всякіи домашны бляшаны и мѣдны рѣчи — якъ горшки, чайники, майнерскіи пелы и рѣч.

Мае все на складѣ майнерскіи машины, шапки, лампки и др

ФАБРИКА ВЫРОБА ЦИГАРЪ «ЛЕМКО»

Цигары роблены съ найлѣпшого табаку.

Властитель НИКОЛАЙ ШУТОВИЧЪ

342 Hepperham Ave., Yonkers, N. Y.

СТЕФАНЪ ШКИМБА

165 Palisade Ave.,
Garfield, N. J.

Мае хорошо заряженный айс-кримъ парлоръ, где спродае всякіи солодни напоѣ, конфекты, закуски, приборы до писаня и рѣч.

THE OLYPHANT BANK

OLYPHANT, PA.

Capital \$100,000.00

Surplus \$100,000.00

Deposits \$2,000,000.00

3% Interest Paid on Savings Accounts.

За уложенны депозиты платять 3%.

ДИРЕКЦИ:

DAN. G. JONES, President,

JAMES J. O'MALLEY, Vice-President

M. J. PHILBIN, Cashier

WALTER TINSLEY, Ass't-Cashier.

ГАВРИИЛЬ ОНУЦАНЪ, русскій grosерникъ, походящій съ села
Ганцова на Лемковщинѣ. 1054-1056 — 3rd. St. CATASAUQUA, PA.

ПЕТРО КИХАРТЬ

47
Mayfield Pa.

Первоклассный русскій генеральный снлепъ въ Майфильдъ
въ якомъ находится все свѣдѣ. мясо, ушенина, колбасы, зелени-
на, а танже товары полотняны, сумяны, скоряны, та всякни май-
нерски необходимости.